

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

6'2023

Выпуск 6 (230)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 6 (230) 2023

ТОМСК
2023

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано: ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 31.10.2023. Дата выхода в свет: 30.11.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 20,25. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1266/н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 6 (230) 2023

**TOMSK
2023**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, associate professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation);

M. P. Voytekhevskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of physics and mathematics, professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Tomsk, Russian Federation);

G. G. Slyshkin, Doctor of physics and mathematics, professor (Moscow, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editor of the Issue:

A. V. Kurjanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: "Skorost' Tsveta".

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 31.10.2023. Publication date: 30.11.2023. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: 20.25 screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1266/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Тубалова И. В., Рудикова Ю. Ю. Образы участников образовательного дискурса в учебниках по иностранному языку	7
Дмитриева Ю. Л. Вербализация образа сада как одного из ключевых образов сакрального пространства (на материале произведений С. Есенина)	16
Персидская А. С. Перевод модальных глаголов с английского языка на русский в текстах международных договоров	23
Афонина О. И. Проблемы экспрессивного синтаксиса на примере выступлений Д. Трампа и Дж. Байдена в преддверии Рождества 2017 и 2022 годов	31

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ермоленкина Л. И. Диалогизм радиоречи как механизм реализации дискурсивного контроля	39
Эмер Ю. А., Андриевская С. А. Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания	49

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Емельянова Я. Б. От общего аудирования к переводческому: трудности и пути их решения	58
Сидоркина К. С. Национально-психологические и культурные особенности иностранных студентов как фактор, влияющий на их академическую адаптацию	69

РУССКИЙ ЯЗЫК

Соломка Н. А. Способ разграничения слитного, дефисного и раздельного написания географических названий	77
Черняк В. Д. «Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений	85
Бондарев М. В., Болотнов А. В. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации подтекстовой информации в поэтических текстах И. Ф. Анненского	94
Исаева О. В. Содержание и средства репрезентации концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет	103

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

Бурмистрова С. В. Концепция Божественного Промысла в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»	111
Головчинер В. Е., Леванова Е. Ф. Пьеса В. Масса и Н. Эрдмана «Орфей в аду» на музыку оперетты Ж. Оффенбаха	122
Полева Е. А., Липовка В. О. Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне	132
Колмакова О. А. Мотивы притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева	143
Красноухова Ю. С. Миромоделирующие функции топоса сада в пьесе Н. Садур «Доктор сада» (2011)	152

CONTENTS

COMPARATIVE AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Tubalova I. V., Rudikova Yu. Yu.</i> Images of educational discourse participants in foreign language textbooks.....	7
<i>Dmutrieva Yu. L.</i> Verbalization of the image of the garden as one of the key images of the sacred space (by the material of the works of S. Yesenin).....	16
<i>Persidskaya A. S.</i> Translation of modal verbs from English into Russian in the texts of international treaties	23
<i>Afonina O. I.</i> Problems of expressive syntax on the example of the speeches of D. Trump and J. Biden for Christmas 2017 and 2022	31

THEORETICAL LINGUISTICS

<i>Yermolenkina L. I.</i> Dialogue of Radio Speech as the mechanism of the realization of discursive monitoring.....	39
<i>Emer Yu. A., Andrievskaya S. A.</i> Academic Military-Educational Discourse: Towards a Description Model	49

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

<i>Emelyanova Ya. B.</i> From general to translation-oriented listening: challenges and solutions.....	58
<i>Sidorkina K. S.</i> National-psychological and cultural characteristics of international students as a factor influencing their academic adaptation	69

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Solomka N. A.</i> The way to distinguish between continuous, hyphenated and separate spelling of geographical names.....	77
<i>Chernyak V. D.</i> "Vypechka" (pastries) and "molochka" (dairy products): vectors of language changes	85
<i>Bondarev M. V., Bolotnov A. V.</i> Linguistic and extralinguistic features of representation of subtextual information in poetic texts of I. F. Annensky	94
<i>Isaeva O. V.</i> The content and instrument of representation of the concept "love" in Zabolotskiy's liriks of different years	103

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Burmistrova S. V.</i> The concept of divine providence in N. V. Gogol's story "Taras Bulba"	111
<i>Golovchiner V. E., Levanova E. F.</i> Russian text "Orpheus in Hell" by V. Mass and N. Erdman in relation to the libretto of Offenbach's operetta	122
<i>Poleva E. A., Lipovka V. O.</i> The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev's stories about the great patriotic war	132
<i>Kolmakova O. A.</i> The motives of the parable of the prodigal son in novels "Number One, or In the Gardens of Other Opportunities" by L. S. Petrushevskaya and "Twins' House" by A. V. Korolev	143
<i>Krasnoukhova Yu. S.</i> The world-modeling functions of the garden topos in N. Sadur's play "Doctor of the Garden" (2011)	152

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.1/8

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-7-15>

Образы участников образовательного дискурса в учебниках по иностранному языку

Инна Витальевна Тубалова¹, Юлия Юрьевна Рудикова²

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ tina09@inbox.ru

² yulia_rudikova@mail.ru

Аннотация

Учебник рассматривается как особая форма коммуникации между участниками образовательного процесса, в рамках которой значимость приобретает моделирование образов обучающего и обучающегося, реализующееся в текстах при помощи особых дискурсивных стратегий. Цель статьи – выявить представленное в учебниках по иностранному языку содержание образов участников образовательного дискурса, реализованных в высказываниях, обращенных к обучающимся; определить дискурсивные средства их формирования. Исследование выполнено на материале текстов 10 учебников английского и русского языков, изучаемых как иностранные. Методы исследования определяются спецификой образовательного дискурса, особенностями учебника как сложного ядерного жанра, включенного в его структуру. В качестве методологического обоснования исследования рассматривается понятие дискурсивной стратегии как способа реализации образа участника дискурса, который в свою очередь осмысливается как вариант реализации дискурсивной роли, конкретизирующий признаки социальной позиции в ситуативно-личностном аспекте. Образ участника дискурса – совокупность его признаков, проявляющихся в особом дискурсивном поведении, не выходящем за рамки типового, заданного дискурсом и направленного на реализацию дискурсивной цели. Исследование показало, что конкретно-ситуативные жанрово-дискурсивные цели учебника по иностранному языку, заданные в соответствии с типом регулируемой образовательной деятельности, определяют формирование трех типов образов участников образовательного дискурса: 1) автор – предписывающий обучающемуся необходимые учебные действия; обучающийся – их исполнитель; 2) автор – организатор, «режиссер» коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – участник этой ситуации, ее «актер»; 3) автор – ведущий участник коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – ведомый участник этой ситуации. Третий их тип кардинально отличается от предыдущих низкой степенью директивности. В рамках стратегической реализации рассматриваемых целей индивидуально-личностные представления составителя учебника о форме взаимодействия между участниками образовательного процесса определяют выбор речевых средств, задающий дальнейшее варьирование образа автора и образа обучающегося. Дальнейшее варьирование образов осуществляется на основании индивидуально-личностных интенций составителя учебника и проявляется в аспектах их индивидуализации.

Ключевые слова: образовательный дискурс, учебник по иностранному языку, ролевая структура дискурса, образ участника дискурса, дискурсивная стратегия

Для цитирования: Тубалова И. В., Рудикова Ю. Ю. Образы участников образовательного дискурса в учебниках по иностранному языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-7-15>

COMPARATIVE AND APPLIED LINGUISTICS

Images of educational discourse participants in foreign language textbooks

Inna V. Tubalova¹, Yuliya Yu. Rudikova²

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tina09@inbox.ru

² yulia_rudikova@mail.ru

Abstract

The textbook is studied as a special form of communication between participants in the educational process, within which it is important to model the images of the teacher and the student, which is realized in texts using specific discursive means. The purpose of the article is to reveal the content of the images of participants in the educational discourse presented in textbooks on a foreign language and implemented in statements that appeal to students; determine the discursive means of their formation. The study was conducted on the material of the texts of 10 textbooks of English and Russian languages studied as foreign languages. Research methods are determined by the specifics of the educational discourse and the textbook as a complex genre included in its structure. For methodological substantiation, the concept of discursive strategy is important – as a way to implement an image, which, in turn, is comprehended as a variant of implementing a discursive role that clarifies the manifestation of a social position in a situational-personal aspect. The image of a discourse participant is a set of its features, manifested in a special discursive orientation, not going beyond the typical, given by the discourse and aimed at achieving a discursive goal. The study showed that the specific situational genre goals of a foreign language textbook, set in accordance with the type of regulated educational activity, determine the formation of three types of images of participants in the educational discourse: 1) the author prescribes the performance of the corresponding task; the student is their executor; 2) the author is the organizer, “producer” of a communicative situation of a certain type; the student is a participant in this situation, its “actor”; 3) the author is a leading participant in a communicative situation of a certain type; the student is an equal participant in this situation. Their third type differs from the previous ones in its low orientation. Within the framework of the strategic implementation of the goals under consideration, the individual-personal ideas of the compiler of the textbook about the form of interaction between the participants in the educational process determine the choice of speech means, which sets a further variation in the image of the author and the image of the student. Further variation of the images is carried out on the basis of the individual-personal intentions of the compiler of the textbook and manifests itself in aspects of their individualization.

Keywords: educational discourse, foreign language textbook, role structure of discourse, image of a discourse participant, discursive strategy

For citation: Tubalova I. V., Rudikova Yu. Yu. Obrazy uchastnikov obrazovatel'nogo diskursa v uchebnikakh po inostrannomu yazyku [Images of educational discourse participants in foreign language textbooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 7–15 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-7-15>

Введение

В современной теории образования учебник определяется как средство обучения, подчеркивается особая регламентированность его содержания и формы изложения материала [1].

В настоящем исследовании учебник рассматривается как особая форма коммуникации между участниками образовательного процесса, в рамках которой значимость приобретает моделирование образов обучающего и обучающегося, реализующееся в текстах при помощи избираемых автором дискурсивных стратегий.

Цель исследования – выявить представленное в учебниках по иностранному языку содержание образов участников образовательного дискурса

(ОД), реализованных в высказываниях, обращенных к обучающимся; определить дискурсивные средства их формирования.

Материал и методы

Работа выполнена на материале текстов учебников английского и русского языков, изучаемых как иностранные [2–11].

Методология опирается на детально проработанное дискурсивной лингвистикой положение о том, что говорящий субъект как участник дискурса получает определенную, заданную целью данного дискурса дискурсивную роль [12, 13], согласно которой он производит «выбор между альтернативными способами выражения примерно одного

и того же значения» [14, с. 21]. В институциональных дискурсах типы позиций участников общения формируются в пресуппозиции, статусное общение предлагает его участникам фиксированную схему коммуникативных ролей [15, с. 175], ограничивая выбор способов говорения «властью дискурса» (термин Т. ван Дейка), его идеологией. При этом вариативность текстопождения, реализуемая говорящим, все же не исключается. Концепция дискурса, на которую мы опираемся, предполагает, что выбор коммуникантом стратегии порождения текста наряду с его знаниями о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов определяется его индивидуальным опытом, представлениями «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» [15, с. 51]. В процессе дискурсивной деятельности «индивид выбирает тип действия и способ его осуществления из ряда альтернатив», причем «понимаемая таким образом стратегия не предполагает сознательного планирования» [15, с. 60].

Занимая определенную ролевую позицию, участник дискурса строит высказывание в соответствии с типовыми, социально отработанными особенностями коммуникации. При этом его речевое действие включает вариативный компонент, не выходящий за рамки дискурсивной роли, и на его основании мы определяем образ участника дискурса, основанный на ролевой позиции.

В настоящем исследовании мы используем термин «образ» применительно к типовому участнику дискурса, по-особому реализующему дискурсивную роль. Данный подход к анализу дискурса В. И. Карасик определяет как субъектный, отмечая, что в его рамках исследуются «типизируемые ситуативно-личностные характеристики участников общения» [16, с. 58].

Образ участника дискурса – совокупность его признаков, проявляющихся в его особом дискурсивном поведении, не выходящем за рамки типового, заданного дискурсом и направленного на реализацию дискурсивной цели.

Объектом настоящего исследования являются высказывания, реализующие речевые стратегии обращения к обучающимся, представленные в текстах учебников по иностранному языку, предметом – содержание образов участников дискурса и средства их дискурсивного моделирования.

Учебник рассматривается нами как сложный жанр ОД.

Рассматриваемый дискурс в силу сложности его онтологии характеризуется в современных

исследованиях разнообразием терминологических обозначений, а представленные обозначения являются референциально вариативными. Наиболее востребованными для номинации рассматриваемого объекта являются термины «педагогический дискурс» [17] и «образовательный дискурс» [18]. В данном исследовании мы используем термин «образовательный дискурс», подчеркивая ведущую роль его цели транслировать специальные знания.

Жанровая структура ОД включает учебник как один из его ядерных жанров. Жанровый статус учебника мы определяем на основании когнитивного подхода, в рамках которого речевой жанр понимается как «типическая модель порождения текста в типичных ситуациях» [19, с. 22]. При этом жанр как типичная модель текстопорождения рассматривается в качестве видовой по отношению к дискурсу [20].

Наиболее значимыми для данного исследования являются следующие признаки учебника: установка на реализацию информационной и организационно-управленческой функции, изложение основ научных знаний по определенному учебному предмету [1, 21]. Одна из базовых жанровых целей учебника – организация учебной деятельности, и текст учебника реализует стратегии ее регулирования.

В соответствии с регулирующей жанровой целью в учебнике ролевая структура ОД приобретает определенную специфику, реализованную в моделируемых образах его участников. На основе дискурсивной роли обучающего формируются жанрово-дискурсивные ролевые позиции преподавателя и автора учебника, последняя из которых приобретает статус ведущей в силу ее соотносительности с автором жанрового текста. Но учебник, рассматриваемый как продукт дискурсивной деятельности, предполагает ориентированность автора текста на обучающегося как его реципиента. В связи с этим в учебнике особым способом реализуется образ не только автора, но и обучающегося.

Отдельного внимания в аспекте дискурсивного обоснования моделирования рассматриваемых образов заслуживает характер содержания исследуемого компонента ОД – обучение иностранному языку, ориентированное на формирование коммуникативных навыков, что предполагает дискурсивное снижение уровня формальности общения¹.

Представленная специфика ОД и его ядерного жанра – учебника, а также реализованного в данном жанре содержания, связанного с обучением

¹ Об уровнях формальности общения см. [14, 22] и др.

иностранному языку, определяет специфику реализации исследуемых образов. Рассмотрим результаты их анализа.

Результаты и обсуждение

Ролевые дискурсивно-жанровые позиции автора учебника по иностранному языку и обучающегося, согласно предлагаемой концепции, реализуются в различных их образах, наиболее последовательно проявленных в высказываниях, обращенных к обучающимся. Содержание реализованных образов определяется: 1) характером конкретно-ситуативной жанрово-дискурсивной цели, заданной в соответствии с типом регулируемой образовательной деятельности, – внешнее, дискурсивно-жанровое обоснование; 2) особенностями индивидуально-личностных представлений составителя учебника¹ по иностранному языку о форме взаимодействия между участниками образовательного процесса (в данном случае – между обучающим и обучающимся) – внутреннее, индивидуально-личностное обоснование.

Моделирование образа автора учебника как источника регулирования образовательной деятельности на основе этого учебника определяет параллельное моделирование образа обучающегося, на которого эта деятельность направлена. Образ обучающегося представляет собой коррелятивное соответствие образу автора учебника.

Моделирование образов автора и обучающихся осуществляется при реализации: 1) особых речевых стратегий, реализующих конкретно-ситуативные жанрово-дискурсивные цели регулирования учебной деятельности, 2) используемых для оформления этих стратегий речевых средств.

Рассмотрим результаты влияния обозначенных факторов на моделирование образов автора учебника по иностранному языку и обучающегося.

Жанровые регулирующие ситуативные цели, как мы уже отмечали, соответствуют типу регулируемой образовательной деятельности. В современных работах по методике преподавания иностранного языка [23] в качестве типов деятельности обучающего выделяют «1) ознакомление учащихся с учебным материалом; 2) тренировку учебного материала; 3) применение учебного материала в ситуациях общения» [23, с. 24]. Все указанные типы особым образом находят отражение в учебниках по иностранному языку в

форме высказываний, обращенных к обучающимся. Моделируемые в рамках таких высказываний образы участников ОД различаются в зависимости от типа регулируемой образовательной деятельности.

Исследование показало, что конкретно-ситуативные жанрово-дискурсивные цели учебника по иностранному языку, заданные в соответствии с типом регулируемой образовательной деятельности, определяют формирование трех типов образов участников ОД. В рамках стратегической реализации рассматриваемых целей индивидуально-личностные представления составителя учебника о форме взаимодействия между участниками образовательного процесса определяют выбор речевых средств, задающий дальнейшее варьирование образа автора и образа обучающегося.

Рассмотрим типовые образы и их такого варьирования для каждой коррелятивной пары.

1. Автор – предписывающий обучающемуся необходимые учебные действия; обучающийся – их исполнитель. Производство данных образов оформляется при помощи стратегии прямого регулирования учебной деятельности и реализует жанровые цели ознакомления с учебным материалом и тренировки его использования.

Максимально директивный образ автора и **максимально обезличенный** образ обучающегося-исполнителя моделируется при использовании императивного указания на необходимое учебное действие. Автор и обучающийся оформляются как типовые, лично нейтральные участники образовательного процесса: *Составьте словосочетания; Образуйте отглагольные существительные* [10, с. 3–21]; *Read and underline* [2, с. 11]; *Make up the sentences as in the model* [7, с. 15]; *Put the verbs into the correct form* [7, с. 21]. Содержание высказываний фиксирует собственно учебную информацию. В качестве синтаксического предиката используются глаголы, номинирующие виды учебной деятельности, в повелительном наклонении (*составьте, образуйте, read, underline*), а в качестве их объектных актантов – номинации структурных элементов языка и речи (*словосочетания, отглагольные существительные, слова*). Директивность усиливается использованием модальных глаголов долженствования (*Complete the second sentence using the word in bold. You **must** use between two and five words including the word given* [7, с. 58]).

Индивидуализация образа автора и снижение уровня его директивности, а также формальности обучающегося-исполнителя осуществляется:

1) при номинировании учебного действия глаголами, по своей лексической семантике с учебной

¹ Для удобства изложения содержания работы введем дифференцированные обозначения: «автор учебника» – номинация исследуемого образа, «составитель учебника» – реальный автор конкретного учебника, зафиксированный в его библиографическом описании.

деятельностью не связанными (*Вы будете читать текст. **Познакомьтесь** с новыми словами* [4, с. 101]; ***Guess the meaning from the context*** [8, с. 49]);

2) при использовании «глаголов попытки», представляющих собой «аналитические грамматикализованные показатели действия с проблематическим достижением цели» [24, с. 1] (*Прочитайте объяснения, **постарайтесь** понять без словаря значения новых слов, поставьте к ним вопросы* [10, с. 101]; ***Try to correct these forms of the verb***; ***Try to explain these quotations in your own words*** [7, с. 47]; ***Try to correct your partner's email using the symbols*** [9, с. 76]), образ автора приобретает конфигурацию **доверяющего, дающего право на ошибку**, а образ обучающегося индивидуализируется – получает элемент **самостоятельности**, проявленный в возможности принимать решение;

3) при использовании глаголов во множественном числе (мы-формы), в данном дискурсе реализующих семантику совместного действия автора и обучающегося (*These short diary entries contain many elements which are common to all stories. In this unit **we focus** on the use of adverbs of time, the perfective aspect and verbs of motion to sequence and structure narratives* [7, с. 67]; *Let's start* [2, с. 4]; *Let's go!* [3, с. 131]), образы автора и обучающегося оформляются как партнерские и включают в содержание образа автора наличие **ответственности за результат учебного действия**, которую он разделяет с обучающимся;

4) через указание на промежуточные результаты обучения, направленное не на представление конкретного содержания освоенного учебного материала для его актуализации, а на мотивацию обучающихся, на интерпретацию этих результатов как проявление личного успеха (***Вы уже знаете** четыре типа русской интонации* [4, с. 59]; ***Теперь вы можете** рассказать о семье и проблемах, которые возникают в семье* [10, с. 46]; *Сейчас вы читаете глаголы (**вы их уже знаете**) и говорите фразы* [5, с. 90]), образ автора реализуется как **поддерживающий ученика**, отслеживающий его достижения и побуждающий к дальнейшей учебной деятельности, а образ обучающегося, во-первых, приобретает компонент успешно ее реализующего, а во-вторых, индивидуализируется в аспекте состава приобретенных знаний и степени их освоенности;

5) через обоснование необходимости совершения учебного действия – описание сферы применения осваиваемого материала (*Эта грамматика **нужна вам для** чтения учебников, газет и журналов* [4, с. 5]; *The dialogues **are for** general comprehension practice* [8, с. 30]; *The following are a few phrases **that you may need to use when you***

are either accepting or extending an invitation to your friends to do something [9, с. 72]) – образ автора реализуется как проявляющий **доверие к ученику**, а обучающегося – как **осознанный** участник обучения.

Таким образом, ориентация на предписывание учебных действий, заданная характером конкретно-ситуативной жанрово-дискурсивной цели, предполагает высокий уровень директивности. При этом особенности индивидуально-личностных представлений составителя учебника о форме взаимодействия между участниками образовательного процесса допускает привлечение особых речевых средств, в той или иной степени снижающих уровень директивности образа автора, повышающих уровень самостоятельности образа обучающегося и индивидуализирующих рассматриваемые образы.

2. Автор – организатор, «режиссер» коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – участник этой ситуации, ее «актер». Образы такого типа реализуются в рамках стратегии прямого регулирования имитации коммуникативной деятельности, являющейся одним из способов применения учебного материала в ситуациях общения: *Обсудите, какой состав у этих продуктов* [6, с. 25]; *Позвоните своему другу или подруге и узнайте, дома ли они* [4, с. 23]; *Представьте своих друзей новому человеку* [4, с. 70]; *You need some extra money. You want to work as a pizza delivery boy (girl) or a dog walker. Write your ad* [2, с. 34].

Данный тип образа автора сохраняет регулируемую роль (директивность) и внешнюю по отношению к осуществляемым учеником действиям позицию, фиксируемую в высказываниях при помощи глаголов в повелительном наклонении, предписывающих действия обучающегося (*обсудите, попросите, позвоните, спросите* и др.). При этом используемые глаголы имеют семантику, не связанную с собственно учебной деятельностью, а также не приобретают ее в соответствии с дискурсивно-жанровыми условиями. Объектом регулирования выступает имитация коммуникативной деятельности, участником которой является обучающийся. В высказываниях рассматриваемого типа номинируется коммуникативный партнер обучающегося (*позвоните своему другу или подруге; представьте своих друзей*), во многих случаях описываются заданные условия взаимодействия с ним (например, *You need some extra money*). Все эти содержательные компоненты фиксируют структуру имитируемых коммуникативных ситуаций.

Состав этих ситуаций задан требованиями к компонентам содержания обучения иностранно-

му языку, зафиксированными в различных документах (например, [25]), а значит, обоснован дискурсивно-жанровыми условиями, определяющими объемный диапазон содержательного варьирования. Вероятно, в связи с этим составители учебников слабо проявляют личностные интенции, направленные на индивидуализацию образов автора и обучающегося: содержательное разнообразие коммуникативных ситуаций практически нейтрализует варьирование используемых средств их реализации.

В качестве отдельного проявления такого варьирования можно отметить отсылку к вспомогательным материалам (*Choose a situation and act it out to the class. You can use the ideas in the boxes to help* [3, с. 57]; *Решите кроссворд. Вам помогут рисунки* [4, с. 86]; *Вы хотите познакомиться своего друга с друзьями в группе. Расскажите немного о нем. Эти вопросы помогут вам: «...»* [4, с. 237]; *Tell the group about your routine. The questions below will help you* [6, с. 25]), при реализации которой в содержании образа автора формируется компонент «помогающий ученику реализовать заданную роль», а в содержании образа ученика, соответственно, компонент «нуждающийся в помощи». Отметим, что в данном случае разрушается достоверность имитируемой коммуникативной ситуации, регулируемое действие проявляется как учебное.

Итак, в отличие от множественности вариантов индивидуализации образов участников ОД, проявленных при реализации стратегии прямого регулирования учебной деятельности, автор и обучающийся в рамках стратегии прямого регулирования имитации коммуникативной деятельности моделируются достаточно однотипно. Образ автора на основании индивидуально-личностных интенций составителя учебника практически не варьируется. Образ обучающегося дифференцируется за счет дискурсивно заданного состава типовых ситуаций, которые ученик должен освоить в рамках внешних требований.

3. Автор – ведущий участник коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – ведомый участник этой ситуации. Оформление образов такого типа осуществляется в рамках стратегии косвенного регулирования имитации коммуникативной деятельности, представляющей собой еще один способ применения учебного материала в ситуациях общения.

Высказывания, обращенные к обучающимся, строятся как естественные: **Do you watch soap operas on TV? What are they usually about? Which is your favourite one? Why?** [2, с. 72]; **Which of them [hobbies, sports] do you like doing?** [9, с. 98]; **Вспомните историю дружбы героев**

кино. О каком фильме **вы подумали? Расскажите**, чем их дружба вам понравилась [11, с. 40]. Признаки прямого регулирования (в первую очередь глаголы в повелительном наклонении) в большинстве высказываний отсутствуют, а если и используются, то выполняют функцию «приглашения к разговору», стимулирования общения. Позиция автора в сравнении с рассмотренными выше образами принципиально меняется: автор моделируется как внутренний участник коммуникативной ситуации, которая имитируется. При этом его регулирующая роль также сохраняется, но выражается косвенно – за счет диктуемого дискурсом способа размещения авторского высказывания (его расположения в формате учебного задания с присвоенным ему номером и соответствующим оформлением). Автор проявляется как ведущий в коммуникации (задающий собеседнику-обучающемуся вопросы или стимулирующий диалог). Уровень директивности образа автора значительно ниже, чем при реализации рассмотренных выше стратегий.

Индивидуализация рассматриваемых образов осуществляется на основании содержания высказываний. С одной стороны, его структура определяется, как и при реализации рассмотренной в предыдущем разделе стратегии, требованиями к содержанию обучения, а с другой – именно составитель учебника выбирает в данном случае аспект конкретизации заданных структурных элементов содержания и форму их представления.

В связи с тем что рассматриваемые образы автора и ученика оформляются как коммуникативные партнеры, где автор – инициатор общения, в содержании его образа актуализируется компонент «проявляющий внимание, интерес к личности обучающегося». Характер индивидуализации, задаваемый интенциями составителя учебника, определяется конкретизацией объекта этого интереса. В результате в образе автора варьируется объект проявления интереса, а в образе обучающегося моделируются его индивидуальные качества:

1) личностные взгляды (**Which of the two buildings would you most like to visit? Why?** [7, с. 17]; **Who is your favourite singer/athlete/actor?** [2, с. 74]; **Say three things you like (you don't like) from pictures 1–16** [3, с. 42]);

2) личностные особенности (**Вы встаете рано или поздно? Вы «жаворонок» или «сова»?** [6, с. 23]; **Are you a busy bee or a lazy lizard?** [2, с. 73]; **Would you be a good police officer?** [2, с. 33]);

3) личный опыт (**Вы умеете готовить? У вас есть фирменный рецепт?** [11, с. 31]; **Скажите, что бы вы сделали в подобной ситуации? Почему**

надо быть очень внимательным при покупке квартиры? [4, с. 190]; Which of these things do you do on your phone? [4, с. 106]);

4) индивидуальные условия жизни (автор и обучающийся индивидуализируются не в личностном аспекте, а на основании специфики окружающего их контекста): *Какие исторические памятники есть в вашем городе, в вашей стране?* [11, с. 185]; *Какой иностранный язык учит ваш брат (друг, подруга, сестра) и почему?* [4, с. 217]; *When people go sightseeing in your town, where do they go? What is there to do in your town?* [3, с. 99].

Итак, при реализации стратегии косвенного регулирования имитации коммуникативной деятельности варьирование образов автора и обучающегося в большей, чем при реализации других стратегий, степени зависит от индивидуально-личностных интенций составителя учебника. Фокус варьирования при этом сосредоточен на образе обучающегося, содержание образа автора формируется как его коррелятивное отражение.

Заключение

Несмотря на внешнюю определенность ролевой структуры ОД в целом и учебника как его

ядерного жанра, учебник по иностранному языку характеризуется достаточно активным варьированием формируемых на основании ролевых позиций образов.

Образы участников ОД, моделируемые в высказываниях, обращенных к обучающимся, в учебниках по иностранному языку являются продуктами стратегической организации жанрово-дискурсивного устройства текста. Выбор стратегии определяется жанрово-дискурсивной спецификой учебника, задающей три типа рассматриваемых образов: 1) автор – предписывающий обучающемуся необходимые учебные действия; обучающийся – их исполнитель; 2) автор – организатор, «режиссер» коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – участник этой ситуации, ее «актер»; 3) автор – ведущий участник коммуникативной ситуации определенного типа; обучающийся – ведомый участник этой ситуации. Третий их тип кардинально отличается от предыдущих низкой степенью директивности.

Дальнейшее варьирование исследуемых образов осуществляется на основании индивидуально-личностных интенций составителя учебника и проявляется в аспектах их индивидуализации.

Список источников

1. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам / авт.-сост. Т. М. Барина, И. О. Гарипова и др.; рец. В. Т. Кудрявцева, Е. М. Гоголева. Магадан: Охотник, 2011. 112 с.
2. Evans V., Dooley J. Upstream Beginner. Student's Book. Berkshire: Express Publishing, 2022. 151 p.
3. Soars L., Soars J., McCaul J. Headway Beginner. Student's Book. 5th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2019. 147 p.
4. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). СПб.: Златоуст, 2010. 343 с.
5. Эсмантова Т. Л. Русский язык: 5 элементов: уровень А1 (элементарный). СПб.: Златоуст, 2008. 320 с.
6. Мозелова И. В. Русский сувенир. Элементарный уровень: учебник. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 160 с.
7. Evans V., Dooley J. Upstream Intermediate. Student's Book. Berkshire: Express Publishing, 2019. 228 p.
8. Sound and Script. Russian SOLT I. Module 1. Lesson 1: Student Manual // Live Lingua. URL: https://www.livelingua.com/dli/Russian/SOLT/Student%20Manuals/M1_L1_Student.pdf (дата обращения: 12.05.2023).
9. Soars L., Soars J., Hancock P. Headway Intermediate. Student's Book 5th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2019. 162 p.
10. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). СПб.: Златоуст, 2009. Т. 1. 200 с.
11. Мозелова И. В. Новый сувенир. Русский язык для иностранцев. Средний уровень (первый сертификационный). М.: ИП Мозелова И. В., 2018. 184 с.
12. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 66–78.
13. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
15. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
16. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 56–77.
17. Цинкерман Т. Н. Коммуникативно-стилевые особенности разновидностей педагогического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. Вып. 2 (16). С. 74–79.

18. Анисимова А. Т. Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах // *Жанры речи*. 2021. № 2 (30). С. 109–117.
19. Дементьев В. В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи (к выходу первого вып. сб. «Жанры речи») // *Вопросы стилистики*. 1998. Вып. 27. С. 21–33.
20. Данилова С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2015. Т. 30. С. 316–320.
21. Тютюкова И. А. Педагогический тезаурус. М.: Изд-во В. Секачев, 2016. 160 с.
22. Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 370 с.
23. Солонцова Л. П. Современная методика обучения иностранным языкам (общие вопросы, базовый курс): учебник для студентов педагогической специальности и преподавателей иностранных языков разных типов образовательных учреждений. Алматы: Эверо, 2015. 373 с.
24. Шатуновский И. Б. Глаголы попытки в русском языке: пытаться, стараться и пробовать // *Russian Language Literature and Culture Studies*. 2015. № 4. С. 1–14.
25. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н. П. Андрушина и др. М., СПб.: Златоуст, 2009. 32 с.

References

1. Barinova T. M., Garipova I. O. et al. *Terminologicheskii slovar'-spravochnik po psikhologo-pedagogicheskim distsiplinam* [Terminological dictionary-reference book on psychological and pedagogical disciplines]. Magadan, Okhotnik Publ., 2011. 112 p. (in Russian).
2. Evans V., Dooley J. *Upstream Beginner*. Student's Book. Berkshire, Express Publishing, 2022. 151 p.
3. Soars L., Soars J., McCaul J. *Headway Beginner*. Student's Book 5th Edition. Oxford, Oxford University Press, 2019. 147 p.
4. Antonova V. Ye., Nakhabina M. M., Safronova M. V., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (Beginner level)]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2010. 343 p. (in Russian).
5. Esmantova T.L. *Russkiy yazyk: 5 elementov: uroven' A1 (elementarnyy)* [Russian language: 5 elements: level A1 (elementary)]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2008. 320 p. (in Russian).
6. Mozelova I. V. *Russkiy souvenir. Elementarnyy uroven': uchebnik* [Russian souvenir. Beginner level: textbook]. Moscow, Russkiy yazyk. Kursy Publ., 2016. 160 p. (in Russian).
7. Evans V., Dooley J. *Upstream Intermediate*. Student's Book. Berkshire, Express Publishing, 2019. 228 p.
8. Sound and Script. Russian SOLT I. Module 1. Lesson 1: Student Manual. *Live Lingua*. URL: https://www.livelingua.com/dli/Russian/SOLT/Student%20Manuals/M1_L1_Student.pdf (accessed 12 May 2023).
9. Soars L., Soars J., Hancock P. *Headway Intermediate. Student's Book 5th Edition*. Oxford, Oxford University Press, 2019. 162 p.
10. Antonova V. Ye., Nakhabina M. M., Safronova M. V., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyy uroven')*. Tom 1 [Road to Russia: Russian language textbook (Intermediate level). Vol. 1]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2009. 200 p. (in Russian).
11. Mozelova I. V. *Novyy souvenir. Russkiy yazyk dlya inostrantsev. Sredniy uroven' (pervyy sertifikatsionnyy)* [A new souvenir. Russian language for foreigners. Intermediate level]. Moscow, IP Mozelova I. V. Publ., 2018. 184 p. (in Russian).
12. Revzina O. G. Diskurs i diskursivnyye formatsii [Discourse and discursive formations]. *Kritika i semiotika – Criticism and semiotics*, 2005, issue 8, pp. 66–78 (in Russian).
13. Jorgensen M., Phillips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2008. 352 p. (in Russian).
14. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of the discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
15. Deyk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya. Perevod s angliyskogo yazyka pod redaktsiyey V. I. Gerasimova* [Language. Cognition. Communication. Translation from English is edited by V. I. Gerasimov]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).
16. Karasik V. I. Diskursivnoye proyavleniye lichnosti [Discursive manifestation of personality]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 4, pp. 56–77 (in Russian).

17. Zinkerman T. N. Kommunikativno-stilevyye osobennosti raznovidnostey pedagogicheskogo diskursa [Communicative and stylistic features of varieties of pedagogical discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Bulletin of the Volgograd State University, Series 2. Linguistics*, 2012, no. 2 (16), pp. 74–79 (in Russian).
18. Anisimova A. T. Studencheskiy otzyv o prepodavatele kak otsenchnyy rechevoy zhanr v rossiyskom i amerikanskoy obrazovatel'nykh diskursakh [Student feedback about the teacher as an evaluative speech genre in Russian and American educational discourses]. *Zhanry rechi – Genres of Speech*, 2021, no. 2 (30), pp. 109–117 (in Russian).
19. Dement'yev V. V. "Tekstotsentricheskoye" i "zhanrotsentricheskoye" izucheniye rechi (k vykhodu pervogo vyp. sb. "Zhanry rechi") ["Textocentric" and "genre-centric" study of speech (to the release of the first issue of the collection "Genres of Speech")]. *Voprosy stilistiki* [Questions of Stylistics]. Saratov, Saratov university Publ., 1998. Pp. 21–33 (in Russian).
20. Danilova S. A. Institutsional'nyy diskurs, interdiskursivnost' i diskursnaya geterogenost' [Institutional discourse, interdiscursivity and discursive heterogeneity]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept" – Research and methodological electronic journal "Concept"*, 2015, vol. 30, pp. 316–320 (in Russian).
21. Tyut'kova I. A. *Pedagogicheskiy tezaurus* [Pedagogical thesaurus]. Moscow, V. Sekachev Publ., 2016. 160 p. (in Russian).
22. Tubalova I. V. *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-oriyentirovannykh diskursakh* [A polyphonic text in speaking personality-oriented discourses]. Tomsk, TSU Publ., 2016. 370 p. (in Russian).
23. Solontsova L. P. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam (obshchiye voprosy, bazovyy kurs): uchebnik dlya studentov pedagogicheskoy spetsial'nosti i prepodavateley inostrannykh yazykov raznykh tipov obrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Modern methods of teaching foreign languages (general issues, basic course): A textbook for students of pedagogical specialty and teachers of foreign languages in various types of educational institutions]. Almaty, Evero Publ., 2015. 373 p. (in Russian).
24. Shatunovskiy I. B. Glagoly popytki v russkom yazyke: pytat'sya, starat'sya i probovat' [Try verbs in Russian: try, try and try]. *Russian Language Literature and Culture Studies*, 2015, no. 4, pp. 1–14 (in Russian).
25. Andryushina N. P. et al. *Trebovaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy uroven'. Obshcheye vladeniye. Vtoroy variant* [Requirements for Russian as a foreign language. Intermediate level. General Russian. The second option]. Moscow, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2009. 32 p. (in Russian).

Информация об авторах

Тубалова И. В., доктор филологических наук, доцент, декан, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 35, Томск, Россия, 635050).

Рудикова Ю. Ю., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 35, Томск, Россия, 635050).

Information about the authors

Tubalova I. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Dean, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 35, Tomsk, Russian Federation, 635050).

Rudikova Yu. Yu., post-graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 35, Tomsk, Russian Federation, 635050).

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 17.06.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Вербализация образа сада как одного из ключевых образов сакрального пространства (на материале произведений С. Есенина)

Юлия Леонидовна Дмитриева

Горловский институт иностранных языков, Горловка, ДНР, Россия, Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Аннотация

В современном языкознании исследование особенностей моделирования и объективации пространства квалифицируется как одна из вечных тем. В научной литературе при определении пространства превалирует дефиниционная модель «пространство – категория», однако исследователи отмечают тесную связь данного феномена с картиной мира этноса. Пространство задает в рамках картины мира структуру и границы мира. Параметры пространства, по которым оно моделируется в сознании индивида, задаются культурой. В их числе и измерение пространства. Традиционным для русской лингвокультуры является горизонтально ориентированная пространственная модель мира. Однако под влиянием христианства формируется также вертикально ориентированная пространственная модель. Воспринимаемое в вертикальной плоскости пространство членится на пространство бытия (или земное пространство) и сакральное пространство. Кроме того, пространство отображается в сознании человека рядом тактильных, визуальных, динамических и иных образов. В их число включаем и образ сада, который относим к образам сакрального пространства. *Цель* статьи – описать средства экспликации рассматриваемого образа в творчестве поэта. Материалом исследования послужили тексты стихотворений и маленьких поэм С. Есенина. Корпус фактического материала подбирался методом сплошной выборки, также были использованы метод контекстуального анализа и лингвокультурологический анализ. В ходе исследования выявлены индивидуально-авторские особенности моделирования пространства в лирике С. Есенина, в которой образ сада занимает пограничное положение между земным и сакральным пространством. В русской лингвокультуре образ сада традиционно рассматривается как один из локусов сакрального пространства, соотносимый с раем. В нем обитали божественные сущности, праведники и души умерших (вербализован в текстах рязанского поэта сочетанием *райский сад, голубой сад*). Изучение средств экспликации образа сада как ключевого образа сакрального пространства в творчестве С. Есенина позволило выявить синкретизм восприятия пространства и мира в целом, описать черты русской лингвокультуры, которые отображены и транслируются в произведениях автора. Значимость проведенного исследования заключается в отражении авторского моделирования пространства и осмысления реалий и их образов сквозь призму категорий «свой – чужой».

Ключевые слова: лингвокультура, пространственная модель мира, локус, дефиниционная модель, образ, сакральное пространство

Для цитирования: Дмитриева Ю. Л. Вербализация образа сада как одного из ключевых образов сакрального пространства (на материале произведений С. Есенина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 16–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Verbalization of the image of the garden as one of the key images of the sacred space (by the material of the works of S. Yesenin)

Yulia L. Dmutrieva

*Gorlovka Institute for Foreign Languages, Gorlovka, DPR, Russian Federation,
Juls88Dmutrieva@yandex.ru*

Abstract

In modern linguistics, the study of the features of modeling and objectification of space qualifies as one of the “eternal” topics. In the scientific literature, when defining space, the definitional model “space – category” prevails, however, researchers note the close connection of this phenomenon with the picture of the world of the ethnic group. Space defines the structure and boundaries of the world within the framework of the picture of the world. The parameters of space, according to which it is modeled in the mind of an individual, are set by culture. Among them is the dimension of space. Traditional for Russian linguistic culture is a horizontally oriented spatial model of the world. However, under the influence of Christianity, a vertically oriented spatial model is also formed. The space perceived

in the vertical plane is divided into the space of being (or earthly space) and sacred space. In addition, the space is displayed in the human mind by a number of tactile, visual, dynamic and other images. Among them we include the image of the garden, which we refer to the images of sacred space. The purpose of the article is to describe the means of explication of the considered image in the poet's work. The material of the study was the texts of poems and short poems by S. Yesenin. The corpus of factual material was selected by the method of continuous sampling; the method of contextual analysis and linguoculturological analysis were also used. As a result of the study, individual-author's features of space modeling in S. Yesenin's lyrics were revealed, in which the image of a garden occupies a border position between earthly and sacred space. In Russian linguistic culture, the image of a garden is traditionally regarded as one of the locus of the sacred space, correlated with paradise. It was inhabited by divine beings, the righteous and the souls of the dead (verbalized in the texts of the Ryazan poet by the combination Garden of Edem, blue garden). The study of the means of explication of the image of the garden as a key image of the sacred space in the work of S. Yesenin made it possible to identify the syncretism of the perception of space and the world as a whole, to describe the features of Russian linguistic culture, which are displayed and broadcast in the author's works. The significance of the study lies in the reflection of the author's modeling of space and understanding of realities and their images through the prism of the category "own or another's".

Keywords: *linguoculture, spatial model of the world, locus, definition model, image, sacred space*

For citation: Dmitrieva Yu. L. Verbalizatsiya obraza sada kak odnogo iz klyuchevykh obrazov sokral'nogo prostranstva (na materiale proizvedeniy S. Esenina [Verbalization of the image of the garden as one of the key images of the sacred space (by the material of the works of S. Yesenin)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 16–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-16-22>

Введение

Пространство неоднократно становилось объектом исследовательского интереса лингвистов. Его изучение, как и «анализ и описание средств вербализации пространства, предстает как одна из вечных тем языкознания, филологии, философии» [1, с. 5]. Сегодня нет единой дефиниционной модели для определения рассматриваемого феномена. Его трактуют как фрагмент языковой картины мира этноса (Е. С. Яковлева, О. А. Рачук, З. А. Мельничук, М. В. Осыка, Т. С. Медведева, Л. К. Хертек и др.), как текстообразующую категорию (Н. С. Болотнова, Т. В. Матвеева, Н. А. Николина, Л. Г. Бабенко, О. А. Корда, П. Ю. Повалко и т. д.), как отражательную семантическую категорию (Л. Н. Федосеева, Т. Е. Алексеева и др.) и как категорию функциональной грамматики (А. В. Бондарко, В. Г. Гак, Е. В. Рахилина, Ф. И. Панков и т. д.).

Ученые отмечают первичность пространства, в силу чего оно легче поддается осмыслению и отображению. Так, Р. Н. Порядина пространственные отношения в наивной картине мира этноса трактует как геометрические позиции объектов относительно субъекта их восприятия. В число основных свойств пространства ученый, вслед за В. Н. Топоровым (см. [2, с. 238–239]), включает способность быть заполненным какими-либо объектами. Именно это лежит в основе выделения ряда пространственных моделей.

Мы рассматриваем пространство как модель мира, при построении которой релевантны следующие параметры: геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства; при-

знаки культурно-социального начала; плоскость восприятия пространства (горизонтальная/вертикальная) [3].

В соответствии с последним параметром, а также в силу влияния на русскую лингвокультуру православия пространственная модель мира бывает горизонтально и вертикально ориентированной. В рамках последней пространство дифференцируется на пространство бытия (или «этот свет») и пространство инобытия (или сакральное пространство, «тот свет»). Причем такое деление базируется также на представлении о населяющих пространство объектах. Л. Г. Гынгазова, описывая вертикальную плоскость восприятия пространства, отмечает, что и земное, и сакральное пространства начинают ассоциироваться соответственно с жизнью и смертью. Причем смерть «трактруется как путь человека с поверхности земли в ее недра» [1, с. 85]. Однако в представлениях славян, по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого, сакральное пространство соотносилось с небесами, которые были недостижимы и непостижимы для наших предков. Именно там обитали сначала божества славянского пантеона, а позднее – Бог и святые христианской религии. В указанном лексикографическом источнике отмечается, что именно на небесах располагался у большинства славян рай. Кроме того, данное пространство рассматривалось именно как сакральное, поскольку было далеко за пределами культурно ассимилированного земного пространства и не существовало единых представлений о его устройстве. Как правило, оно моделировалось либо как аналог земного

пространства, либо как его полная противоположность. «В любом варианте устройства мирового пространства выделяется земля как место жизни людей и потустороннее пространство как место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В более поздней картине мира, сложившейся под влиянием христианства, „тот свет“ подразделяется на рай как место загробного пребывания праведников и высших сакральных сил и ад как место пребывания грешников и демонов» [4, с. 305]. Отметим, что одним из ключевых образов, отображающих в сознании носителей русской лингвокультуры сакральное пространство, является образ сада. Именно необходимостью системного описания средств вербализации данного образа в текстах С. Есенина определяется актуальность данной работы.

Цель исследования – анализ языковых единиц, эксплицирующих образ сада как одного из ключевых в вертикально ориентированной пространственной модели мира произведений С. Есенина.

Материал и методы

Материалом исследования послужили номинации, объективирующие образ сада в стихотворениях и маленьких поэмах рязанского поэта. Корпус фактического материала был сформирован методом сплошной выборки. Всего проанализировано 299 текстов и вариантов, включая другие редакции, стихотворений и 39 маленьких поэм автора. При выделении основных когнитивных признаков образа применялся метод словарной дефиниции. Метод контекстуального анализа использовался при исследовании средств объективации образа сада как локуса сакрального пространства. Лингвокультурологический анализ фактического материала позволил выявить как свойственные русской лингвокультуре, так и индивидуально-авторские черты отображения сакрального пространства в произведениях С. Есенина.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике образ определяется по нескольким дефиниционным моделям в зависимости от направления изучения. В их числе «образ – компонент структуры концепта/лингвокультуры», «образ – единица лингвокультуры», «образ – элемент семантической структуры слова». Н. Ф. Алефиренко и Ю. Н. Караулов понимают под образом единицу сознания, которая принимает участие в процессах категоризации и концептуализации онтологического мира. Так, Н. Ф. Алефиренко рассматривает образ как единицу этнокультурного сознания, ко-

торая формируется в сознании человека благодаря накопленному опыту взаимодействия с окружающей средой. Ученый отмечает, что в сознании индивида моделируются пресуппозиции «в виде определенных эталонов, создающих образ» [5, с. 12].

В работах Е. Г. Беляевской образ трактуется и как один из этапов познания человеком действительности, и как ментальный конструкт, формируемый на базе исходного объекта восприятия и служащий его репрезентантом.

Модель «образ – компонент структуры концепта/лингвокультуры» репрезентирована в трудах С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Колесова, И. А. Стернина, З. Д. Поповой. В них образ рассматривается как первичный источник информации о реалиях онтологического мира, с которыми взаимодействует человек.

Наконец, в исследованиях Н. А. Илюхиной, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юриной образ определяется как компонент семантической структуры слова. Соответственно, он фиксируется как в словарной дефиниции, так и в примерах использования данного вербального знака. Образ лингвисты рассматривают как «конкретно-чувственное представление о называемом предмете посредством ассоциативного сближения с другим предметом» [6, с. 29].

Мы под образом понимаем одну из базовых единиц лингвокультуры, содержащую вербализованное отображение предметного мира, фиксирующее фактуру, объем, пространственное положение познаваемого предмета. Кроме того, образ способен выполнять функции эталона и вносить в структуру слова культураносную информацию, а также обладает способностью приобщать индивидуума к единой для этноса картине мира.

В языковом опыте носителей русской лингвокультуры за номинацией *сад* закреплено значение «участок земли для выращивания садовых растений (цветов, фруктовых деревьев и кустарников), произрастающих на таком участке» [7]. В данной дефиниции репрезентированы следующие когнитивные признаки образа сада: «участок культурно ассимилированного пространства», «совокупность растений, занимающих отведенное человеком место». Кроме того, в рассматриваемом определении зафиксировано отнесение образа сада к земному пространству (или включение его в горизонтально ориентированную пространственную модель мира). В проанализированных произведениях С. Есенина актуализированы как перечисленные выше когнитивные признаки (анализ значимости данного

образа в творчестве С. Есенина представлен М. В. Скороходовым [8, с. 205–207]), так и репрезентировано отнесение образа сада к вертикально ориентированной пространственной модели мира.

Отметим, что в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» сад рассматривается как «локус, в традиционной культуре и фольклоре образ рая...» [4, с. 530]. Такое представление, согласно мнению автора словарной статьи Т. А. Агапкиной, характерно для всех славян и зафиксировано в устном народно-поэтическом творчестве (песнях, сказках, легендах, поверьях, преданиях). Кроме того, моделирование рая как сада зафиксировано и в текстах Ветхого и Нового Заветов, апокрифах и др.

«Словаки и словенцы считали рай неувядаящим садом, – пишет Т. А. Агапкина, – болгары в Самоково верили, что рай – это сад, где находятся души умерших, перед каждым из которых стоит стол, а на нем – все, что подали при жизни сами умершие, а также все то, что подали в память о них их близкие; русские Владимирской губернии представляли себе рай в образе большого сада с золотыми и серебряными домами» [4, с. 530].

Образ сада, отождествляемый с раем, согласно преданиям, описывается как некое место, которое располагалось на востоке. В данном саду росли как вечнозеленые, так и плодовые деревья, плоды которых обладали определенными магическими свойствами (например, молодильные яблоки). Также в саду цвели цветы и протекал источник с чудодейственными водами. Именно так изображался образ сада на северно-русских прялках. Кроме того, в райском саду произрастало мировое дерево (см. [9, с. 69]).

Будучи соотношенным с раем как одним из локусов сакрального пространства, сад связывается с «тем светом». Это зафиксировано в поверьях и рассказах о преодолении границы между земным и сакральным пространством и посещении последнего. Например, в сказках наших предков главный герой попадает в сакральное пространство, которое описывается как диковинный сад. «В пермских обмираниях упоминается о больших садах, где побывал странствующий по „тому свету“ человек. В легендарных и волшебных сказках, в которых описывается пребывание героя на „том свете“, рай-сад полон деревьев (не обязательно плодовых, ср. „березовый сад“), цветов, там есть река, там много птиц, поющих чудесными голосами, и разных зверей, ласковых и красивых, там растут фрукты и ягоды, гуляют малые дети, там стоит огромный дом, в котором живет Бог, и т. д.» [4, с. 530].

Данные представления объективированы и в стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина, характерной особенностью пространственной модели мира произведений которого является синкретизм земного и сакрального пространств. Так, в строках *Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости* [10, т. 1, с. 196] образ сада сравнивается с кладбищем, т. е. с «местом, предназначенным для погребения умерших» [7]. В данном примере актуализировано восприятие сада как сакрального пространства, которое находится в горизонтальной плоскости восприятия человеком. Оно доступно для непосредственного взаимодействия, однако с данным локусом в русской лингвокультуре связаны представления о пребывании душ умерших и демонов. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что кладбище рассматривается как «святое» место, где необходимо соблюдать определенный ритуальный этикет.

Кроме того, по данным указанного лексикографического издания, образ сада в русской лингвокультуре также ассоциируется с представлениями о смерти, которые актуализированы в примере *Вот так же отцветем и мы / И отшумим, как гости сада...* [10, т. 1, с. 196]. Автор использует лексему *гость*, которая в русской лингвокультуре указывает на отнесенность к «чужому». Ср.: «Принадлежностью к сфере ‘чужого’ определяется в народной традиции особый статус **гостя**, **нищего** (странника), **священника**, **колдуна**, что проявляется в ‘ритуализованном’ отношении к ним» [4, с. 582] (сохранено выделение источника цитирования. – Ю. Д.). Представления о смерти в анализируемых поэтических строках выражены предикатами *отцветети* и *отшуметь*, в которых приставка *от-* выражает значение «завершение и прекращение названного действия» [11, с. 184].

Соответственно, образ сада в произведениях С. Есенина, являясь одним из образов горизонтально ориентированной модели мира, выступает как пограничный, через который возможно соприкосновение с «тем светом». Кроме того, рассматриваемый образ в лирике С. Есенина репрезентирует традиционные для русской лингвокультуры представления о смерти и ассоциируется с кладбищем, т. е. с сакральным пространством.

Образ сада в произведениях поэта рассматриваем как ключевой и для вертикально ориентированной пространственной модели мира. Зафиксированное в русской лингвокультуре представление о «том свете» как о райском саду объективировано в ряде произведений писателя. Так, в строках *Звонкий мрамор белых лестниц /*

Протянулся в райский сад [10, т. 2, с. 15] образ сада выражен как соответствующим именем существительным, так и именем прилагательным *райский*, указывающим на отнесенность образа к сакральному пространству. На такое расположение локуса указывает и предложенный в тексте путь, эксплицированный словом *лестница*. Данный вербальный знак номинирует границу между земным и сакральным пространством, преодолев которую лирический субъект проникает (или возвращается, как в маленькой поэме «Микола») в рай. Отметим, что лестница в творчестве С. Есенина не случайно связывает земное и сакральное. Этот элемент позаимствован поэтом из сюжетов лубочных картин.

В другом примере образ сада выражен словосочетанием *голубой сад*. Отметим, что адъектив *голубой* объективирует не только цветовое восприятие образа, но и его символическое значение. По мнению исследователей жизни и творчества С. Есенина С. Ю. Куняева и С. С. Куняева, голубизна у него приравнивается к святости (см. подробнее [12, с. 531–532]. В «Энциклопедии знаков и символов» О. В. Вовка данный цвет трактуется как «синоним божественного, чистого и возвышенного» [13, с. 36]. Например, в иконографии нимбы святых изображали именно голубым цветом. В произведении С. Есенина образу райского сада присуща данная цветовая характеристика, которая также выступает маркером принадлежности описываемого локуса к сакральному пространству.

Кроме того, в произведении перечислены виды деревьев, произрастающих в таком саду. Ср.: *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [10, т. 2, с. 28]. Отметим, что в русской лингвокультуре яблони традиционно произрастали в сакральном пространстве, в которое попадает герой текстов устного народно-поэтического творчества. А их плоды даруют попробовавшему вечную молодость. Ср.: «Будучи соотнесенным с раем, сад связывается и с „тем светом“, что особенно заметно в поверьях и рассказах о посещении иного мира. В восточнославянских сказках герой попадает через глубокий колодец в чудесный сад, где растут деревья, на которых зреют плоды, дающие силу (моложавые, или молодильные, яблоки)» [4, с. 530].

В Ирии (райском саду славян) были высажены одним из верховных богов языческого пантеона вишни, посвященные богу Вышеню. К ним, согласно поверьям славян, прилетала мифическая птицедева Гамаюн. Соответственно, в произведении С. Есенина репрезентированы традиционные для русской лингвокультуры представления о райском саду. Кроме того, в данном примере

репрезентирована метафорическая модель «человек → дерево», объективированная лексемами *мы, яблони, вишни*.

Отметим, что в издании «Сергей Есенин и русская духовная культура» О. Е. Вороновой описывается особая синкретичность русского православия, которое объединяет одновременно и каноническое учение, и элементы язычества (см. [14, с. 22]). Это отражено и в произведениях С. Есенина. Так, в строках *Все мы – яблони и вишни / Голубого сада* [10, т. 2, с. 28] репрезентировано одновременно характерное для язычества восприятие посмертия и отсылка к библейскому тексту о том, что до грехопадения люди жили в райском саду, в который попадут праведники после воскрешения.

В маленькой поэме «Пришествие» лирический субъект обращается к Богу, указывая на противоречивость происходящего в земном мире. Вследствие чего нарушается связь (вербализованная лексемой *лестница*) между «этим» и «тем» светом. Ср.: *Лестница к саду твоему / Без приступок* [10, т. 2, с. 49]. Предложно-падежная форма без приступок квалифицируется как репрезентация увеличения дистанции между земным и сакральным, которую становится трудно преодолеть. Отметим, что исследователи творчества С. Есенина предлагают делить его на несколько типов в соответствии с доминирующим принципом мироощущения. Так, С. Н. Пяткин, анализируя один из периодов творчества русского поэта, указывает на двойственность восприятия С. Есениным родного края. Поэт, по словам исследователя, словно стоит «на границе двух миров: чаемой Руси-Инонии и Руси настоящей» [15, с. 77], сотрясаемой революционными и военными событиями, изменениями в государственном и социальном строе, отрицанием религии, объявленной «опиумом для народа». Именно этим обусловлен иллюстрируемый в произведении разрыв между двумя соотнесенными (и в ранней лирике взаимопроникающими друг в друга) пространствами: *Как взойду, как поднимусь по ней / С кровью на отцах и братьях?* [10, т. 2, с. 49]. Лирический субъект задается вопросом, возможно ли преодоление границы-лестницы и проникновение в сакральное пространство после участия в событиях, повлекших смерть близких и знакомых. Отметим, что в комментариях ко второму тому полного собрания сочинений С. Есенина строки *Лестница к саду твоему / Без приступок* [10, т. 2, с. 49] рассматриваются как вербализация одного из традиционных сюжетов лубочных картин. Ср.: «...именно „без приступок“ обычно изображалась она на лубочных картинках с соответству-

ющим сюжетом» [10, т. 2, с. 323]. Таким образом, в произведении поэта репрезентировано не только индивидуально-авторское моделирование земного и сакрального пространства, но и традиционное для русской культуры видение, зафиксированное в объектах материальной культуры.

В произведении «Преображение» лирический субъект описывает пришествие сущности, обитающей в сакральном пространстве. В тексте автором используются вербальные знаки, выражающие представление о распятии Христа (*распятого, вынуть гвоздь* и др.). Отметим, что прямо гость не именуется в стихотворении (маленькой поэме). Однако на его принадлежность к «тому свету» указывают вербальные знаки *гость, светлый, в сады*. Так, лексема *гость*, как отмечалось нами выше, в русской лингвокультуре эксплицирует представления об отнесении субъекта к «чужому». Имя прилагательное *светлый* рассматриваем как указание на принадлежность раю, поскольку его можно трактовать как визуальное восприятие лирическим субъектом ореола небожителя. Наконец, описываемый в произведении лирический герой не является (мыслится) как представитель земного пространства, местом его обитания в тексте назван образ сада. Ср.: *А когда над Волгой месяц / Склонит лик испить воды, – / Он, в ладью златую свесясь, / Уплывет в свои сады* [10, т. 2, с. 56].

В то же время в данном произведении также наблюдается синкретизм христианских и языческих представлений о мироустройстве (и, соответственно, устройстве пространства). Анализируемые строки также репрезентируют миф, изложенный в настольной книге С. Есенина «Поэтические воззрения славян на природу» А. И. Афанасьева (см. [14, 15]). Согласно указанному источнику, так изображался в мифологии

древних греков бог солнца Гелиос, который в золотой ладье переплывал небо, направляясь в локус, объективированный в тексте поэта лексемой *сад*.

Заключение

Итак, в проанализированных произведениях С. Есенина образ сада выражен вербальным знаком *сад*, а также номинациями произрастающих в нем растений – *яблоня, вишня*. Образ сада относится к образам вертикально ориентированной пространственной модели мира. В стихотворениях поэта образ сада характеризуется именами прилагательными *райский, голубой*.

Также образ сада эксплицирован метафорической моделью «сад → человек», ведь происходящие с локусом изменения отождествляются с изменениями душевного состояния лирического субъекта, а также являются отсылкой к библейским текстам, согласно которым первоначально человек обитал в раю – локусе сакрального пространства.

Образ сада в произведениях С. Есенина категоризируется одновременно и как «свое», и как «чужое». В качестве одного из ключевых образов сакрального пространства образ сада в произведениях «последнего поэта деревни» в соответствии с традиционными для русской лингвокультуры представлениями ассоциируется со смертью, умершими. В проанализированных текстах данный образ сравнивается с кладбищем. Также в лирике русского поэта он относится к сакральному (райскому) пространству, в котором обитают божественные сущности (греческий бог солнца Гелиос, христианский Бог-отец и его сын Иисус). Однако данное описание не является исчерпывающим. Перспективу дальнейших исследований составляет анализ средств вербализации образа сада в текстах поэм С. Есенина.

Список источников

1. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др.; отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. 384 с.
2. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
3. Дмитриева Ю. Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. № 1. 2021. С. 33–38.
4. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. Языкознание. 2021. № 4 (80). С. 10–18.
6. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 25.02.2023).
8. Скорыходов М. В. «Низкий дом» и «Дом с мезонином» – две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 194–211.

9. Дмитриева Ю. Л. Пространственная модель мира в произведениях С. А. Есенина // Современное есениноведение: науч.-метод. журн. 2020. № 4 (55). С. 63–70.
10. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 1. 672 с.; 1997. Т. 2. 464 с.
11. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев: Рад. школа, 1982. 240 с.
12. Куняев С. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2010. 593 с.
13. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
14. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: научное издание. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
15. Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. Саров: Интерконтакт, 2017. 405 с.

References

1. Poryadina R. N., Gyngazova L. G., Emer Yu. A. (comps.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Rezanova Z. I. (ed.). Tomsk, UFO-Plus Publ., 2007. 384 p. (in Russian).
2. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura – Text: semantics and structure*. T. V. Tsyv'yan (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1983. Pp. 227–284 (in Russian).
3. Dmutriyeva Yu. L. Parametry prostranstvennoy modeli mira (na materiale poezii S. Eсенина) [Parameters of the spatial model of the world (on the material of S. Yesenin's poetry)]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya – Bulletin of Donetsk National University. Ser. D: Philology and Psychology*, 2021, no. 1, pp. 33–38 (in Russian).
4. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5 tomakh* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. In 5 volumes]. Tolstoy N. I. (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009. Vol. 4. 656 p. (in Russian).
5. Alefirenko N. F. Yazykovyye obrazy kak edinit'sy etnokul'turnogo soznaniya [Language images as units of ethnocultural consciousness]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Yazykoznaniye – Humanitarian research. Linguistics*, 2021, no. 4 (80), pp. 10–18 (in Russian).
6. Yurina E. A. *Obraznyy stroy yazyka* [Figurative structure of language]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2005. 156 p. (in Russian).
7. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Big Dictionary of the Russian Language]. S. A. Kuznetsov (ed.). St. Petersburg, Norint Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (accessed 25 February 2023).
8. Skorokhodov M. V. “Nizkiy dom” i “Dom s mezoninom” – dve modeli “russkogo mira” v tvorchestve Sergeya Eсенина [The “Low House” and the “House with a Mezzanine” – Two Models of the “Russian World” in Sergey Esenin's Work]. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 194–211 (in Russian).
9. Dmutriyeva Yu. L. Prostranstvennaya model' mira v proizvedeniyakh S. A. Eсенина [Spatial model of the world in the works of S. A. Yesenin]. *Sovremennoye eseninovedeniye: nauchno-metodicheskiy zhurnal*, 2020, no. 4 (55), pp. 63–70 (in Russian).
10. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 tomakh* [Complete Works. In 7 vols.]. Moscow, Nauka – Golos Publ., 1995, vol. 1, 1995. 672 p.; vol. 2, 1997. 464 p. (in Russian).
11. Tsyganenko G. P. *Slovar' sluzhebnykh morfem russkogo yazyka* [Dictionary of service morphemes of Russian language]. Kiev, Rad. shkola Publ., 1982. 240 p. (in Russian).
12. Kunyayev S. Yu., Kunyayev S. S. *Sergey Esenin* [Sergey Yesenin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 593 p. (in Russian).
13. Vovk O. V. *Entsiklopediya znakov i simvolov* [Encyclopedia of signs and symbols]. Moscow, Vechе Publ., 2006. 528 p.
14. Voronova O. E. *Sergey Esenin i russkaya dukhovnaya kul'tura* [Sergei Yesenin and Russian Spiritual Culture]. Ryazan, Uzoroch'ye Publ., 2002. 520 p. (in Russian).
15. Pyatkin S. N. *Pushkin v khudozhestvennom soznanii Eсенина* [Pushkin in the artistic consciousness of Yesenin]. Sarov, Interkontakt Publ., 2017. 405 p. (in Russian).

Информация об авторе

Дмитриева Ю. Л., кандидат филологических наук, доцент, доцент, докторант, Горловский институт иностранных языков (ул. Рудакова, 25, Горловка, ДНР, Россия, 284626).

Information about the author

Dmutriyeva Yu. L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, PhD student, Gorlovka Institute of Foreign Languages (ul. Rudakova, 25, Gorlovka, DPR, Russian Federation, 284626).

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 26.02.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 811.111; 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-23-30>

Перевод модальных глаголов с английского языка на русский в текстах международных договоров

Анастасия Сергеевна Персидская

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru

Аннотация

В связи с активным сотрудничеством стран в разных сферах жизни существует постоянная востребованность в переводе нормативных документов, в том числе международных договоров, регламентирующих порядок взаимодействия стран – сторон договора. Международный договор представляет собой юридический документ и относится к официально-деловому стилю. Язык международных договоров должен соответствовать требованиям точности, ясности, отсутствием двусмысленности. Характерной чертой стиля в английском языке является наличие большого количества модальных глаголов, которые обладают несколькими значениями. Данные значения не всегда могут быть переданы модальными глаголами русского языка. Перед переводчиком возникает сложная задача выбора единиц перевода, подходящих для адекватной передачи значения модального глагола текста оригинала. *Цель* исследования – определить способы перевода модальных глаголов с английского языка на русский в юридических текстах. Для этого нам необходимо выявить факторы, по которым переводчик может определить значение модального глагола в конкретном контексте и соотнести их с закономерными вариантами перевода на русский язык. Исследование проводится на материале международного договора между Российской Федерацией и Республикой Индонезией в правоохранительной сфере посредством таких методов лингвистического анализа, как описательный, сопоставительный, количественный. Наиболее частотным модальным глаголом в англоязычном тексте международного договора является глагол *shall*, на втором месте – *may*, другие модальные глаголы встречаются, но крайне редко. На русский язык модальные глаголы переводятся: глаголом в настоящем времени; глаголом «может»; кратким прилагательным «должен»; наречием «необходимо». Некоторые глаголы, относящиеся к категории модальных, реализуются в тексте оригинала в других функциях, например, *should* – как показатель условного предложения с оттенком гипотетичности, *will* – как показатель будущего времени с оттенком обещания. При переводе модальных глаголов на русский язык необходимо учитывать множество факторов: требования функционального стиля речи; оттенки значений модальных глаголов и их функцию в предложении; контекст, конкретизирующий значение модального глагола; нормы языка перевода.

Ключевые слова: модальные глаголы, юридический перевод, стратегии перевода, грамматические особенности перевода, перевод международных договоров

Для цитирования: Персидская А. С. Перевод модальных глаголов с английского языка на русский в текстах международных договоров // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 23–30. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-23-30>

Translation of modal verbs from English into Russian in the texts of international treaties

Anastasia S. Persidskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru

Abstract

The active cooperation of countries in various spheres of life leads to a constant demand for the translation of normative documents, including international treaties regulating the procedure for interaction of the countries. An international agreement is a legal document and refers to the official business style, the features of which are accuracy, clarity, and lack of ambiguity. A characteristic feature of the style in English is the large number of modal verbs having several meanings that sometimes cannot be expressed by modal verbs in Russian. The translator faces the difficult task of choosing translation units suitable for adequate translation of the meaning of the modal verb. The aim of the study is to determine the ways of translating modal verbs from English into Russian in legal texts through identifying

the factors by which the translator can determine the meaning of a modal verb in a specific context and correlating them with the adequate variants of translation into Russian. The research is based on an international treaty between the Russian Federation and the Republic of Indonesia in the law enforcement sphere using such methods of linguistic analysis as descriptive, comparative, and quantitative. The most frequent modal verb in English treaties is *shall*; *may* is in second place; other modal verbs are found, but extremely rare. Modal verbs are translated into Russian by: a verb in the present tense; a verb “может”; a contracted form of an adjective “должен”; an adverb “необходимо”. When translating modal verbs into Russian, it is necessary to take into account many factors: the requirements of the functional style of speech; shades of the meanings of modal verbs and their function in the sentence; the context specifying the meaning of the modal verb; the norms of the translation language.

Keywords: modal verbs, legal translation, translation strategies, grammatical features of translation, translation of international treaties

For citation: Persidskaya A. S. Perevod modal'nykh glagolov s angliyskogo yazyka na russkiy v tekstakh mezhdunarodnykh dogovorov [Translation of modal verbs from English into Russian in the texts of international treaties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 23–30 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-23-30>

Введение

Россия как любое другое правовое государство входит в систему международных отношений, которые регулируются международными договорами. Ежегодно между Россией и другими странами заключаются международные договоры в различных сферах взаимодействия на разных уровнях. Такие документы обеспечивают соблюдение прав человека в каждой стране, являющейся участником определенного договора.

В связи с этим существует постоянная необходимость в переводе. При этом следует отметить, что изначально международный договор составляется на английском языке, а затем переводится на русский язык, что подтверждает пункт 5.3.1 документа «Рекомендации о порядке подготовки материалов, относящихся к заключению и прекращению международных договоров Российской Федерации», размещенном на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации [1]. В таком случае перед переводчиками стоит ответственная задача – предоставить адекватный вариант перевода текста международного договора с английского языка на русский. Сегодня во многих странах утверждены стандарты качества письменного перевода [2, с. 54–64], однако качество переводов текстов международных договоров выходит на особо важный уровень.

Международный договор представляет собой форму юридического документа, который относится к официально-деловому стилю. Тексты данного стиля отличаются точностью словоупотребления, типизированностью высказываний, четкостью выражения мысли [3, с. 211]. Характерной функционально-стилистической чертой юридического языка является стилизованная окраска долженствования [4, с. 175]. Среди способов передачи долженствования в англоязычных дого-

ворах можно выделить использование модальных глаголов.

Так как модальные глаголы обладают большим спектром значений и способы их выражения часто не совпадают в языке оригинала и в языке перевода, перед переводчиком возникает задача передать модальные глаголы в юридических текстах, соблюдая требование однозначности. В последнее время данная тема достаточно часто становится предметом внимания лингвистов. Авторы либо рассматривают модальность как отдельную специфическую проблему перевода юридических текстов [5–7], либо исследуют ее в рамках комплексного лексико-грамматического подхода [8, 9]. Несмотря на это, до сих пор нет однозначности в определении факторов, которые позволили бы переводчику безошибочно использовать точный эквивалент. В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку выявить закономерности перевода модальных глаголов в юридических текстах, проанализировав конкретные примеры – варианты международного договора на английском и русском языках, опубликованные на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации: Treaty between Russian Federation and the Republic of Indonesia on Extradition и «Договор между Российской Федерацией и Республикой Индонезией о выдаче» [10].

Материал и методы

Материалом нашего исследования послужили модальные глаголы английского языка *shall*, *may*, *can*, *should*, *will*, *to be (to)* и их русские варианты перевода – глаголы в настоящем времени; глагол «может»; краткое прилагательное «должен»; наречие «необходимо». Выявление закономерностей и правил перевода модальных глаголов с английского языка на русский производилось

посредством метода описания, сравнительного анализа и количественного подсчета.

Результаты и обсуждение

Согласно определению Т. В. Жеребило, грамматическая категория модальности выражает отношение содержания речи к действительности. Модальность может передаваться посредством наклонения глагола, вводных слов, интонации и пр. [11, с. 199].

В английском языке модальность может выражаться посредством модальных слов (*certainly, perhaps, fortunately*) и наклонения глагола (*The Indicative Mood, The Subjunctive Mood, The Imperative Mood*) [12, с. 96]. Однако основными средствами выражения модального значения являются модальные глаголы. В английском языке модальными глаголами являются: *must, can (could), may (might), shall (should), ought, will (would)* [13, с. 306].

В русском языке способом выражения модальности являются модальные слова, входящие в состав сказуемого: глаголы – *мочь, желать, хотеть*; предикативные наречия – *можно, нужно, необходимо*; краткие прилагательные – *должен, обязан* [14, с. 1].

Каждый модальный глагол английского языка обладает большим количеством значений и реализуется именно в том, которое соответствует контексту. При переводе тех или иных значений на русский язык не всегда возможно найти эквивалентное соответствие, сохранив при этом тип сказуемого, аналогичный оригиналу.

При проведении анализа текста договора нами выявлено 90 случаев употребления модальных глаголов, из них 55 случаев использования глаголов *shall*, 28 – *may*, 2 – *can*, 2 – *should*, 2 – *will*, 1 – *to be (to)*.

Описывая значения модального глагола *shall*, Л. С. Бархударов среди прочих отмечает такие, как выражение гарантии и твердого обещания [13, с. 320]. Другие лингвисты утверждают, что данный модальный глагол может выполнять в юридическом тексте шесть различных функций [15, с. 116].

В 49 случаях модальный глагол *shall* переводится на русский язык глаголом в настоящем времени: *This treaty shall apply to...* «Настоящий Договор **применяется** к...»; *Each Party shall communicate directly with each other...* «...органы Сторон **сносятся** друг с другом напрямую»; *A crime shall be extraditable...* «Преступление **влечет выдачу**...»; *Any differences in the legal terminology shall not hinder fulfillment of the request for extradition...* «Различия в юридической терминологии **не препятствуют** исполнению

запроса о выдаче...»; *Extradition shall not be granted if...* «Выдача **не производится**, если...»; *...the Request Party... shall deliver all received materials to its competent authorities...* «запрашиваемая Сторона... **передает** полученные материалы своим компетентным органам»; *...the Requesting Party shall furnish...* «...запрашивающая Сторона... **предоставляет**...»; *...shall not... use any evidence...* «...**не использует** никаких доказательств...»; *...shall be made in writing and sent... and shall include the following documents...* «...**составляется** в письменной форме и **направляется**... и **содержит** следующие документы...»; *Any request for extradition... shall be accompanied by a sealed copy of a warrant of arrest...* «К запросу о выдаче... **прилагается** заверенная печатью копия постановления о заключении под стражу...» и т. п. [10]. Приведенные примеры иллюстрируют реализацию стилистической функции глагола *shall*, т. е. данный модальный глагол не несет особой смысловой нагрузки, а только придает тексту «бюрократический оттенок» [15, с. 117].

На сайте министерства иностранных дел даются рекомендации по переводу международных договоров, в которых отмечается, что права и обязанности сторон прописываются глаголами в изъявительном наклонении настоящего времени и запрещается использовать глаголы в будущем времени или глаголы с размытой семантикой [1]. Как свидетельствуют приведенные ниже примеры перевода сказуемого с *shall*, установленные требования к формулированию текста русского варианта договора полностью соблюдаются.

Однако нами выявлено три случая, когда модальный глагол *shall* переводится кратким прилагательным «*должна/должно*». Каждый случай следует рассмотреть отдельно.

Согласно рекомендациям по переводу, прописанным на сайте министерства иностранных дел: «Необходимо иметь в виду, что используемый в текстах договоров на английском языке модальный глагол *shall* применяется для обозначения долженствования, а не будущего времени используемых с ним глаголов» [1]. Именно эта функция долженствования (или императивная функция) передается при переводе *shall* в следующем контексте: *Either Part... shall notify the other Party of this...* «Каждая Сторона... **должна уведомить** другую Сторону об этом...» [10]. Стоит отметить, что в начале предложения дается информация о том, что возможны изменения в ситуации, т. е. определенные условия, которые влекут за собой обязательные для сторон договора действия: *Either Part may change its Central Authority...* «Каждая Сторона может изменить

свой центральный орган...» [10]. В таком случае перевод на русский язык осуществляется посредством краткого прилагательного «должна», который выполняет функцию, аналогичную *shall*, в данном контексте.

В следующем примере: *The temporarily extradited person shall be returned to the Requested Party as soon as the proceedings... are complete...* «Выданное на время указанное лицо **должно быть возвращено** запрашиваемой Стороне после завершения процессуальных действий...» [10] – *shall* также выражает долженствование. При этом перед данным предложением посредством модального глагола *may* выражаются возможные изменения (условия), влекущие за собой последствия, которые должны быть соблюдены: *In case of the postponed surrender... may incur lapse of time... the Requested Party may temporarily extradite the person, whose extradition was requested.* «Если отсрочка в выдаче... **может повлечь** за собой истечение срока давности уголовного преследования... запрашиваемая Сторона **может выдать** на время лицо, выдача которого запрашивается» [10].

Аналогичную ситуацию наблюдаем и в третьем случае – модальный глагол *shall* выражает долженствование вслед за условиями, которые этого требуют: *If the request is granted the Requesting Party shall be informed of the place and the date of surrender of the person...* «В случае согласия удовлетворить запрос запрашивающая Сторона **должна быть проинформирована** о месте и дате передачи выдаваемого лица...» [10]. В данном примере условия выражены на синтаксическом уровне посредством условного предложения, которые влекут обязательные дальнейшие действия, ограничиваемые конкретными сроками.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в текстах договоров модальный глагол *shall* реализуется в императивной функции при упоминании каких-либо условий, влекущих строго определенные действия, и в таком контексте *shall* можно перевести на русский язык с помощью краткого прилагательного с аналогичным «императивным» значением «должна/должно».

Выявлен один случай, когда модальный глагол *shall* переводится глаголом в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени «может»: *Any person... shall not be detained, prosecuted or punished... and shall not be extradited to any other State, and his/her person al freedom shall not be... restricted for a crime...* «Лицо... **не может быть заключено** под стражу, **подвергнуто** уголовному преследованию или наказанию... а также **выдано** другому государству, и его личная

свобода... **не может быть ограничена** за преступление...» [10]. В рассматриваемом примере можем говорить о реализации пермиссивной функции глагола *shall*. Пермиссивная функция – это выражение разрешения или возможности в силу закона, полномочия совершать определенные действия [15, с. 116]. Данное значение очень близко к тому, что обычно выражает модальный глагол *may*. Однако в приведенном примере предложение отрицательное, следовательно, *shall* реализуется в значении «отсутствие разрешения или возможности... совершать определенные действия». Перевод на русский язык отрицательной формой глагола «*может*» передает это значение.

В общем употреблении модальный глагол *may* выражает допущение возможности или предположение [13, с. 317]. В западноевропейской лингвистике такое значение называют эпистемическим. Выделяют и другое значение *may* – деонтическое, т. е. выражение долженствования [16, с. 4]. В юридических текстах модальный глагол *may* реализуется наиболее часто в деонтическом значении.

В исследуемом международном договоре нами выявлено 27 примеров перевода модального глагола *may* глаголом в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени «может»: *...may change its Central Authority...* «...**может изменить** свой центральный орган...»; *...may extradite a relevant person...* «...**может... осуществить выдачу** лица...»; *...extradition may take place...* «...выдача **может иметь место**...»; *...may agree upon extradition...* «...**могут договориться** о выдаче...»; *...may be brought to criminal liability...* «...**может быть привлечено** к уголовной ответственности...»; *...may suffer any damage...* «...**может быть нанесен ущерб**...»; *...no criminal case may be initiated or no sentence may be executed...* «...уголовное дело **не может быть возбуждено** или приговор **не может быть приведен в исполнение**...»; *All materials of the case... may be used...* «Материалы дела... **могут быть использованы**...»; *...the consent to extradition may be given* «...согласие на выдачу **может быть дано**»; *...surrender of such person may be postponed...* «...передача указанного лица **может быть отсрочена**...» и т. п. [10].

В приведенных примерах значение, в котором реализуется модальный глагол *may*, можно передать через перефразирование *it is allowed*, что свидетельствует о наличии у глагола деонтического значения [16, с. 6]. Модальный глагол *may* в деонтическом значении следует переводить на русский язык глаголом 3-го лица единственного числа «может». При этом в русском языке так же,

как и в английском, будет выражено значение «законное разрешение на какое-либо действие».

Нами выявлен один случай, когда модальный глагол *may* переводится на русский язык глаголом настоящего времени: *In case transposition of the person, subject to extradition, to the territory of the Requesting Party may pose any risk to his/her life or health...* «В случае если перевозка лица, подлежащего выдаче, на территорию запрашивающей Стороны **связана с угрозой** для его жизни или здоровья...» [10]. В рассматриваемом примере *may* реализуется в эпистемическом значении, так как мы можем заменить его на фразу *it is possible*, и смысл предложения не изменится [16, с. 17]. Однако значение «вероятности» также содержится и на синтаксическом уровне – выражается через условное предложение. Для официально-делового стиля характерно подобное использование глагола *may* в условных предложениях. При переводе нужно учитывать нормы русского языка и, согласно им, нельзя сохранить обе формы выражения значения «вероятности» (нельзя сказать: «*В случае если* перевозка лица *может быть* связана с угрозой для его жизни»), поэтому при переводе данное значение сохранилось лишь на уровне синтаксиса.

Исследуемый нами текст международного договора содержит два случая использования модального глагола *can*, который выражает реальную возможность. На русский язык он переводится глаголом в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени «*может*». Рассмотрим более подробно первый случай: *...a statement of the punishment that can be, or has been imposed for the crimes* «...информация о наказании, которое **может быть** или **было назначено** лицу за совершение преступления» [10]. Во втором случае данный модальный глагол используется в отрицательной форме и выражает «отсутствие реальной возможности» выполнить действие. Перевод на русский язык производится соответствующей отрицательной формой глагола «*не может*»: *...even if the extradition cannot be carried...* «...даже если выдача **не может быть осуществлена**...» [10].

Глагол *to be (to)* относят к «эквивалентам» модального глагола. Модальное значение *to be (to)* выражает предусмотренную необходимость или то, что должно неизбежно совершиться в силу чьей-либо воли, договоренности, приказа, плана, предписания и т. д. [13, с. 311].

Модальный глагол *to be (to)* встречается в тексте договора один раз: *...through the territory of which such transit transportation is to be carried out* «...транзитной перевозке... по территории которой **необходимо** ее **осуществить**...» [10]. В дан-

ном примере рассматриваемый модальный глагол передает значение «необходимость как нечто предусмотренное». При переводе передается наречием с модальным значением «необходимо». Данный вариант перевода адекватно передает смысл, заложенный в исходном тексте.

Кроме того, выявлено два случая употребления модального глагола *should*. Являясь производной формой от глагола *shall*, в современном английском языке модальный глагол *should* обладает самостоятельным значением и спецификой употребления [13, с. 313]. Однако в выявленных нами примерах глагол *should* реализуется именно в своем исходном значении и выражает условие. На русский язык переводится эквивалентной формой условного предложения в настоящем времени. Условные предложения всегда содержат модальность и могут выражать гипотетичность, желательность, необходимость, требование, предложение и т. д. [17, с. 58]. В примерах, приведенных далее, условное предложение указывает на гипотетическую возможность развития событий: *Should any request for extradition include a number of different acts...* «**Если** запрос о выдаче **включает** несколько отдельных деяний...»; *Should any request for extradition be rejected...* «**Если** в выдаче лица **отказано**...» [10].

Несмотря на то что в список модальных глаголов включен глагол *will*, в рассмотренном нами международном договоре он используется очень редко (выявлено всего два случая). На первый взгляд, в английском предложении глагол *will* используется как обычный вспомогательный глагол для образования формы будущего времени. Однако мы не можем говорить об абсолютном отсутствии модального значения у этого глагола, так как лингвисты считают данный глагол двусмысленным, неопределенным и выделяют у него до семи значений будущего с различными оттенками значений [18, с. 47]. В рассматриваемом примере *will* реализуется с оттенком значения «обещание». В русском языке будущее время может выражаться без оттенков модальности [19, с. 2], поэтому на русский язык английский модальный глагол *will* переводится модально нейтральной глагольной конструкцией «(не) *будет* + инфинитив»: *...such new qualification will correspond to the conditions...* «...новая квалификация **будет соответствовать** условиям...»; *...a person... will not incur capital punishment* «...к лицу... **не будет применена** смертная казнь» [10].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Наиболее частотным мо-

дальным глаголом в англоязычном тексте международного договора является глагол *shall*, на втором месте – *may*, другие модальные глаголы встречаются, но крайне редко. На русский язык модальные глаголы переводятся: 1) глаголом в настоящем времени, если в английском тексте они отражают «бюрократический оттенок» текста (*shall* – 49 примеров) или, если нормы языка перевода не позволяют сохранить их исходное значение в полной мере (например, *may* – в эпистемическом значении); 2) глаголом «может», если модальный глагол реализуется в деонтическом значении (*may* – 27 примеров), если модальный глагол в языке оригинала выполняет пермиссивную функцию (*shall* – три примера) или если глагол выражает значение «реальная физическая возможность выполнить действие» (*can* – два примера); 3) кратким прилагательным «должен», если в исходном тексте модальный глагол выполняет императивную функцию

(*shall* – три примера); 4) наречием с модальным значением «необходимо», если исходный модальный глагол обладает значением «необходимость как нечто предусмотренное (*to be (to)* – один пример). Некоторые глаголы, относящиеся к категории модальных, реализуются в тексте оригинала с оттенком модальности, например, *should* в первую очередь используется как показатель условного предложения, принося значение гипотетического действия, глагол *will* – как показатель будущего времени с оттенком обещания.

При переводе модальных глаголов на русский язык необходимо учитывать множество факторов: требования функционального стиля речи как в языке оригинала, так и в языке перевода; оттенки значений модальных глаголов и их функцию в предложении; контекст, конкретизирующий значение модального глагола; нормы языка перевода.

Список источников

1. Рекомендации о порядке подготовки материалов, относящихся к заключению и прекращению международных договоров Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. М.: МИД РФ, 2009. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/international_contracts/1717291/ (дата обращения: 05.07.2023).
2. Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 54–64.
3. Николаева Т. А. Проблемы перевода договоров // Ростовский научный журнал: сборник научных статей. 2017. № 5. С. 206–213.
4. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
5. Аведова Р. П., Колодиева Д. А. Лексико-грамматические особенности перевода официально-деловых документов // Наука и мир. 2017. № 5-2 (45). С. 42–44.
6. Зайнуллина Д. И., Алексеева Т. С. Лексические, грамматические и стилистические особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Серия: Лингвистика. 2020. Вып. 1 (25). С. 75–79.
7. Медведева М. С. Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 164–172.
8. Швецова Е. Н. Модальность как признак директивности в международном документообороте // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 4 (72). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/modalnost-kak-priznak-direktivnosti-v-mezhdunarodnom-dokumentoooborote.html> (дата обращения: 05.07.2023).
9. Kolarkova O. G., Savina A. A. Modal Verbs in Legal English // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 1, № 1 (22). P. 136–139.
10. Двусторонние договоры // Министерство иностранных дел Российской Федерации. М.: МИД РФ, 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62041/ (дата обращения: 05.07.2023).
11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
12. Иванова О. В. Специфика реализации модальности как лексико-грамматической категории в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30): в 2 ч. Ч. I. С. 94–98.
13. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка: учебник. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1960. 424 с.

14. Глазкова С. Н. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2012. № 7. URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm> (дата обращения: 05.07.2023).
15. Крапивкина О. А. Многозначность глагола shall как проблема интерпретации и перевода юридических документов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 114–122.
16. Фамина Н. В., Осьминкин Н. В. Модальность в современной западно-европейской англистике на примере использования модального глагола may в двух типах профессионально ориентированных текстов // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2016. № 2 (8). С. 17.
17. Муллагалиев Н. К., Ахметзянов И. Г., Гараева А. К. Модальность в системе условных предложений английского языка (на материале англо-американских художественных произведений) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 55–67.
18. Дружинин А. С. Английский глагол will: вспомогательный или модальный? // Иностранные языки в школе. 2018. № 1. С. 47–50.
19. Петрухина Е. В., Ли Чжухонг. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 74–88.

References

1. *Rekomendatsii o poryadke podgotovki materialov, odnosyascshikhsya k zaklyucheniyu i prekrashcheniyu mezhdunarodnykh dogovorov Rossiyskoy Federatsii* [Recommendations on the procedure for preparing materials related to the conclusion and termination of international treaties of the Russian Federation]. Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii, Moscow, MID RF Publ., 2009 (in Russian). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/international_contracts/1717291/ (accessed 5 July 2023).
2. Polyakova N. V. Otsenka kachestva pis'mennogo perevoda: problema poiska effektivnykh standartov, kriteriyev i parametrov [Evaluation of the quality of translation: the problem of finding effective standards, criteria and parameters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 54–64 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2022-1-54-64
3. Nikolayeva T. A. Problemy perevoda dogovorov [Problems of translation of contracts]. *Rostovskiy nauchnyy zhurnal: sbornik nauchnykh statey*, 2017, no. 5, pp. 206–213 (in Russian).
4. Kozhina M. N., Duskayeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka: uchebnik* [Stylistics of the Russian language: textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 464 p. (in Russian).
5. Avedova R. P., Kolodieva D. A. Leksiko-grammaticheskiye osobennosti perevoda ofitsial'no-delovykh dokumentov [Lexico-grammatical features of the translation of official business documents]. *Nauka i mir – Science and World*, 2017, no. 5-2 (45), pp. 42–44 (in Russian).
6. Zaynullina D. I., Alekseyeva T. S. Leksicheskiye, grammaticheskiye i stilisticheskiye osobennosti perevoda yuridicheskikh tekстов [Lexical, grammatical and stylistic features of translation of legal texts]. *Uchenyye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Aktual'nyye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Seriya "Seriya Lingvistika"*, 2020, no. 1 (25), pp. 75–79 (in Russian).
7. Medvedeva M. S. Upotrebleniye i sposoby perevoda modal'nykh glagolov v yuridicheskikh tekstakh [The use and ways of translating modal verbs in legal texts]. *Gumanitarnyye i sotsyal'nyye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 3, pp. 164–172 (in Russian).
8. Shvetsova E. N. Modal'nost' kak priznak direktivnosti v mezhdunarodnom dokumentooborote [Modality as a sign of directive in international document management]. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2021, no. 4 (72) (in Russian). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/modalnost-kak-priznak-direktivnosti-v-mezhdunarodnom-dokumentooborote.html> (accessed 5 July 2023).
9. Kolarkova O. G., Savina A. A. Modal Verbs in Legal English. *Baltic Humanitarian Journal*, 2018, vol. 1, no. 1 (22), pp. 136–139.
10. *Dvustoronniye dogovory* [Bilateral treaties]. Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Moscow, MID RF Publ., 2023 (in Russian) URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62041/ (accessed 5 July 2023).

11. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (in Russian).
12. Ivanova O. V. Spetsifika realizatsii modal'nosti kak leksiko-grammaticheskoy kategorii v angliyskom yazyke [The specifics of the implementation of modality as a lexical and grammatical category in the English language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2013, no. 12 (30): in 2 parts, p. I, pp. 94–98 (in Russian).
13. Barkhudarov L. S., Shteling D. A. *Grammatika angliyskogo yazyka: uchebnik* [Grammar of the English language: textbook]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1960. 424 p. (in Russian).
14. Glazkova S. N. Modal'nost' v russkoy yazykovoy kartine mira [Modality in the Russian language picture of the world]. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal*, 2012, no. 7 (in Russian). URL: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm> (accessed 5 July 2023).
15. Krapivkina O. A. Mnogoznachnost' glagola shall kak problema interpretatsii i perevoda yuridicheskikh dokumentov [The ambiguity of the verb shall as a problem of interpretation and translation of legal documents]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki" – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*, 2016, no. 3, pp. 114–122 (in Russian).
16. Famina N. V., Osminkin A. I. Modal'nost' v sovremennoy zapadno-evropeyskoy anglistike na primere ispol'zovaniya modal'nogo glagola may v dvukh tipakh professional'no-oriyentirovannykh tekstov [Modality in modern Western European Anglistics on the example of the use of the modal verb may in two types of professionally-oriented texts]. *Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura*, 2016, no. 2 (8), pp. 17 (in Russian).
17. Mullagaliyev N. K., Akhmetzyanov I. G., Garayeva A. K. Modal'nost' v sisteme usloynykh predlozheniy angliyskogo yazyka (na materiale anglo-amerikanskikh khudozhestvennykh proizvedeniy) [Modality in the system of conditional sentences in the English language (on the materials of Anglo-American fiction)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2020, no. 5 (98), pp. 55–67 (in Russian).
18. Druzhinin A. C. Angliyskiy glagol will: vspomogatel'nyy ili modal'nyy? [English verb will: auxiliary or modal?]. *Inostannyye yazyki v shkole*, 2018, no. 1, pp. 47–50 (in Russian).
19. Petrukhina E. V., Li Zhuhong. Modal'nost' glagol'nykh form budushchego vremeni v russkom yazyke [Modality of verb forms of the future tense in the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Lomonosov Philology Journal*, 2015, no. 4, pp. 74–88 (in Russian).

Информация об авторе

Персидская А. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Persidskaya A. S., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 06.07.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 81.37

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-31-38>

Проблемы экспрессивного синтаксиса на примере выступлений Д. Трампа и Дж. Байдена в преддверии Рождества 2017 и 2022 годов

Ольга Игоревна Афонина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
afonina-olya@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе на примере двух речей Дональда Трампа и Джо Байдена с обращениями к гражданам накануне Рождества. Автор ставит перед собой цель изучить потенциал экспрессивности используемого синтаксиса политиков на примере словосочетаний и парантетических внесений. Данная цель достигается посредством анализа категорий функционирования словосочетаний и парантетических внесений на конкретных примерах из соответствующих речей. Рассмотрение двух предрождественских речей Дональда Трампа и Джо Байдена помогает лучше понять, как экспрессивность используется в политической риторике, и сделать вывод о степени важности синтаксических средств в политическом дискурсе. В ходе анализа мы представили на примерах такие категории функционирования словосочетаний, как категории клишированности, идиоматичности и коннотативности. На основе данных категорий было выявлено функционирование словосочетаний в различных стилистических фигурах (усиление, повтор, полисиндетон, нарастание, антитеза). Также были выявлены определенные категории внесений, такие как однословные, с предлогами и в виде предложений. Автор объясняет, что парантетические внесения помогают связать информацию в речи и обобщить ее. В статье объясняется, что парантетические внесения могут быть также использованы для манипулятивного воздействия на слушателей. На основе экспрессивности и содержания парантетических внесений были выделены категории отсылки, экзemplификации, делиберативности и их роль в высказываниях политиков. Был сделан вывод о том, что словосочетания являются базой для создания эмоционально окрашенного предложения, текста. Синтаксическая экспрессивность речи в политике повышает манипулятивное воздействие на слушающих, и тем самым говорящему становится проще реализовать свои интенции. В целом было установлено, что исследование экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе позволяет лучше понять, как используются различные синтаксические средства для достижения целей политиков. Это дает возможность лучше понимать политическую риторику и быть более критичными к информации, которую нам передают.

Ключевые слова: *политический дискурс, парантетические внесения, функционирование словосочетаний, экспрессивный синтаксис, стилистические фигуры*

Для цитирования: Афонина О. И. Проблемы экспрессивного синтаксиса на примере выступлений Д. Трампа и Дж. Байдена в преддверии Рождества 2017 и 2022 годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 31–38. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-31-38>

Problems of expressive syntax on the example of the speeches of D. Trump and J. Biden for Christmas 2017 and 2022

Olga I. Afonina

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation,
afonina-olya@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of expressive syntax in political discourse on the example of two speeches by Donald Trump and Joe Biden with congratulations on Christmas in 2017 and 2022. The author aims to study the potential of expressiveness of the used syntax of politicians on the example of word combinations and parenthetical additions. This goal is achieved through the analysis of the categories of functioning of phrases and parenthetical contributions on specific examples from the relevant speeches. The conducted analysis helps to draw a conclusion about the degree of importance of the syntactic means of expressiveness in political discourse. In the course of the

analysis, we first analysed the phrases with inherent expressiveness and then moved on to the phrases with adherent expressiveness and presented such categories of phrase functioning as the following examples: the category of clichéd, idiomatic and connotative. On the basis of these categories, the functioning of phrases in various stylistic figures (amplification, repetition, polysyndeton, growth, antithesis) was revealed and illustrated in the examples from two political speeches which relate to one topic (Christmas). Based on the expressiveness and the content of parenthetical contributions, the categories of reference, exemplification, deliberation and their role in the statements of politicians were singled out. It was concluded that phrases are the basis for creating an emotionally charged sentence or text. The syntactic expressiveness of speech in politics increases the manipulative effect on the listeners and, thus, it becomes easier for the speaker to realize his intentions.

Keywords: *political discourse, parenthetical additions, the functioning of phrases, expressive syntax, stylistic figures, text-binding elements, concepts*

For citation: Afonina O. I. Problemy ekspressivnogo sintaksisa na primere vystupleniy D. Trampa i Dzh. Baydena v preddverii Rozhdestva 2017 i 2022 gg. [Problems of expressive syntax on the example of the speeches of D. Trump and J. Biden for Christmas 2017 and 2022]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 31–38 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-31-38>

Введение

Американский политический дискурс является одним из центральных объектов изучения в современной лингвистике. Огромное количество исследований посвящено политической лингвистике, мы можем выделить работы таких авторов, как: Т. ван Дейк, Е. И. Шейгал, А. К. Михальская, О. В. Александрова, А. П. Чудинов и многие другие. Политические речи изучаются с разных ракурсов, тем не менее теоретическая база исследования языка политических высказываний еще не до конца сформирована.

Исследование речей бывшего президента США Дональда Трампа и нынешнего президента США Джо Байдена представляет интерес для политиков, лингвистов и историков. Экспрессивность – неотъемлемая часть успеха любой коммуникации, особенно политической. Однако существует огромное количество способов ее выражения, что заслуживает особого внимания со стороны лингвистов [1].

В данной статье за основу берется определение дискурса, данное Т. ван Дейком, который понимал дискурс как «совокупность текста и контекста». Таким образом, данный термин неразрывно связан с участниками коммуникации, их речевым высказыванием и контекстом [2, с. 1–15]. Развивая данное определение, Н. Фэркло отмечает, что «дискурс шире, чем текст» [3, с. 76].

А. П. Чудинов, говоря о политическом дискурсе, подчеркивает, что «в его содержание необходимо включить все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [4]. Ссылаясь на слова Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [5, с. 137].

Использование языка в политическом дискурсе не ограничивается простой передачей информации, оно также включает в себя использование

эмоциональных и когнитивных стратегий для достижения конкретных целей, таких как формирование общественного мнения, убеждение аудитории или мобилизация группы сторонников [6, 7]. Стоит отметить, что в политическом дискурсе говорящему удается достичь манипулирования широким кругом лиц, которые отличаются по социальному уровню, культуре [8] и т. п. «В наше время стало необходимо убеждать людей в условиях плюрализма мнений и политической жизни, политикам необходимо уметь убеждать людей в своей правоте» [9, с. 58].

Для оказания наиболее эффективного воздействия на слушающих политикам необходимо подбирать особые стилистические, семантические и семиотические средства. Определяющим фактором такого воздействия является его скрытность, т. е. слушающие не должны догадываться о намерениях говорящего. Для этого политики должны выработать определенную речевую стратегию и придерживаться определенных речевых тактик [10].

Прагматический аспект политических высказываний показывает как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Определенная речевая стратегия требует использования особых языковых средств и речевых приемов.

Материал и методы

В данной статье предпринимается попытка выявить отличительные средства экспрессивности в рамках синтаксиса в речах двух политиков США и определить их сходства и различия на материале выступления Дональда Трампа на национальной церемонии зажжения елки 30 ноября 2017 г. и рождественского обращения президента Джо Байдена к нации 22 декабря 2022 г. Материал был подобран с учетом схожести темы выступлений.

Актуальность исследования заключается в том, что политический дискурс является важным инструментом формирования общественного мнения, в том числе и во время праздников, когда люди обращаются к лидерам своих стран и ждут от них поздравлений и обращений. Выступления президентов США являются важным элементом политического дискурса, который влияет на отношение американцев к своим лидерам и их политике. Выступления Джо Байдена и Дональда Трампа представляют собой разные политические взгляды и стили коммуникации, что позволяет провести сравнительный анализ и выявить различия в их подходе к обращению к аудитории. В дальнейшем эта информация может помочь понять, как политические лидеры применяют язык для достижения своих целей и какие эмоциональные и когнитивные стратегии они используют в своих обращениях.

В качестве методов исследования были выбраны: метод описания, контекстуальный анализ с элементами дискурсивного анализа, метод количественного подсчета, который использовался для определения частоты употребления тех или иных средств выразительности.

Для достижения цели исследования были изучены различные лингвистические теории и проведен лингвистический анализ вышеупомянутых речей двух политиков.

Результаты и обсуждение

В начале нашего анализа мы остановимся на словосочетаниях, в значении которых заключена ингерентная экспрессивность (эмоционально-оценочные оттенки, присущие значению слова) [11].

В. В. Виноградов писал, что эмоциональных оттенков слово в своем нарративном значении может и не иметь, а возникают они в речи, основываясь на ее семантическом содержании, которое называется коннотативным значением, возникающим благодаря накопленному коллективному опыту и культуре народа. Вся совокупность коннотаций представляет собой источник экспрессивности [12, с. 54].

Таким образом, отмечает О. В. Александрова, экспрессивность словосочетаний приобретает непосредственно в речи (адгерентная экспрессивность), так как человек не просто передает информацию, а делает это с определенным намерением, а в случае с политическим дискурсом – имея цель воздействовать на аудиторию [11]. В момент воздействия говорящего на слушающих и возникает экспрессия, поскольку речь включает в себя отношение говорящего к ситуации, оценку происходящего и т. п.

Для систематизации функционирования словосочетаний в речи в современной лингвистике разработана система категорий, которая позволяет раскрыть их особенности употребления в речи.

1. Категория коннотативности выражается в оппозиции двух категориальных форм, выполняющих функцию воздействия и сообщения.

В следующем примере мы можем наблюдать, как словосочетание *fresh start* передает функцию сообщения: *I hope this Christmas season marks a fresh start for our nation...* (Я надеюсь, что этот рождественский сезон знаменует новый старт для нашей нации...) [13], в то же время словосочетания *great pain* и *terrible loneliness* уже несут экспрессивную функцию в данном предложении: *It can be a time of great pain and terrible loneliness* (Это может быть время сильной боли и ужасного одиночества). Данная экспрессивность оправдывается дальнейшей информацией, которой делится президент, рассказывая, что ровно 50 лет назад не стало его первой жены и дочери.

Дональд Трамп прибегает к экспрессивности, говоря о великолепно украшенной рождественской елке: *...everyone watching from home to see the lighting of this incredible national Christmas tree* (...все смотрят из дома, чтобы увидеть зажжение этой невероятной национальной рождественской елки) [14].

2. Категория клишированности образуется противопоставлением категориальных форм узальности (употребления). К клишированным словосочетаниям можно отнести, к примеру, следующие – из речи Дж. Байдена: *friendly voice*, *holiday season*, *bright spot*, *Christmas story*, *strong shoulder*; из речи Д. Трампа: *Christmas Tree*, *good and bad times*, *happy event*, *beautiful ceremony*.

I sincerely hope this holiday season will drain the poison... (Я искренне надеюсь, что этот курортный сезон истощит яд...) [13]. Здесь словосочетание *sincerely hope* является клишированным. Стоит отметить, что категории клишированности и идиоматичности взаимосвязаны между собой.

3. Категория идиоматичности основывается на противопоставлении фразеологических единиц словосочетаниям, значения которых образуют сумму номинативных значений составляющих его слов.

That's a million broken hearts in homes all across the country (Это миллион разбитых сердец в домах по всей стране) [13].

Словосочетание *broken hearts* имеет идиоматическое значение, которое складывается из значений слов *broken* (разбитый, сломанный) и *hearts* (сердца).

Так как словосочетания приобретают экспрессивный оттенок, можно сделать вывод, что они

являются своеобразной базой для передачи эмоций благодаря определенной обработке в тексте и таким стилистическим фигурам, как повтор, нарастание, антитеза, полисиндетон и др. [15].

Например, перечисление в тексте (или речи) синтаксически однотипных, синонимических, но семантически контрастных словосочетаний является основой выше перечисленных стилистических фигур, к примеру:

– повтора

Find that stillness in the heart of Christmas – that's at the heart of Christmas and look at each other... (Найдите эту тишину в сердце Рождества – которая находится в сердце Рождества и посмотрите друг на друга...) [14];

The Christmas story begins 2000 years ago with a mother, a father, their baby son, and the most extraordinary gift of all, the most incredible gift of God's love for all of humanity (Рождественская история начинается 2000 лет назад с матерью, отцом, их маленьким сыном и самым необычным подарком из всех, самым невероятным подарком Божьей любви ко всему человечеству) [14];

– нарастания

Americans have known Christmas as a time for sincere prayer and worship, for sincere gratitude and good will, for worldwide peace and renewal (Американцы знают Рождество как время искренней молитвы и поклонения, искренней благодарности и доброй воли, мира и обновления во всем мире) [13];

– полисиндетон

A simple smile or an unexpected phone call or a quiet cup of coffee – these are simple acts of kindness that can lift a spirit (Простая улыбка, неожиданный телефонный звонок или тихая чашка кофе – это простые добрые дела, которые могут поднять настроение) [13];

We will pursue our freedom, we will destroy them and we will not let them threaten our country (Мы будем преследовать террористов, мы их уничтожим и не позволим им угрожать нашей стране) [14].

Как видно из примеров, словосочетания вносят в текст определенную степень экспрессивности. В наибольшей степени это присуще атрибутивным словосочетаниям, поскольку совокупность значений их компонентов создает взволнованность, радость или напряжение говорящих, привлекая тем самым внимание аудитории к основной мысли высказывания, усиливая таким образом манипулирующую функцию всей речи. Нарастание, повтор, полисиндетон и другие являются наиболее экспрессивными межфразовыми текстосвязующими средствами.

Использование в речи словосочетаний, содержащих противоположные по значению слова,

выступает основой для появления антитезы, контраста и др.;

– антитеза

It can be a time of great pain and tremendous joy (Это может быть время сильной боли и огромной радости) [13];

We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done [14] (Мы столкнемся с проблемами. Мы будем противостоять трудностям. Но мы выполним задание). Здесь Д. Трамп противопоставляет «вызовы» и «трудности» на пути к достижению целей с «выполнением работы», чтобы подчеркнуть решимость и готовность преодолевать трудности на пути к успеху.

Рассмотрев текстосвязующие элементы в виде словосочетаний, стоит также сказать о парантетических внесениях, которые играют важную роль в синтаксисе текста (речи). Как мы знаем, предложения в реальной речи очень часто «нарушаются» и выпадают из общепринятых грамматических и интонационных норм. Риторика давно подметила данные нарушения и применила их для создания различных стилистических приемов (например, парантез). Экспрессивный синтаксис занимается непосредственно изучением лингвистической основы таких приемов [16].

Итак, сущность парантетических внесений состоит в том, что они входят в состав предложения и нарушают линейные синтаксические связи [11].

Сами по себе парантетические внесения не несут смысла, он обретается лишь в рамках текста. Подобные внесения помогают связать, обобщить информацию в речи.

Что касается строения внесений, то мы смогли выделить в речах политиков следующие внесения и разделить их на определенные категории [17]:

1) однословные внесения:

so (таким образом), *perhaps* (возможно), *moreover* (более того), *first* (сначала), *now* (сейчас), *again* (снова);

2) внесения с предлогами:

at any time (в любое время), *for example* (к примеру), *in my opinion* (по моему мнению), *on each such occasion* (в каждом подобном случае);

3) внесения-предложения:

I believe (я верю), *we said* (мы говорили), *we may suppose* (мы можем предположить), *it seems to me* (мне кажется), *some would further say* (некоторые сказали бы потом).

С точки зрения содержания и экспрессивности внесений мы можем поделить их на следующие категории:

1) отсылки – данные синтаксические конструкции или отдельные слова используются говорящими для того, чтобы дать отсылку на что-

то, о чем шла речь ранее, либо же с тем, чтобы сослаться на какой-либо источник информации. Например:

As you know, many of them are away from their families at this time of year (Как известно, многие из них в это время года находятся вдали от своих семей) [13].

Здесь президент дает отсылку на тот факт, что многие военные находятся в зоне боевых действий и отделены от своих семей.

And then, this Christmas we ask for God's blessings for our family, for our nation (И затем, в это Рождество мы просим у Бога благословения для нашей семьи, для нашей нации) [14].

В данном примере президент Дональд Трамп указывает то, за что мы любим Рождество и почему оно для нас ценно. Президент делает отсылку на моральные ценности и на исторический аспект праздника.

Данная категория парантетических внесений дает возможность заставить слушающих заострить внимание на каком-либо факте;

2) экзemplификация – такая категория, где определенные слова или синтаксические конструкции помогают говорящему ввести примеры, пояснения или уточнения [18]. Например:

From the earliest days of our nations, for instance, Americans have known Christmas as a time for prayer and worship, for gratitude and good will, for peace and renewal (Например, с самых первых дней существования наших наций американцы знали Рождество как время молитвы и поклонения, благодарности и доброй воли, мира и обновления) [13].

В данном случае президент Джо Байден приводит пример того, чем Рождество являлось для людей многие века назад, чтобы сравнить ценность и значимость данного события для нынешнего поколения;

3) категория делиберативности – слова и синтаксические конструкции данной категории помогают говорящим дать свою эмоциональную оценку, выразить сомнение или уверенность в чем-либо [19]. Например:

But I was informed tonight that the weather we have is the best it's been in 25 years. In fact, I said, 'Is it always like this?' (Но мне сообщили сегодня вечером, что погода у нас лучшая за последние 25 лет. На самом деле, я спросил: «Это всегда так?») [14].

Из данного примера следует, что факт того, что погода на Рождество 2017 года была лучшей за 25 лет, сильно удивил экс-президента, поэтому он решил переспросить и удостовериться в данной информации. Выражение *in fact* в данном случае демонстрирует эмоциональную оценку

Дональда Трампа, о которой мы говорили. Рассмотрим еще один пример из речи Джо Байдена:

But as tough as these times have been, if we look a little closer, no doubt, we see bright spots all across the country (Но, какими бы тяжелыми ни были эти времена, если мы присмотримся, то, без сомнения, мы увидим яркие пятна по всей стране) [13].

Контекст данного примера демонстрирует, что в стране за этот год произошли большие негативные изменения: политическая и социальная разобщенность, тяжелые последствия COVID-19, но тем не менее президент подчеркивает, применяя парантетическое выражение делиберативности *no doubt*, что существуют и «светлые пятна» в истории страны за этот год: люди вернулись на работу, дети вновь стали ходить в школы, а не посещать занятия онлайн, страна развивается, а нация снова становится единой (*Americans are building again, innovating again, dreaming again*. – Американцы снова строят, снова изобретают, снова мечтают.) [13].

Обобщая функции парантетических внесений, мы можем сказать, что они характеризуются своеобразной модальностью, так как ключевой функцией является «характеристика сообщаемого с позиции говорящего к сообщаемому» [20–22].

Заключение

Экспрессивность высказывания в политическом дискурсе зависит зачастую от личности политика, его речевого портрета, а также речевой стратегии и тактики. Все это безусловно напрямую связано с выбором языковых средств для построения и организации политической речи. Как правило, с тем, чтобы облегчить понимание своей речи и повысить ее манипулятивную функцию, политик «прерывает» свою речь и осознанно нарушает линейные синтаксические связи, вставляя при этом различные парантетические внесения.

Как показывают приведенные нами примеры, парантетические внесения различаются по своей структуре: слова, словосочетания. Мы также отмечали, что парантетические внесения обладают текстообразующей функцией, так как они содержат информацию, которая либо относит нас к нашим фоновым знаниям, либо их информация связана с общим содержанием текста. Благодаря всем этим функциям, парантетические внесения способствуют увеличению степени полноты информации, расширению языкового запаса говорящего.

Наш анализ показал, что речь Джо Байдена более насыщена синтаксическими средствами экспрессивности и различными приемами

манипулирования, чем речь Дональда Трампа. В процентном соотношении это можно выразить как 65 к 35.

Таким образом, мы рассмотрели функции словосочетаний как предельных синтаксических единиц речи. Важно отметить, что, хотя словосочетание само по себе не является коммуникативной единицей, но экспрессивность словосочетания позволяет создать фундамент для адекватного выражения своей мысли. Далее мы перешли

на другой уровень исследования – копулятивный и поговорили о парантетических внесениях и их функции в политической речи на конкретных примерах. Мы пришли к выводу, что данные слова или синтаксические конструкции помогают компрессировать информацию, достичь емкости высказывания, сохраняя при этом эмоциональный фон. Более того, данные выражения способствуют развитию экспрессии и связности речи политиков.

Список источников

1. Дмитриева М. И., Дубровская В. В. Коммуникативные стратегии манипулирования на примере американской избирательной кампании Д. Трампа и Х. Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 180–184.
2. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 2000. 130 с.
3. Fairclough N. Language and Power. L., N.Y.: Longman Group UK Limited, 1989. 231 с.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. С. 26–42.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Шапочкин Д. В. Когнитивная модель политического дискурса // Актуальные проблемы лингвистики. Уральские лингвистические чтения – 2005: материалы ежегод. науч. конф., Екатеринбург, 1–2 февраля 2005 г. № 18. С. 126–127.
7. Иванова С. В., Конова М. А. Антикризисные манипулятивные стратегии в профессиональных PR-текстах (по материалам официального сайта компании FANNIE MAE) // Политическая лингвистика: вып. 2 / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. С. 165–172.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 23–36.
9. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 143 с.
10. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2014. № 2. С. 145–158.
11. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учеб. пос. для студентов институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 211 с.
12. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1953. № 1. С. 132–156.
13. Remarks by President Biden in Christmas Address to the Nation, Dec. 22, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/22/remarks-by-president-biden-in-christmas-address-to-the-nation/> (дата обращения: 22.01.2023).
14. President Trump at the National tree-lighting ceremony, Nov. 30, 2017. URL: <https://www.lifesitenews.com/news/jesus-birth-changed-the-course-of-human-history-trumps-extraordinary-2017-c/> (дата обращения: 22.01.2023).
15. Никитина К. В. Речевая манипуляция как предмет лингвистического исследования // Вестник Башкирского университета. 2006. № 4. С. 23–46.
16. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 187 с.
17. Демьянков В. З. Нарратив и дискурс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 5–16.
18. Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 250–277. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
19. Красных В. В. Лингвокультура как дискурсообразующий феномен // LA TEUM 2015: Research and Practice in Multidisciplinary Discourse: материалы 12-й Международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ им. М. В. Ломоносова / отв. ред. О. В. Александрова; ред. Е. В. Михайловская, И. Н. Фомина. М.: Университетская книга, 2015. С. 7–15.
20. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Современная политическая лингвистика / ред. Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С. 123–136.
21. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: вып. 20 / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С. 180–189.

22. Гарьковская Т. Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка). URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/garkovskaya-04.htm> (дата обращения: 22.01.2023).

References

1. Dmitriyeva M. I., Dubrovskaya V. V. Kommunikativnyye strategii manipulirovaniya na primere amerikanskoy izbiratel'noy kampanii D. Trampa i Hk. Klinton [Communication Strategies of Manipulation on the Example of the American Election Campaign of D. Trump and H. Clinton]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2020, no. 7, pp. 180–184 (in Russian).
2. Deyk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 2000. 130 p. (in Russian).
3. Fairclough N. *Language and Power*. L., N.Y., Longman Group UK Limited, 1989. 231 p.
4. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2003. Pp. 26–42 (in Russian).
5. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
6. Shapochkin D. V. Kognitivnaya model' politicheskogo diskursa [Cognitive model of political discourse]. Aktual'nyye problemy lingvistiki [Actual problems of linguistics]. *Ural'skiye lingvisticheskiye chteniya – 2005: Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 1–2 fevralya 2005, No. 18* [Current problems of linguistics. Ural linguistic readings – 2005: materials of the annual scientific conference]. Ekaterinburg, 2005. Pp. 126–127 (in Russian).
7. Ivanova S. V., Konova M. A. Antikrizisnyye manipulyativnyye strategii v professional'nykh PR-tekstakh (po materialam ofitsial'nogo sayta kompanii FANNIE MAE) [Anti-crisis manipulative strategies in professional PR texts (based on materials from the official website of the FANNIE MAE company)]. *Politicheskaya lingvistika*: vypusk 2. Glavnyy redaktor A. P. Chudinov [Political linguistics: issue 2. Chief editor A. P. Chudinov]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2010. Pp. 165–172 (in Russian).
8. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa. Dis. dokt. filol. nauk* [Semiotics of political discourse. Diss. doc. philol. sci.]. Volgograd, 2000. Pp. 23–36 (in Russian).
9. Sternin I. A. *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [Introduction to speech influence]. Voronezh, 2001. 143 p. (in Russian).
10. Zaripov R. I. Osobennosti metaforicheskogo manipulyativnogo vozdeystviya v politicheskom diskurse [Features of metaphorical manipulative influence in political discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 145–158 (in Russian).
11. Aleksandrova O. V. *Problemy ekspressivnogo sintaksisa: na materiale angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Problems of expressive syntax: on the material of the English language: a textbook for students of institutes and faculties of foreign languages]. Moscow, URSS Publ., 2009. 211 p. (in Russian).
12. Vinogradov V. V. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [Results of the discussion of questions of style]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1953, no. 1, pp. 132–156 (in Russian).
13. Remarks by President Biden in Christmas Address to the Nation, Dec. 22, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/22/remarks-by-president-biden-in-christmas-address-to-the-nation/> (accessed 22 January 2023).
14. *President Trump at the National tree-lighting ceremony*, Nov. 30, 2017. URL: <https://www.lifesitenews.com/news/jesus-birth-changed-the-course-of-human-history-trumps-extraordinary-2017-c/> (accessed 22 January 2023).
15. Nikitina K. V. Rehevaya manipulyatsiya kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya [Speech manipulation as a subject of linguistic research]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 23–46 (in Russian).
16. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
17. Dem'yankov V. Z. Narrativ i diskurs [Narrative and discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 5–16 (in Russian).
18. Sun' Yu., Kalinin O. I., Ignatenko A. V. Ispol'zovaniye indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdeystviya metafory v tekstakh publichnykh vystupleniy politikov [The use of metaphorical indexes for the analysis of the speech impact of metaphor in the texts of public speeches of politicians]. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 250–277 (in Russian). doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
19. Krasnykh V. V. Lingvokul'tura kak diskursoobrazuyushchiy fenomen [Linguistic culture as a discourse-forming phenomenon]. *LA TEUM 2015: Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Materialy 12 mezhdunarodnoy konferentsii Lingvisticheskoy assotsiatsii prepodavateley angliyskogo yazyka MGU im. M. V. Lomonosova. Otvetstvennyy redaktor O. V. Aleksandrova; redaktory E. V. Mikhaylovskaya, I. N. Fomina* [LA TEUM 2015: Research and Practice in Multidisciplinary Discourse: Materials of the 12th International Conference of Linguistic Association of MGU named after M. V. Lomonosov. Responsible editor O. V. Aleksandrova; editors E. V. Mikhaylovskaya, I. N. Fomina].

materials of the 12th International Conference of the Linguistic Association of Teachers of English at Lomonosov Moscow State University. Executive editor O. V. Alexandrova; editors E. V. Mikhailovskaya, I. N. Fomina]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2015. Pp. 7–15 (in Russian).

20. Vodak R. Vzaimosvyaz' "diskurs – obshchestvo": kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskurs-analizu [Discourse-Society Relationship: A Cognitive Approach to Critical Discourse Analysis]. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika*. Redaktor Budaev E. V., Chudinov A. P. [Modern political linguistics. Eds E. V. Budaev, A. P. Chudinov]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006. Pp. 123–136 (in Russian).
21. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [Creolized text: aspects of study]. *Politicheskaya lingvistika: vypusk 20*. Glavnyy redaktor A. P. Chudinov [Political linguistics: volume 20. Chief editor A. P. Chudinov]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006. Pp. 180–189 (in Russian).
22. Gar'kovskaya T. N. *O kognitivnom potentsiale sushchestvitel'nykh s shirokim znacheniyem i ikh funktsionirovaniy v diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)* [On the cognitive potential of nouns with a broad meaning and their functioning in discourse] (in Russian). URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/garkovskaya-04.htm> (accessed 22 January 2023).

Информация об авторе

Афонина О. И., аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Колмогорова, 1, Москва, Россия, 119991).

Information about the author

Afonina O. I., postgraduate student, Moscow State University (ul. Kolmogorova, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 14.03.2023; accepted for publication 26.09.2023

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.38/42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-39-48>

Диалогизм радиоречи как механизм реализации дискурсивного контроля

Лариса Ивановна Ермоленкина

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
arblar2004@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются способы реализации дискурсивного контроля, действующие в коммуникационном пространстве развлекательного и информационно-аналитического радио. Технологические и социокультурные преобразования медийного дискурса радио указывают на значимость в его организации адресата, активно участвующего в диалогах с ведущим посредством телефонной связи. Одним из основных способов удовлетворения запроса массовой аудитории на индивидуализированный характер присутствия в медийном пространстве становится формирование в институциональном дискурсе радио пространства межличностной коммуникации, в границах которого интерактивные адресаты реализуют социоречевую потребность в диалоге, рекреативной деятельности и самоактуализации. Согласно выдвигаемой в работе гипотезе, одним из механизмов организации диалогического взаимодействия является дискурсивный контроль, осуществляемый как социоречевая медийная практика (дискурсивная практика в терминах социально-психологической теории дискурса), в границах которой говорящим предписываются определенные нормы коммуникативного поведения. Методологические принципы анализа, разработанные в границах дискурсивного подхода отечественными и зарубежными лингвистами, позволяют рассматривать механизмы реализации дискурсивного воздействия – контроля над речевыми действиями коммуникантов. Специфика реализации контроля прослеживается в действии дискурсивных правил и ценностных установок, не осознаваемых коммуникантами, но эксплицитно присутствующих в речи субъектов дискурса – ведущих радиопрограмм и интерактивных адресатов. Способом актуализации дискурсивных правил, закрепленных форматом радиостанции, являются коммуникативные стратегии и тактики, регулирующие коммуникативное поведение субъектов на психоречевом уровне. Процесс психоречевого координирования субъектов дискурса в границах кооперативной коммуникативной стратегии рассматривается в аспекте формирования ценностно-смыслового пространства диалога, для реализации которого большое значение имеет установка на коммуникативный гедонизм – рекреативную деятельность коммуникантов, направляющих диалогическое общение в русло фатического взаимодействия. В заключении делаются выводы о том, что диалог в пространстве медийной коммуникации является дискурсивно программируемым действием, основным механизмом его актуализирования становится развлекательно-игровая установка – аксиологическая доминанта радиодискурса, имеющая значение для организации контента как развлекательного, так и информационно-аналитического радио.

Ключевые слова: *дискурс радио, интерактивная коммуникация, диалогичность, коммуникативный гедонизм, дискурсивный контроль*

Для цитирования: Ермоленкина Л. И. Диалогизм радиоречи как механизм реализации дискурсивного контроля // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 39–48. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-39-48>

THEORETICAL LINGUISTICS

Dialogue of Radio Speech as the mechanism of the realization of discursive monitoring

Larisa I. Yermolenkina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
arblar2004@rambler.ru

Abstract

Tendency to increase the role of the mass media addressee determines the importance of communication component in the structure and methods of organization of content. The paper considers ways to implement discursive monitoring in the process of telephone interaction between subjects of radio communication (leading musical entertainment and information and analytical programs and radio listeners). One of the main ways to satisfy the demand of the mass audience for the individualized presence in the media space is the formation of interpersonal discourses in the institutional discourse of the radio. This interpersonal discourses are virtual environments in which speakers (addressees) identify themselves with participants in socio-communicative practices and realize the socio-speech need for dialogue, recreational activities and self-actualization. Based on research in the field of mass media radio communication, discourse analysis and sociolinguistics, the author examines the ways of implementing discursive monitoring, which manifest themselves at the micro level (in repetitions, lexical echoes, replicas-requests, etc.). All this characterizes the moments of semantic and communicative intersections in the process of dialogue. The nature of the subject of the analyzed programs indicates the significant role of interactive dialogues with the addressee in the radio content. This suggests that for the organization of discourse, communicative mechanisms are needed to control the speech actions of the addressees who enter into a dialogue with the moderators. The specifics of the implementation of control can be traced in the realization of discursive rules and values that are unconscious by the communicants, but explicitly pointing to the effectiveness of control from the discourse. The situational-game model of interaction is characterized by attitudes towards a cooperative dialogue and parity of the positions of the communicants. Thus, the "power of discourse" manifests itself in two parallel plans for the development of the dialogic scenario. Communication from the position of the audience unfolds in the logic of mutually directed interaction, marked by lexical roll calls, repeated questions, etc. The visible dialogic effect within the boundaries of discursive regulations can be seen as the result of the efforts of the author constructing the dialogue based on the presumption of a mass audience, its interests and expectations. Ways of coordinating the communicative plans of authors and addressees (strategies, tactics) are considered in the aspect of the formation of the value-semantic space of communication, for the implementation of which the orientation towards communicative hedonism is of great importance. This is the speech activity of communicants, which has a recreational character. As a result of such game interaction, communicants enjoy actualization in the media space. The author concludes that communicative hedonism is the axiological dominant of the radio discourse, which is important for the implementation of both entertainment and information-analytical radio. Analysis of radio dialogues suggests that communicative hedonism is the basic mechanism for implementing discursive control.

Keywords: *discourse of radio, interactive communication, dialogue, communicative hedonism, discursive monitoring*

For citation: Yermolenkina L. I. Dialogizm radiorechi kak mekhanizm realizatsii diskursivnogo kontrolya [Dialogue of radio speech as the mechanism of the realization of discursive monitoring]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 39–48 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-39-48>

Введение

Результаты стремительных трансформаций современных медиа указывают на новизну технологических и социокультурных параметров оценки и научной интерпретации медийного продукта. В статусе конвергентного источника информации, расширившего свои возможности технологиями телефонии, интернета, социальных сетей, радио демонстрирует особый характер вовлеченности адресата в свое дискурсивное пространство – ценностную систему, обуславливающую выбор участниками коммуникативного и

языкового репертуара, способов ролевой и социокультурной идентификации. Современный медийный дискурс функционирует в результате действия когнитивных и коммуникативных механизмов аксиологической «разметки», формирующей целостную картину мира, ее определенные фрагменты, связанные с представлением о повестке дня, актуальности освещаемого факта, способах когнитивной обработки и языковой подачи информации [2–5].

При анализе радиийной речи важно исходить из факта возрастания адресного начала в эфир-

ном контенте: усиление интерактивности предопределяет значительную степень свободы адресата, который становится активным участником эфира в роли абонента, вступающего в диалог с ведущим посредством телефонии или интернета. В то же время анализ радиодialogов [6–10] указывает на действенность механизмов дискурсивного контроля – когнитивно-коммуникативных способов организации взаимодействия, формирующих дискурсивные идентичности участников эфира через выбор определенного речевого репертуара. В этом аспекте дискурсивная практика медиа осуществляется в системе определенных ограничений – наборов интерпретаций, характеризующих языковые, стилистические и коммуникативные структуры формата – вещательной концепции канала, продуцирующего развлекательный или информационный контент согласно ценностным корпоративным установкам.

Материал и методы

Анализ радиодialogов разговорно-развлекательного и информационно-аналитического радио демонстрирует общность механизмов дискурсивного контроля, актуализируемого на микроуровне речевой ткани говорящих – в лексических повторях, смысловых переключках, репликах-переспросах. Опора на исследовательские достижения в области дискурс-анализа [1–3], коммуникативной прагматики [11–13] и социолингвистики [14] позволила выявить зависимость механизмов осуществления контроля от актуализации дискурсивной целеустановки, которая в своем обобщающем качестве может быть описана через понятие *коммуникативного гедонизма*, под которым можно понимать способы организации коммуникативного взаимодействия, определяющие его рекреативный эффект: настроенность коммуникантов на общность эмоционального плана речи, удовольствие от фатического взаимодействия – ситуативно мотивированной, личностно ориентированной и эмоционально насыщенной коммуникации, позволяющей говорящему выразить себя личностно, установить контакт на эмоциональной основе, когда содержательный результат общения нивелируется психологическим [12, с. 137–145]. С целью выявления дискурсивных механизмов организации диалога в работе анализируются аудиозаписи звучащей речи музыкально-разговорных каналов «Наше радио», «Хит FM» и информационно-аналитического «Вести FM» общим объемом 4,5 часа.

Результаты и обсуждение

Структурный и содержательные аспекты организации радиодialogов разговорно-развлекательных радиопередач характеризуются рекреативными установками развлекательных жанров, обеспечивающими игровой эффект коммуникации. Институциональный «регламент» радиальных диалогов предполагает приобщение интерактивных адресатов к радио как психоэмоциональному пространству, реализующему функцию социализации – вхождения в круг «своих», настроенных на игровую волну, разделяющих общие ценности в границах определенной субкультуры. Ключевая характеристика личности, ориентированной на медийно опосредованную коммуникацию, проявляется в установке на самоактуализацию – в стремлении заявить о себе, о своем убеждении, мнении, оценке в пространстве публичной коммуникации [14, 15]. В дискурсе развлекательного радио данная установка используется «в интересах» агентов, фокусирующих внимание аудитории на деталях, значимых для создания фатического русла беседы, направляемой к достижению желаемого результата – удовольствия, получаемого от коммуникации. Таким образом, персонализированный характер общения может быть рассмотрен с точки зрения механизмов управления коммуникацией, предполагающей в качестве результата достижение коммуникативной успешности. Медийно организованная коммуникация предполагает особое измерение данного эффекта, отличное от показателей взаимонаправленного общения в условиях формирования взаимной коммуникативной позиции с использованием кооперативной стратегии [13]. Успешность медийного диалога обеспечивается механизмами институционального контроля, когда действиями интерактивных адресатов предписывается определенный регламент: выражать эмоции и реакции, соответствующие интенциям ведущего и ценностным установкам формата. В данном случае диалог разворачивается как «мотивированная и целеобусловленная деятельность, осуществляемая в контексте социально значимых ситуаций» [16, с. 144].

Радиоречь, реализующая принципы интерактивного взаимодействия в границах медиадискурса радио, может быть проинтерпретирована через понятие «диалогизация» – направленных действий коммуникантов, демонстрирующих вовлеченность адресатов в дискурсивное пространство. В отличие от онтологического устройства диалога как способа общения, настроенного на пересечение ценностно-смысловых позиций говорящих [17], взаимодействие, реализующее принципы диалогизма, носит инструментальный характер, осуществляется в системе ролевых отношений, предполагает ситуативный характер ценностей, соответствует дискурсивной модели коммуникации.

Диалог в дискурсе развлекательного радио осуществляется как неформализованное (ролевое) взаимодействие, предполагающее игровой характер приобщения к ценностной модели дискурса, закрепленной в коммуникативном поведении ведущего, ориентированного на согласованное взаимодействие, проявляемое в общей, кооперативной позиции говорящих, что на формальном уровне беседы маркируется показателями обратной связи с абонентом: лексическими и ассоциативными переключками, репликами-переспросами, повторами и уточнениями. В результате действия подобных установок коммуникация подчиняется принципам диалогизма, проявляемым в сознательных усилиях коммуникантов, формирующих общее социопсихологическое пространство взаимодействия. Влияние дискурсивных регламентаций проявляется в ориентированности субъектов дискурса на типовые для него модели взаимодействия, учитывающие языковые, стилистические, коммуникативные ограничения.

Для организации диалога в эфире развлекательного радио важна строгость композиции, состоящей из пяти-восьми реплик, предполагающей членение высказываний говорящих на уровне речевых актов приветствия, представления абонента, сообщения о поводе его обращения в эфир, прощания. Установка на игровой характер диалога предполагает, с одной стороны, непродолжительность его протекания, а с другой – усиление эмоционального звучания (экспрессивность, ирония, разговорная лексика). Ситуативный характер диалога (мотив обращения в эфир заключается в том, чтобы передать через ведущего привет, поучаствовать в конкурсе, розыгрыше и т. п.) определяет систему коммуникативных сигналов: эмоционально-оценочная фокусировка на определенном сегменте речи, проявляемая, например, в ироническом обыгрывании высказывания собеседника, вопросах на отвлеченные темы, значимые с точки зрения эмоциональной актуализации.

Ценностный аспект межличностного взаимодействия актуализируется в координации коммуникативных действий. С точки зрения организации диалога также важна субординация субъектов дискурса – ролевое доминирование диджея/ведущего, речевые действия которого регламентированы правилами поведения в дискурсе, предполагают осуществление контроля над коммуникацией и дискурсивным поведением адресата – теми действиями, которые должны быть синхронизированы с ценностной системой дискурса. К наиболее распространенным приемам реализации дискурсивного контроля относятся:

1) указание на институциональную позицию обращения – причину обращения в эфир; 2) захват инициативы (указание на необходимость назвать имя, географическое место, откуда звонит адресат и т. п.); 3) обозначение правил, дискурсивных границ, требующих соблюдения определенных стандартов (лаконичность речи, необходимость представиться, указание цели звонка); 4) выражение мнений, советов, оценок, пожеланий – действий, косвенно указывающих на дискурсивные правила и определенность дискурсивной позиции ведущего.

Актуализация в речи ведущего данных приемов указывает на возможные способы развития диалога. Общение строится с опорой на стратегию согласованного общения, ориентированную на достижение коммуникативной успешности. Для реализации данной цели ведущий моделирует определенный ценностный план коммуникации – картину мира, значимым фрагментом которой становится представление о легкости и непринужденности диалога, его игровом характере.

Как правило, поводом для начала разговора в развлекательных интерактивных жанрах становятся не рутинные просьбы адресатов поздравить кого-либо, передать привет или поставить музыкальную композицию, а высказывания, каким-либо образом привлекающие внимание. Ведущий делает ставку на необычный коммуникативный ход, открывающий перспективу игрового взаимодействия: если адресат обратился в эфир в праздничный или выходной день, находясь на рабочем месте, или, к примеру, зимой из южных широт, в ночь перед экзаменом и т. п., то способ представления адресата и характер ведения диалога актуализируют значительный потенциал игрового взаимодействия и соответствующих способов его структурирования. Согласно данной установке ведущим используются эмоционально насыщенные и запоминающиеся коммуникативные ходы (*Ну, это как надо встречать Новый год, чтобы... Это где же надо жить, чтобы не приехать... Кем же надо работать, чтобы в законный выходной оказаться...*).

В качестве эффективного способа инициирования диалога ведущий прибегает к репликам, открывающим тему личных отношений (*А есть ли у вас парень/девушка? Давайте передадим привет/пожелаем...*) и тему времяпрепровождения (*Как прошел отпуск/выходные? Как отметили праздник/где побывали?*).

Регламентированный характер дискурсивного взаимодействия заметно актуализируется в ситуации, когда абонент не демонстрирует готовности к фатическому общению, в этом случае ве-

душий переключается на обыгрывание какой-либо детали, поскольку для продолжения беседы в границах формата радиостанции важно найти коммуникативно-смысловую перспективу развития диалога:

– Что за печальный тон? Не слышу радости и оптимизма в вашем голосе! Я настоятельно советую... Нет / даже требую / чтоб вы посетили концерт этого великого артиста / даже если вы не являетесь ценителем творчества БГ! Ирина / поверьте мне / вы не пожалеете / если посетите этот / не побоюсь этого слова / грандиозный концерт! Вам будет интересно посмотреть на БГ просто как на творческого человека / к тому же / что еще делать тринадцатого марта / в семь часов вечера? Только сходить куда-нибудь / себя любимую показать («Наше радио», 13.03.2020).

Можно заметить, что в ситуации несовпадения эмоциональных реакций абонента с дискурсивными установками программы ведущий транслирует не только необходимый эмоциональный настрой, проявляемый в вербальных оценочных реакциях (грандиозный концерт, вы не пожалеете, великий артист), но и устанавливает сценарий определенного поведения абонента (Я вам очень настоятельно советую... Нет, я требую, чтоб вы отправились на концерт). Актуализированная в речи говорящего установка на бодрый и оптимистичный настрой свидетельствует о синхронизации его речевых действий с дискурсивным регламентом: обеспечить эмоциональность восприятия разговорного контента передачи массовой аудиторией.

Роль абонента в построении диалогического взаимодействия заключается не только в его стандартных для дискурса инициативах (просьбах/заявках/обращениях), но и в сообщении беседе определенного эмоционального настроя, который вариативно интерпретируется ведущим. В случае если в обращении абонента не содержится необходимого для развития беседы эмоционального стимула, ведущий фокусирует внимание на вербальных или просодических компонентах речи, привлекающих внимание:

– День добрый! Как вас звать? Представьтесь!

– Евгения!

– О-о-очень мне радостно слышать столь приятный голосок в столь ранний час! Но сейчас не об этом... Надо нам настроиться на победно-игровую волну / чтобы взять так / и выиграть все наши призы / но для этого надо хотя бы для начала знать / вот вы / Женечка / наверняка их знаете?

– Э... Нет, не знаю!

– Ну / у меня просто слов нет сейчас! Ну тогда будем учиться / так просто / без подарков я вас не отпущу! («Хит FM», программа «Утренний обход», 21.12.2020).

Формирование эмоционально-оценочного плана общения заметно в фокусировке ведущего на контрастных пропозициях (столь ранний час и такой приятный голос), которые выделяются им в общем нейтральном контексте реплик адресата, нейтрализуют рутинный характер диалога и развертывают его в нужном направлении. Актуализируя доминантную роль в строении диалога, ведущий предлагает определенную программу дискурсивных действий, необходимых для достижения основной цели общения – настроиться на победно-игровую волну. На программный характер диалога указывают вербальные сигналы: грамматические конструкции с объединяющей семантикой (будем учиться, нам надо настроиться), вопросительные конструкции (вот вы наверняка их знаете?), предложения с перформативной семантикой (без подарков не отпущу).

В следующем примере можно наблюдать, как интерактивный диалог в границах ситуативной игровой модели развертывается согласно сценарию фатического взаимодействия, предписывающему обмен шутливыми репликами, легкость малосодержательной беседы, оптимизм и приподнятый настрой:

– Привет-привет, братцы мои / Как живете / чем можете?

– Да так / потихоньку / вроде нормально...

– Вроде!.. Нормально!.. (передразнивая) Да что значит нормально / когда на улице теплота, весна, март? У всех должно быть просто супер / вау / зашибись... / В смысле весенний разрыв мозга!

– Можно просьбу для весеннего настроения?

(«Хит FM», программа «Утренний обход», 26.05.2014).

В разговоре с абонентом ведущий демонстрирует установку на диалог в границах обыденной коммуникации, эксплицируемой программными вопросами ведущего (Как дела?.. Чем можете?..). Кроме того, шутливо-игровой тон ведущего, непринужденная манера ведения диалога указывают на фатический план общения, его развлекательный характер. Дискурсивные условия ведения фатического диалога предполагают яркий эмоциональный акцент, привлекающий внимание. В этом случае доминантная позиция ведущего и дискурсивно регламентированный характер его действий выражаются в том, что практически любое высказывание абонента будет проинтерпретировано с точки зрения необходимых

для функционирования дискурса модальных смыслов. Так, эмоционально-оценочная перспектива рассматриваемого диалога актуализируется в дискурсивных формулах – словах/фразах, маркирующих ценностную систему дискурса [18], в данном случае форматную концепцию разговорно-развлекательной передачи. Стандартными с точки зрения дискурсивной реализации диалога становятся выражения *вау*, *зашибись*, *веселый разрыв мозга* и т. п.

Специфика коммуникативной организации диалога в границах развлекательного дискурса радио проявляется в том, что необходимое для взаимонаправленной коммуникации координирование ценностно-смысловых позиций говорящих является своеобразной дискурсивной презумпцией и осуществляется даже в том случае, когда ведущий эксплицитно проявляет себя в роли «дирижера» коммуникации, жестко определяя ход ее развития.

– *Здравствуйте / Александр / Мы вас приветствуем и просим ответить вот на такой каверзный вопросик / А что вы / собственно говоря / можете нам предложить в качестве подарка?*

– *Я могу вам подарить свою старую тетрадку / которую я уже когда-то использовал / в студенчестве / для любимых лекций!*

– *А как вы ее использовали / если не секрет?*

– *По назначению!*

– *А по какому такому назначению?*

– *По хорошему!*

– *Ну ладно / не будем смущать парня / и с радостью принимаем у него использованные / по хорошему назначению / лекции для своих / так сказать / нужд! («Хит FM», программа «Утренний обход», 30.05.2014)*

Реплики ведущего актуализируют необходимые эмоциональные реакции абонента, дискурсивная позиция которого определяется коммуникативно-когнитивными механизмами контроля. Реагируя на заданный дискурсом (ведущим) эмоциональный тон беседы, адресат подхватывает и развивает ироничный тон, придавая ему новые смысловые акценты. В данном случае замечен значительный дискурсивный вклад адресата в формирование диалогического взаимодействия: он органично дополняет реплики ведущего, соответствуя его фатически-игровой интенции. Можно говорить о том, что оба коммуниканта настроены на развитие беседы: абонент проявляет высокую степень инициативности, а ведущий органично, в русле фатической направленности беседы, формирует ее иронический контур.

Основным способом конструирования диалога в границах ситуативной модели становится формирование общей, кооперативной позиции, что на языковом уровне реализации находит свое

выражение в повторах, переспросах, уточнениях, лексических переключках – ментально-языковом ресурсе, свидетельствующем об определенном намерении коммуникантов видеть за границами диалога эмоционально-психологическую реальность, социально-дискурсивное пространство. Принцип кооперативного сотрудничества, заложенный в основу формирования диалога в любом дискурсивном пространстве, существенно уточняется в его медийной реализации. Диалог формируется на пересечении коммуникативно-дискурсивных интенций субъектов коммуникации: в случае с ведущим эта цель определяется профессиональными нормами дискурсивного функционирования, основная из которых – привлечение внимания адресата, обеспечение разговорно-развлекательного контента в границах формата. Актуализирование адресата в этом пространстве определяется его личностно-социальными установками (приобщение к эфиру как к институциональному и развлекательно-игровому пространству). В этом случае можно констатировать основной принцип развития диалогической коммуникации ведущего и абонента, он формируется на пересечении паритетной и диспаратетной позиций говорящих. Несмотря на вовлеченность адресата в коммуникацию, его инициативность в ней определяется жесткими дискурсивными нормами, исходящими из установок массовой аудитории на удовлетворение потребности в развлечении и коммуникативной рекреации. Дискурсивный механизм развертывания диалога обусловлен дискурсивными ролями субъектов дискурса: если для ведущего эта роль определяется доминантной позицией в диалоге, то для абонента активная позиция коммуниканта – инициатора общения детерминирована условиями дискурса, сообщающими его действиям программируемый характер. В данном случае «власть дискурса» проявляется в установлении двух параллельных планов развития диалогического сценария. Согласно предъявляемому аудитории, коммуникация разворачивается в логике взаимонаправленного общения, маркирована показателями обратной связи. В границах дискурсивных регламентаций видимый диалогический эффект можно рассматривать как результат усилий автора, конструирующего диалог, исходя из презумпции массовой аудитории, ее интересов и ожиданий.

Ценностный характер диалогической модели взаимодействия определяется динамикой личностного самовыражения и дискурсивного автоматизма, выражаемого в установках на гедонистический план общения, фатическую развлекательную коммуникацию.

Когнитивно-коммуникативные механизмы дискурсивного управления вниманием аудитории и действиями коммуникантов характеризуют также модели взаимодействия информационно-аналитического радио. Для формирования диалогического пространства коммуникации в границах интерпретационных моделей значимыми оказываются информационно-познавательная направленность диалога, корреляция ценностных систем коммуникантов, актуализирующих в том числе конфликтный потенциал дискуссии. Анализ материала позволяет говорить об актуальности для интерпретационной модели общения эмоционально-фатического компонента, выражаемого в коммуникативных тактиках провоцирования дискурсивно необходимой реакции – защиты своей позиции, опровержения оппонента средствами эмоциональной аргументации.

В рассматриваемом примере достаточно классическая для журналистского освещения тема женской эмансипированности, казалось бы, предполагает определенную степень предсказуемости беседы, но, избегая возможный рутинный характер обсуждения, ведущий использует тактику провоцирования эмоциональной реакции:

Ганапольский: *Может быть / Господом заложено / чтобы вы с утюгом?*

Мизулина: *Господом заложено / и мы не отказываемся от того / что в нас заложено Господом. Но / кроме того / мы же живем в обществе / и есть какие-то социальные факторы / И вот здесь уже я никогда не соглашусь / что мы глупее / менее способны / хуже можем организовывать производство или общественную жизнь / хуже заниматься партстроительством / чем мужчина. И заметьте / в отличие от Жириновского / мы никогда не выступаем против мужчин / мы говорим / что хотим делить ответственность вместе с ними / что мы / так же как они / заинтересованы в том / чтобы Россия была великой / успешной и т. д. / Но если мы хотим за нее отвечать / дайте нам немножко прав / чтобы мы могли реализовывать эту ответственность / Мы никогда не ставим вопрос / чтобы отодвинуть мужчин. <...>*

Мизулина: *Вы были бы правы / если бы в проституцию и предоставление секс-услуг все наши девушки шли добровольно / Все данные показывают / что они / как правило / становятся жертвами вербовщиков и мошенников / и их 80–90 процентов / а это / извините / уже проблема политики / а не только социальных условий жизни / И здесь я с вами не соглашусь» («Радио Вести», 03.09.2017).*

Действия ведущего направлены на провоцирование определенных ответных реакций собе-

седника, который вынужден реагировать в границах установленных оценочно-смысловых рамок: критиковать и оппонировать. Логика развертывания диалога подчиняется дискурсивным установкам на полемически заостренное общение, демонстрацию субъективных оценок и экспрессивно-фатических способов их выражения, когда коммуниканты приходят к формированию общей позиции через взаимное отрицание выдвигаемых тезисов. В контексте обыденной беседы подобная стратегия указывала бы на эгоцентрический характер коммуникации, заинтересованность собеседников в утверждении исключительно своей позиции. В дискурсивной практике медийной коммуникации общение собеседников подчинено формированию общей позиции, согласованной не в ценностно-смысловой перспективе, а с точки зрения эмоциональной насыщенности, яркости, запоминаемости для массовой аудитории. В этом случае факт коммуникативной успешности определяется достижением в процессе конфликтного в своей сути взаимодействия рекреативного результата:

Ганапольский: *Может быть / я скажу ужасную вещь / но тут я с вами абсолютно не согласен / Проституция была и будет / понятно / что мужчины хотят обнять молодую девушку / это два / это заложено в них / И я вам отпасовываю историю / улучшайте / законодатели / власть в стране / чтобы у этих несчастных девушек была альтернатива / тогда будет меньше проституции / И пусть скажут / что я не прав («Радио Вести», 03.09.2017).*

Конфликтное диалогическое взаимодействие эксплицирует динамику эмоционально-оценочных суждений, что привлекает внимание аудитории не столько к содержательной стороне разговора, сколько к самому процессу взаимодействия.

Заключение

Обобщая, отметим, что для современного радиовещания развлекательного и информационно-аналитического формата актуальны общие коммуникативно-когнитивные способы активации внимания, которые проявляются в диалогической речевой ткани говорящих, настроенных в процессе общения на его рекреативный характер, на достижение гедонистического эффекта как результата диалога, значимого не только для самих говорящих, но и для массовой аудитории.

Ситуативно-игровая модель демонстрирует жесткий характер дискурсивных регламентаций, актуализируемых в доминантной позиции ведущего, ориентирующегося на систему ценностных установок дискурса (развлекательно-игровой характер эфира, непринужденность общения,

медийная социализация, внимание массовой аудитории). Активная позиция абонента является в этом случае проекцией коммуникативно-речевых действий ведущего, формирующего общую, кооперативную позицию, значимую в дискурсе с точки зрения эмоционально-развлекательного потенциала.

Интерпретационная модель диалогического взаимодействия демонстрирует двойную направленность дискурсивных действий говорящих: ориентированность на управление партнером и управляемость дискурсом. В этом случае диалогическая коммуникация разворачивается на основе взаимообмена не столько информацией, сколько связанными с нею мнениями и ценностными позициями. Содержательная структура диалога выстраивается на основе базовой дискурсивной доминанты, объединяющей разные

варианты его ведения в перспективе конфликтности, полемического характера обсуждения, иронии и интеллектуализма. Актуализация конфликтной установки предполагает значительный элемент развлекательности, указывающий на дискурсивную значимость коммуникативного гедонизма. В результате диалогического взаимодействия формируется общая ценностная позиция – коммуниканты, разделяя установки дискурса, используют средства оценочной интерпретации: сниженную лексику, дискредитирующие оценки, метафорические образы. Диалог, направленный на обсуждение социальной проблематики, не предполагает взвешенной позиции и выработки какого-либо решения, он важен в силу демонстрации конфликтности, возможности дать адресатам эмоционально-оценочную основу для вхождения в дискурс.

Список источников

1. Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
3. Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиатекстов. Исследования медиа и культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 264 с.
4. Костяшина Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 233 с.
5. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / под ред. З. И. Резановой. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15–96.
6. Матвеева А. В. Радиодискурс как вид институционального медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 15 (370). Филология. Искусствоведение. Вып. 96. С. 58–63.
7. Болотнов А. В. О некоторых особенностях современной информационно-медийной личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 2 (143). С. 52–55.
8. Ермоленкина Л. И. Дискурсивная картина мира современного радио: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2022. С. 422.
9. Набокова М. Интерактивность на радио // Рекламные технологии. Радиотехнологии. Массмедиа. Бишкек, 2007. URL: <http://zonekg.narod.ru/radio/interaktiv.htm> (дата обращения: 23.12.2016).
10. Нестерова Н. Г. О новом подходе к исследованию радиотекста // Язык в координатах массмедиа: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Варна, Болгария, 6–9 сентября 2016 г. / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. Вып. 5: Медиалингвистика. С. 46–47.
11. Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001. 142 p.
12. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–28.
13. Clark H. On Stochastic Grammar // Language. 2005. Vol. 81. P. 23–56.
14. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 216 с.
15. Булатова Т. А. Трансакционные издержки межсубъектных отношений в онлайн- и офлайн-средах: сравнительный анализ // Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения: сб. материалов исследования. Томск, 2016. С. 45–53.
16. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984. 268 с.

17. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 249–299.
18. Тубалова И. В. Стиль личностно ориентированных дискурсов как сфера проникновения инодискурсивных стилевых влияний // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 5 (37). С. 108–123.

References

1. Fillips L., Yorgensen M. V. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis: theory and method]. Kharkov, Gumanitarniy tsentr Publ., 2004. 336 p. (in Russian).
2. Van Deyk T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazike i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow, Librokom Publ., 2013. 344 p. (in Russian).
3. Matison D. *Mediadiskurs. Analiz media-tekstov. Issledovaniya media i kul'tury* [Media discourse. Analysis of media texts. Media and Culture Studies]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 264 p. (in Russian).
4. Kostyashina Ye. A. *Diskursivnoye vzaimodeystviye v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala*. Dis. kand. filol. nauk [Discursive interaction in textual space of scientific popular medicine magazine. Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2009. 233 p. (in Russian).
5. Rezanova Z. I., Yermolenkina L. I., Kostyashina Ye. A. et al. *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian worlds: modern discourse of media]. Ed. Z. I. Rezanova. Tomsk, ID SK-S Publ., 2011. Pp. 15–96 (in Russian).
6. Matveyeva A. V. Radiodiskurs kak vid institutsional'nogo mediadiskursa [Radiodiscourse as a Type of Institutional Mediadiscourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 15 (370). Philology. Arts, Issue 96, pp. 58–63 (in Russian).
7. Bolotnov A. V. *O nekotorykh osobennostyakh sovremennoy informatsionno-mediyonoy lichnosti* [About some features of modern information and communication person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, vol. 2 (143), pp. 52–55 (in Russian).
8. Yermolenkina L. I. *Diskursivnaya kartina mira sovremennogo radio. Dis. dokt. filol. nauk* [Discursive worldview of modern radio. Diss. doc. philol. sci.]. Tomsk, 2022. 422 p. (in Russian).
9. Nabokova M. Interaktsiya na radio [Interaction on the radio]. *Reklamnyye tekhnologii. Radiotekhnologii. Massmedia* [Advertising technologies. Technologies of radio. Mass-media]. Bishkek, 2007 (in Russian). URL: <http://zonekg.narod.ru/radio/interaktiv.htm> (accessed 23 December 2016).
10. Nesterova N. G. O novom podkhode k issledovaniyu radioteksta [About a new approach to research of radio text]. *Yazyk v koordinatakh massmedia: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Varna, Bolgariya, 6–9 sentyabrya 2016 g. Otvetstvennyy redaktor V. V. Vasil'yeva. Vyp. 5: Medialingvistika* [Language in coordinates of mass media: materials of the I International Scientific and Practical Conference Varna, Bulgaria, September 6–9, 2016. Executive editor V. V. Vasilyeva. Vol. 5: Media linguistic]. Saint Petersburg, SPGU Publ., 2016. Pp. 46–47 (in Russian).
11. Kress G., van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London, Arnold Publ., 2001. 142 p.
12. Vinokur T. G. Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryachshego i slushayuchshego [Information and phatic speech as detection of different communicative intentions of the speaker and listening]. *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian in this functional. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Pp. 5–28 (in Russian).
13. Clark H. On Stochastic Grammar. *Language*, 2005, vol. 81, pp. 23–56.
14. Gofman I. *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Presenting yourself to others in everyday life]. Moscow, Kanon-Press-Ts., Kuchkovo pole Publ., 2000. 216 p. (in Russian).
15. Bulatova T. A. Transaktsionnyye izderzhki mezhsob'yektivnykh otnosheniy v onlayn- i offlayn-sredakh: sravnitel'nyy analiz [Transaction costs of intersubject relations in online and offline environments: comparative analysis]. *Sotsial'nyye seti kak ploshchadka organizatsii mezhluchnostnykh kommunikatsiy i perfomansa identichnosti tsifrovogo pokoleniya* [Social networks as a platform for organizing interpersonal communications and performance of the identity of the digital generation]. Tomsk, 2016. Pp. 45–53 (in Russian).
16. Dridze T. M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii* [Text activity in the structure of social communication: Problems of semiosocial psychology]. Moscow, 1984. 268 p. (in Russian).
17. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech genres]. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [The Author and the Hero: to the Philosophical Foundation of the Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Press Publ., 2000. Pp. 249–299 (in Russian).

18. Tubalova I. V. Stil' lichnostno-oriyentirovannykh diskursov kak sfera proniknoveniya inodiskursivnykh vliyaniy [The Style of Personality-oriented Discourses as a Sphere of Stilistic influence of other discourses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 5 (37), pp. 108–123 (in Russian).

Информация об авторе

Ермоленкина Л. И., доктор филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Yermolenkina L. I., Doctor of Philological Sciences, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 23.06.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 23.06.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-49-57>

Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания

Юлия Антоновна Эмер¹, Светлана Анатольевна Андриевская²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *emerjulia1@gmail.com*

² *sveta-andri@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена описанию академического военно-образовательного дискурса как речевой деятельности, направленной на обучение офицеров высшего командного состава. Академический военно-образовательный дискурс в силу когнитивного и коммуникативного фокуса исследования анализируется авторами с опорой на модель описания институционального дискурса, разработанной В. И. Карасиком. В качестве материалов исследования послужили методические разработки, конспекты занятий Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ (ВАГШ ВС РФ) из личных архивов авторов. В основной части статьи значительное внимание уделяется выявлению специфических черт академического военно-образовательного дискурса, целью которого является приобретение офицерами новых знаний в области оперативного и стратегического уровней, а также подготовка офицерских кадров Вооруженных сил высшей военной квалификации, специалистов в области обороны и безопасности страны в аспекте управленческих практик. Научная новизна работы заключается в том, что впервые проанализирован академический военно-образовательный дискурс, описаны его основные дискурсообразующие характеристики. В основе выделения академического военно-образовательного дискурса в рамках военно-образовательного дискурса лежит классификация военного образования, принятая в России: начальное, среднее, высшее. Именно специфичность процесса обучения, протекающего на разных уровнях образования, вызвала необходимость выделения академического военно-образовательного дискурса в отдельный вариант военно-образовательного дискурса. В результате анализа авторами статьи выявлены цель, стратегии, участники дискурса, описаны хронология, ценности и жанровая организация академического военно-образовательного дискурса. Поскольку академический военно-образовательный дискурс, как и другие виды военно-образовательного дискурса, представляет собой полисемиотическое образование, авторами вводится в модель описания академического военно-образовательного дискурса параметр «код коммуникации», который подчеркивает существенную роль невербального кода коммуникации для установления успешной коммуникативной ясности между ее участниками. В работе согласно представленной модели охарактеризованы особенности академического военно-образовательного дискурса, коммуникативное поведение его участников, а также ключевые коммуникативные стратегии и его жанровая организация. Результаты исследования будут интересны специалистам, работающим в области дискурс-анализа.

Ключевые слова: *военный дискурс, военно-образовательный дискурс, модель В. И. Карасика, институциональный дискурс, коммуникация, военное образование*

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Эмер Ю. А., Андриевская С. А. Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-49-57>

Academic military-educational discourse: towards a description model

Yuliya A. Emer¹, Svetlana A. Andrievskaya²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *emerjulia1@gmail.com*

² *sveta-andri@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the description of the academic military-educational discourse as a speech activity aimed at training officers of the highest command. The academic military-educational discourse, due to the cognitive and communicative focus of the research, is analyzed by the authors based on the model of describing institutional

discourse developed by V. I. Karasik. The materials of the study were methodological developments, summaries of classes of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation) from the personal archives of the authors. In the main part of the article, considerable attention is paid to identifying specific features of the academic military-educational discourse, the purpose of which is to acquire new knowledge by officers in the field of operational and strategic levels, as well as training officers of the armed forces of the highest military qualification, specialists in the field of defense and security of the country in the aspect of management practices. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the academic military-educational discourse is analyzed, its main discourse-forming characteristics are described. The basis of the allocation of academic military educational discourse within the framework of military educational discourse is the classification of military education adopted in Russia: primary, secondary, higher. It is the specificity of the learning process taking place at different levels of education that has caused the need to separate the academic military-educational discourse into a separate version of the military-educational discourse. As a result of the analysis, the authors of the article identified the purpose, strategies, participants of the discourse, described the chronotope, values and genre organization of the academic military educational discourse. Since academic military-educational discourse, like other types of military-educational discourse, is a polysemiotic education, the authors introduce the parameter "communication code" into the model of describing academic military-educational discourse, which emphasizes the essential role of nonverbal communication code for establishing successful communicative clarity between its participants. In the work, according to the presented model, the features of the academic military-educational discourse, the communicative behavior of its participants, as well as key communicative strategies and its genre organization are characterized. The results of the study will be of interest to specialists working in the field of discourse analysis.

Keywords: *military discourse, military educational discourse, V. I. Karasik model, institutional discourse, communication, military education*

Acknowledgments: The study was carried out with the support of the TSU Development Program ("Priority-2030").

For citation: Emer Yu. A., Andrievskaya S. A. Akademicheskii voyenno-obrazovatel'nyy diskurs: k modeli opisaniya [Academic military-educational discourse: towards a description model]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 49–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-49-57>

Введение

В настоящее время военная сфера активно изучается в лингвистике (А. В. Олянич [1], А. Е. Осипчук [2], А. В. Уланов [3], Д. Р. Фахрутдинова [4], Л. А. Шашок [5], Т. С. Юсупова [6]). Немало лингвистических исследований посвящено военно-политическому дискурсу (Э. Н. Мишуров [7], К. А. Наумова [8], Т. Н. Хомутова [9]), анализу военно-делового дискурса (М. В. Гончарова [10], А. Е. Осипчук [2]). Российский военный дискурс чаще всего изучается в рамках военного образования, а именно профессионального перевода (Ю. Ю. Дуброва [11], П. Д. Митчелл [12], Г. М. Стрелковский [13], Т. С. Юсупова [6]). Указанные труды внесли значимый вклад в описание дискурса, однако академический военно-образовательный дискурс до сих пор не был в поле пристального внимания лингвистов.

Цель данной статьи – описать академический военно-образовательный дискурс согласно модели, предложенной В. И. Карасиком.

Материал и методы

Материалом исследования послужили конспекты занятий и методические разработки Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ (ВАГШ ВС РФ) из личных архивов авторов. Объем проанализированного материала

составляет более 150 текстов военно-учебных материалов, используемых при обучении военных специалистов, 100 текстов конспектов занятий для русскоязычных и иностранных слушателей. Основным методом исследования является метод дискурсивно-жанрового моделирования.

Результаты и обсуждение

В данном исследовании понятие «дискурс» мы определяем вслед за Г. Н. Манаенко как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [14, с. 10–11]. Под военно-образовательным дискурсом понимается тип речевой деятельности коммуникантов, обусловленный направленностью на обучение и воспитание нового члена в армейской структуре, представляющий собой единый процесс – от принятия присяги до его полного устройства в военной системе. Военно-образовательный дискурс включает следующие варианты: дискурс среднего военного образования, дискурс высшего военного образования, дискурс российского высшего ака-

демического военного образования (далее – академический военно-образовательный дискурс).

Академический военно-образовательный дискурс понимается нами как речевая деятельность, направленная на обучение управленческим компетенциям офицеров, имеющих ценностные установки армейского общества, профессиональные базовые знания, полученные в ходе специальной подготовки, знающих модели поведения и находящихся на последней ступени обучения.

В данной работе академический военно-образовательный дискурс проанализирован нами с опорой на модель описания институционального дискурса, разработанной В. И. Карасиком [15]. Дискурсивно значимыми параметрами для нас являются **«цель дискурса, стратегии, участники дискурса, хромотоп, ценности и жанровая организация дискурса»** [15, с. 209]. Принципиальным в исследовании является введение в модель описания дискурса параметра **«код коммуникации»**, поскольку академический военно-образовательный дискурс, как и другие виды военно-образовательного дискурса, представляет собой полисемиотическое образование.

I. Целью академического военного образовательного дискурса является подготовка офицерских кадров Вооруженных сил высшей военной квалификации и специалистов в области обороны и безопасности страны в аспекте управленческих практик и приобретение ими новых знаний в области оперативно-стратегического уровня.

Слушатели академии – это офицеры, имеющие опыт службы, владеющие профессиональным знанием, знакомые с нормами армейского общества. Целью дискурса является их обучение управленческим практикам. *Лектор: Товарищи офицеры! В ходе обучения будут совершенствоваться ваши знания и навыки, полученные в видовых академиях по управлению соединениями и воинскими частями. Вы получите новые знания по управлению войсками (силами) в современных операциях оперативного и стратегического уровня.* В данном фрагменте вводной лекции преподаватель акцентирует внимание слушателей на основных образовательных задачах. Использование сочетаний *будут совершенствоваться, полученные в видовых академиях* говорит о том, что это подготовленные слушатели, имеющие профессиональное знание, которое будет структурировано и расширено. Использование атрибутива *стратегического уровня*, словосочетания *получите новые знания* подчеркивает переход к новой, высокой ступени профессиональной подготовки, поскольку именно академический военно-образовательный дискурс предназначен

для овладения знаниями не в тактическом, а стратегическом аспекте.

Таким образом, академический военно-образовательный дискурс направлен на повышение профессиональных знаний адресата и актуализацию профессиональных ценностей.

II. Коммуникативные стратегии. В академическом военно-образовательном дискурсе преобладает характерный набор стратегий, использующихся в образовательном дискурсе: информативная, объясняющая, оценивающая, контролирующая, так как основной целью описываемого дискурса является приобретение знаний, совершенствование профессиональных навыков, повышение квалификации.

В ходе исследования нами выделен следующий ряд коммуникативных стратегий на основе интенции, которую они выполняют: **информативная** и **объясняющая** стратегии, **оценивающая** и **контролирующая** (сообщение участникам – клиентам дискурса степени успешности/неуспешности их обучения и получение объективной информации об уровне обучения адресатов академического военно-образовательного дискурса) и **императивная** стратегии (интенция, направленная на организацию и управление деятельностью адресатов дискурса).

1. Информативная и объясняющая стратегии. Информативная и объясняющая стратегии «представляют собой последовательность интенций, сориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний и мнений о мире» [15, с. 213]. Информативная и объясняющая стратегии выполняют одну общую задачу – донесение информации до адресата путем сообщения конкретных сведений по той или иной теме: *Преподаватель: Вот вам информация для размышления. Впервые о войне против СССР Гитлер завел речь 25 июня 1940 года, то есть сразу же после завершения кампании на Западе. Затем этот вопрос официально обсуждался 21 и 31 июля 1940 года на совещаниях Гитлера с руководящими деятелями Германии. Там и были определены основные цели и замысел так называемого похода на Восток.*

В начале приведенного текста словосочетание *информация для размышления* мотивирует слушателей к анализу предоставляемой информации и формированию самостоятельной позиции. Отсутствие субъективной оценки лектора по отношению к данному событию является характерной особенностью академического военно-образовательного дискурса, основными установками которого являются объективность и унификация.

Информативная и объясняющая стратегии являются доминантными в силу образовательной

составляющей дискурса. Именно поэтому для него характерно использование конструкций *обратите внимание, зафиксируйте, запомните: Товарищи офицеры! Обратите внимание! В различных государствах существует различная классификация войн.*

За счет императивного обращения «*Обратите внимание!*» происходит фиксация внимания адресата на новой информации, необходимой для понимания и запоминания адресатом.

Отметим, что характерное для военного дискурса в целом общее обращение к адресату «*Товарищи офицеры!*» в академическом военно-образовательном дискурсе служит своеобразным маркером, точкой фиксации последующего затем объяснения или введения наиболее значимой информации.

Информативная и объясняющая стратегии реализуются с помощью тактик, в первую очередь направленных на передачу накопленного военного опыта, таких как комментирование, описание, перечисление и др.

Объясняющая стратегия в академическом военно-образовательном дискурсе направлена на актуализацию имеющегося профессионального опыта слушателей: *Товарищи офицеры! Не мне вам объяснять разницу между развертыванием соединения в лесистой местности и горной; Товарищи офицеры! Кто из вас ранее сталкивался с проведением подобных мероприятий, поделитесь опытом.* Сочетание лексем *не мне вам объяснять*, используемое в текстах, подчеркивает уровень знания, а соответственно, и статус обучаемых – офицеры высшего командного состава. Выражение *кто из вас ранее сталкивался* не только позволяет актуализировать в сознании слушателей профессиональное знание, но и служит предложением к диалогу на занятии, в какой-то мере сокращая характерную для военного дискурса в целом иерархическую дистанцию.

2. Контролирующая и оценивающая стратегии представляют собой «сложные интенции, направленные на получение объективной информации об усвоении знаний, сформированности умений и навыков, осознании и принятии системы ценностей, реализующихся в праве адресанта посредством контроля адресата давать оценку его достижениям» [16, с. 58].

«Это обратная связь, выражающаяся в проверке готовности к получению новой информации, в контроле понимания во время объяснения и после предъявления нового материала» [15, с. 218]. В академическом военно-образовательном дискурсе эти стратегии реализуются подобно контролирующей и оценивающей стратегиям

в учебном (педагогическом) дискурсе в ходе тестов, экзаменов, контрольных работ и т. п.

Товарищ полковник, садитесь, удовлетворительно! Оценивание адресата в описываемом дискурсе отличается отсутствием эмоциональной реакции преподавателя, клишированностью формул, что еще раз иллюстрирует авторитарные статусно-ролевые отношения коммуникантов и жестко выстроенную иерархическую систему академического военно-образовательного дискурса.

3. Императивная стратегия в академическом военно-образовательном дискурсе.

Академический военно-образовательный дискурс представляет собой сложную систему взаимоотношений личностного и институционального компонентов. Четкая иерархическая вертикаль, субординация всех участников коммуникации, авторитарность, действие в рамках жесткого регламента определяют оппозицию адресант – преподаватель/адресат – слушатель. Учитывая безусловное подчинение, единоначалие в военной коммуникации – регламентирующая функция наделяет адресанта полномочиями давать «знания» и обязывает адресата «принимать» их, взаимоотношения коммуникантов обусловлены конвенцией. В академическом военно-образовательном дискурсе преподаватель, занимая иерархически позицию выше слушателя, жестко следует регламенту коммуникации на занятии, регулируя и контролируя процесс общения.

Институциональная определяющая роль адресанта в коммуникации ярко представлена в ритуальных, этикетных формах, характерных для дискурса, например, в приветствии, прощании, оценивании обучающихся. Вначале дается команда старшим группы: *Встать!* (Группа встает. Подъем группы – невербальное приветствие преподавателя. И произносится доклад: «*Товарищ преподаватель! Слушатели факультета... к проведению занятия готовы.*» Затем происходит обмен приветствиями между педагогом и обучающимися.

– *Здравствуйте, товарищи офицеры! Садитесь!* – ответная реплика преподавателя, после которой группа садится.

Завершение занятия сопровождается речевой формулой, произносимой адресантом: *Товарищи офицеры!* (коллективное вставание группы – невербальное прощание). *Занятие окончено. Вы можете быть свободны.*

III. Участники дискурса. Типы участников академического военно-образовательного дискурса институционально закреплены: преподаватель – слушатель. В этой оппозиции преподаватель всегда выступает в качестве транслирующе-

го знания, слушатель, соответственно, – их получающего. Жесткая иерархия не предполагает введения новых ролей, их количество ограничено. Вместе с тем у каждой роли своя определенная функция с фиксированным объемом, где должностное положение, профессиональный уровень ставят педагога выше в социальной иерархии независимо от того, кем является преподаватель – военнослужащим или гражданским персоналом. Роли жестко зафиксированы и имеют стандартные речевые клише. Например, в устном обращении к педагогу называется только воинское звание преподавателя: «Товарищ полковник» или должность: «Товарищ преподаватель», если это гражданский персонал. Характерными особенностями этого дискурса, как и военного дискурса в целом, являются четкая вертикаль, субординация всего личного состава, а также авторитарность, действие в рамках жесткого регламента [5]. При этом преподаватель может иметь менее высокое воинское звание, чем у слушателя, однако статус его будет выше. Таким образом, академический военно-образовательный дискурс выстраивает собственную иерархическую систему, где статус преподавателя выше воинского звания адресата.

Слушатель, в первую очередь в силу предписанной дискурсом роли, а также в силу меньшей профессиональной осведомленности, занимает иерархически низкую позицию по отношению к преподавателю. Доминирующая позиция преподавателя предписывает ему особое речевое поведение, право инициировать общение, транслировать информацию.

Адресатом в академическом военно-образовательном дискурсе являются слушатели, прошедшие первые ступени военного образования и, соответственно, имеющие профессиональный опыт и навыки. В гендерном отношении это мужчины в возрасте от 40 до 55 лет.

Адресат в академическом военно-образовательном дискурсе может быть как русскоязычный, так и иноязычный слушатель с разным уровнем владения русским языком¹.

В зависимости от выше названных характеристик адресата адресант выстраивает смысловое содержание, а также вербальное оформление текста. Поскольку в качестве адресантов в академическом военно-образовательном дискурсе

могут быть и русскоязычные и иностранные слушатели, то мы можем говорить о двух типах адресантов академического военно-образовательного дискурса для иностранных военнослужащих: техническом и реализующем. Задачей технического адресанта является создание профессионально эталонного текста. Реализующий адресант занимается трансляцией эталонного текста и обучением на его основе.

В качестве примера сопоставим текстовые фрагменты для разных адресатов.

Текст для иноязычных военнослужащих:
Огневое поражение противника (ОПП) организует командир соединения. Организация и планирование огневого поражения противника осуществляется группой планирования огневого поражения противника (ГПОПП).

Текст для говорящих на русском языке:
Огневое поражение – уничтожение/подавление цели огнем какого-либо вооружения либо с помощью ракетно-бомбового или артиллерийского удара. При ведении наступательных действий огневое поражение противника проводится во всей полосе наступления и на всю глубину боевой задачи наступающего соединения [17, т. 6, с. 9].

Чтобы иностранные слушатели, впервые изучающие русский язык, не испытывали языковых барьеров в процессе восприятия военно-учебных текстов и понимали их смысл, используются изученные лексико-грамматические единицы, простые предложения, остаются неизменными профессиональная терминология, аббревиатуры, интернациональная лексика, профессиональные устойчивые словосочетания и клишированные выражения. Необходимо отметить, что отличительной особенностью иноязычных слушателей является предварительная подготовка по изучению русского языка.

Также преподаватель может менять свои установки в зависимости от слушателя: русскоязычного или иностранного. Отметим, что профессиональное обучение иностранных и российских военнослужащих осуществляется по сходным образовательным программам.

При обучении российских и иностранных слушателей отличается и характер воспитательной интенции. Так, при обучении последних важной задачей является создание привлекательного образа России с помощью исторических военных текстов, описывающих не только опыт и характерные черты военного искусства, но и подвиги русских военачальников.

Сравним два текстовых фрагмента.

Для иностранных слушателей: *5–6 декабря 1941 года войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в контрна-*

¹ Мы намеренно не противопоставляем адресата по принципу принадлежности к стране: российский/нероссийский с той целью, что слушатели из бывшего СССР владеют русским языком на сертификационном уровне РККИ С1, так и социокультурной ситуацией. Их различие в обучении связано лишь с вопросами государственных контрактов и никак не обуславливает лингвистические исследования академического военно-образовательного дискурса.

ступление под Москвой. Советские войска успешно провели первую в истории Великой Отечественной войны крупную наступательную операцию, которая имела стратегическое значение.

Разгром фашистских войск под Москвой – первое крупное поражение фашистов во Второй мировой войне.

В данном тексте номинации *Вторая мировая война* и *Великая Отечественная война* используются в одном ряду для введения в актуальное поле знания иноязычных слушателей понятия «Великая Отечественная война». Оценочные конструкции *первое крупное поражение*, *крупная наступательная операция* позволяют сделать акцент на профессионализме и роли Советской армии во Второй мировой войне.

В тексте для российских слушателей использование номинации *Вторая мировая война* и оценочной лексики *впервые* позволяет подчеркнуть масштабность действий Красной армии, профессионализм военачальников: *Контрнаступление советских войск под Москвой и развернувшееся вслед за ним стратегическое наступление Красной армии зимой 1941/42 года заставили гитлеровское руководство впервые во Второй мировой войне отдать директиву о переходе к обороне на всем советско-германском фронте.*

В результате номинация одного и того же события для русскоязычных и иностранных слушателей используется с разными целями: для иноязычных слушателей – с целью создания привлекательного имиджа России, для российских – воспитания чувства гордости за страну.

Транслируя эталонный текст, адресант может эксплицитно обозначить позицию не только преподавателя, но и офицера, имеющего практический опыт в данной сфере: *Как показывает личный опыт... Практически доказано...* Высказывание: *А когда я служил ТАМ-ТО, у нас было ТАК-ТО...* позволяет преодолеть дистанцию «свой – чужой» (теоретик и практик) между преподавателем и слушателем, ставя их в позицию офицеров-практиков, что способствует как росту авторитета преподавателя в глазах слушателя, так и доверия к нему как профессионалу.

IV. **Хронотоп** академического военно-образовательного дискурса, как и военного дискурса в целом, отличается регламентированностью времени и локуса: распорядок дня, включающий закрепленное количество часов на учебный процесс и самостоятельную подготовку, а также место осуществления образовательной деятельности и др. Совместно с занятиями (лекции, семинары, практические занятия, командно-штабные игры и т. п.)

проходят мероприятия повседневной деятельности, характерные для жизни Вооруженных сил: построения, совещания, планирования и др. Специфичной чертой является разделение группы адресатов по принципу организационно-штатной структуры армейского подразделения: есть старший (командир) группы, есть начальник штаба и т. д. по должностной вертикали, у каждой должности свои статусно-ролевые обязанности.

Пространство академической аудитории семиотически разделено на территорию преподавателя (преподавательский стол, кафедра, доска, экран) и территории слушателей (столы, флаги с принадлежностью к стране). Преподаватель может передвигаться по всей аудитории, слушатели же, напротив, могут отвечать или выходить к доске только после фразы-вопроса: *Разрешите?*

V. **Код коммуникации.** Вербальный код в описываемом дискурсе является определяющим (коммуникация адресата и адресанта имеет устную и письменную форму реализации). Однако стоит отметить существенную роль невербального кода коммуникации в академическом военно-образовательном дискурсе – комплекса семиотических средств: от военных знамен до военной амуниции и музыки, что характерно и для военного дискурса в целом. Невербальный код коммуникации постоянно присутствует в дискурсе, он параллелен с вербальным. Объем информации, передаваемый и воспринимаемый при невербальном коде, настолько узок профессионально и в то же время ёмок, что человеку незнающему полностью раскодировать всю информацию невозможно. Раскодировка любой ситуации с использованием семиотических средств должна быть однозначной, одномоментной и полной. Это связано с необходимостью установления успешной коммуникативной ясности между ее участниками вне зависимости от их статусно-ролевого положения.

VI. **Ценности.** Ценности академического военно-образовательного дискурса детерминированы его целью: приобретением новых знаний и подготовкой офицерских кадров высшей военной квалификации в области обороны и безопасности страны в аспекте управленческих практик. Исходя из этого, можно отметить, что ценности описываемого дискурса, во-первых, связаны с базовыми ценностями образовательного дискурса в целом. Как отмечает В. И. Карасик, где «специфика ценностей <...> состоит в том, что этот дискурс является основой для формирования мировоззрения, и поэтому почти все моральные ценности заложены в нем» [15, с. 2000]: знания, познания, воспитание, социализация в обществе, формирование гражданина и др.

Во-вторых, мы считаем, что для академического военно-образовательного дискурса характерны ценности военного дискурса в целом: дисциплинированность, субординация, соблюдение воинских традиций, честь, мужество, отвага [5].

В-третьих, поскольку адресатами являются офицеры высшего эшелона, имеющие опыт службы, владеющие профессиональным знанием, знающие нормы армейского общества, то характерной особенностью академического военно-образовательного дискурса становятся ценностные установки на возросшую ответственность за национальную безопасность страны и оборону государства:

«Под руководством профессорско-преподавательского состава слушателям академии предстоит сформировать и развить профессионально важные качества, присущие руководителям высшего звена управления. Получить знания, позволяющие решать задачи по обеспечению национальной безопасности, противодействию терроризму не только военными, но и экономическими, политическими, информационными средствами» [18].

VII. Жанровая организация дискурса. Академический военно-образовательный дискурс обслуживают разные жанры: в нем используются типичные, характерные для образовательного дискурса устные жанры лекции и семинара, письменные – жанры художественной литературы (военные мемуары). Но есть и традиционные профессиональные речевые жанры, «имеющие письменную и устную формы реализации. Они также занимают центральное место в пространстве академического военно-образовательного дискурса. Речь идет о так называемых ядерных жанрах: военная доктрина, боевой устав, воин-

ские уставы, наставления, положения и инструкции, доклад, донесение, рапорт, которые могут считаться таковыми прежде всего в силу своего соответствия ведущей интенции военной коммуникации – управлению деятельностью (Вооруженных сил), направленной на защиту страны от посягательств извне, а также в силу первичности текста и отсутствия пересечения с другими типами дискурса» [4]. Выделенные жанры в наибольшей степени соответствуют ведущей интенции академического военно-образовательного дискурса, полно и точно отражают специфику профессиональной деятельности коммуникантов.

Заключение

Таким образом, академический военно-образовательный дискурс представляет собой вариант военно-образовательного дискурса, характеризующийся обучением офицеров высшего военного звена, обладающих ценностными установками армейского общества и профессиональными базовыми знаниями. Освоение новых знаний и получение управленческих практик в профессиональной сфере совершенствуются и расширяются благодаря полученным ранее практическому опыту и навыкам адресатов. Подготовка специалистов на оперативно-стратегическом уровне в области обороны и безопасности страны детерминирует специфику базовых параметров академического военно-образовательного дискурса.

В работе согласно представленной модели охарактеризованы особенности академического военно-образовательного дискурса, коммуникативное поведение его участников, а также ключевые коммуникативные стратегии и его жанровая организация.

Список источников

1. Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2003. № 3. С. 119–126.
2. Осипчук А. Е. Коммуникативно-прагматическая координация устных и письменных речевых жанров в военном деловом и художественном дискурсах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2022. 27 с.
3. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 40 с.
4. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 2. С. 259–266. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11482181> (дата обращения: 03.02.2023).
5. Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 116–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36722013> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (4). С. 1055–1057. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-voennogo-diskursa> (дата обращения: 02.02.2023).

7. Мишкuroв Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105. URL: <http://vestnik-translation.ru/articles/article/1051/> (дата обращения: 03.02.2023).
8. Наумова К. А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 96–105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38554820> (дата обращения: 02.03.2023).
9. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 3. С. 49–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29930347> (дата обращения: 01.02.2023).
10. Гончарова М. В. Статусная характеристика жанров военно-деловой речи в военном институциональном дискурсе // Kant. 2022. № 3 (44). С. 227–233.
11. Дуброва Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 638. С. 137–144.
12. Митчелл П. Д., Шевченко М. А., Загайнов С. С. Обучение иноязычному военному дискурсу // Язык и культура. 2020. № 51. С. 265–287.
13. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода. Нем. язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
14. Манаенко Г. Н. Текст, речевая деятельность, дискурс // Языковая система – текст дискурс: категории и аспекты исследования. Самара, 2003. С. 6–14.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 331 с.
16. Гудина О. А. Специфика контролирующей стратегии в педагогическом дискурсе // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 57–60.
17. Огневое поражение // Военная энциклопедия: в 8 т. / М-во обороны РФ, Ин-т военной истории; ред. ком. П. С. Грачев и др. М.: Воениздат, 1994. 639 с.
18. Пинчук А. Здесь научат побеждать // Красная звезда. 2019. 4 сент. С. 2. URL: <http://redstar.ru/zdes-nauchat-pobezhdai/> (дата обращения: 04.02.2023).

References

1. Olyanich A. V. Prezentatsionnyye strategii v voyenno-politicheskom diskurse [Presentation strategies in military-political discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Scientific Journal of Volgograd state University. Linguistics*, 2003, no. 3, pp. 119–126 (in Russian).
2. Osipchuk A. E. *Kommunikativno-pragmaticheskaya koordinatsiya ustnykh i pis'mennykh rechevykh zhanrov v voyennom delovom i khudozhestvennom diskursakh* [Communicative and pragmatic coordination of oral and written speech genres in military business and artistic discourses]. Volgograd, 2022. 27 p. (in Russian).
3. Ulanov A. V. *Russkiy voyennyiy diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, evolutsiya* [Russian Military Discourse of the XIX – early XX century: structure, specifics, evolution]. Omsk, 2014. 40 p. (in Russian).
4. Fakhruudinova D. R. Strukturirovaniye zhanrovogo prostranstva voyennogo institutsional'nogo diskursa [Structuring the genre space of military institutional discourse]. *Uchyonyye zapiski KSU. Ser.: Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2008, vol. 150, no. 2, pp. 259–266 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11482181> (accessed 3 February 2023).
5. Shashok L. A. Kharakternyye osobennosti voyennogo diskursa (na materiale rabot otechestvennykh lingvistov) [Characteristic features of military discourse (based on the works of Russian linguists)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. 6 (72), pp. 116–119 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36722013> (accessed 01 February 2023).
6. Yusupova T. S. Strykturnyye osobennosti voyennogo diskursa [Structural features of military discourse]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsetra Rossiyskoy Akademii Nauk – Izvestia RAS SamSC*, 2009, vol. 11, no. 4 (4), pp. 1055–1057 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-voennogo-diskursa> (accessed 2 February 2023).
7. Mishkurov E. N. Sovremennyy voyenno-politicheskiy diskurs: nominatsiya, funktsii, devyatsiya yazyka, transl'yat [Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, transl'yat]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda – Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 88–105 (in Russian). URL: <http://vestnik-translation.ru/articles/article/1051/> (accessed 3 February 2023).
8. Naumova K. A. Kontent-analiz voyenno-politicheskogo i voyenno-publitsisticheskogo formatov diskursa v sopostavitel'nom aspekte [Content analysis of military-political and military-journalistic discourse formats in a comparative aspect]. *Politi-*

- cheskaya lingvistika*, 2019, no. 3 (75), pp. 96–105 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38554820> (accessed 2 Marh 2023).
9. Khomutova T. N., Naumova K. A. Voenno-politicheskiy diskurs kak osoby tip diskursa [Military-political discourse as a special type of discourse]. *Vestnik YuUrGU, Seriya: Lingvistika – Bulletin of South Ural State University. Linguistics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 49–53 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29930347> (accessed 1 February 2023).
 10. Goncharova M. V. Statusnaya kharakteristika zhanrov voenno-delovoiy rechi v voyennom institutsional'nom diskurse [Status characteristics of genres of military-business speech in military institutional discourse]. *Kant*, 2022, no. 3(44), pp. 227–233 (in Russian).
 11. Dubrova Yu. Yu. Strukturno-soderzhatel'naya spetsifika mnogokomponentnykh terminov v voyennom diskurse [Structural and content specificity of multicomponent terms in military discourse]. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2012, no. 638, pp. 137–144 (in Russian).
 12. Mithcell P. D., Shevchenko M. A., Zagainov S. S. Obucheniye inoyazychnomu voyennomu diskursu [Teaching foreign-language military discourse]. *Yazyk i kultura – Language and culture*, 2020, no. 51, pp. 265–287 (in Russian).
 13. Strelkovskiy G. M. *Teoriya i praktika voyennogo perevoda. Nemetskiy yazyk* [Theory and practice of military translation. German Language]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979. 272 p. (in Russian).
 14. Manaenko G. N. *Tekst, rechevaya deyatel'nost', diskurks* [Text, speech activity, discourse]. Samara, 2003. P. 6–14 (in Russian).
 15. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002, 331 p. (in Russian).
 16. Gudina O. A. Spetsifika kontrolyrnykh strategii v pedagogicheskom diskurse [The specifics of the controlling strategy in pedagogical discourse]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (g. Moskva, noyabr' 2014 g.) [Philology and linguistics in modern society: materials of the III International Scientific Conference (Moscow, November 2014)]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2014. Pp. 57–60 (in Russian).
 17. *Ognevoye porazheniye* [Fire damage]. *Voyennaya entsiklopediya: v 8 tomakh*. Ministerstvo oborony RF, In-t voyennoy istorii; red. kom. P. S. Grachev i dr. [Military encyclopedia: in 8 volumes. Ministry of Defense of the Russian Federation, Institute of Military History; ed. com. P. S. Grachev et al.]. Moscow, Voenizdat Publ., 1994. 639 p. (in Russian).
 18. Pinchuk A. Zdes' nauchat pobezhdat' [They will teach you how to win here]. *Krasnaya zvezda*, 2019, 4 sep., p. 2 (in Russian). URL: <http://redstar.ru/zdes-nauchat-pobezhdat/> (accessed 4 February 2023).

Информация об авторах

Эмер Ю. А., доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634000).

Андриевская С. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634000).

Information about the authors

Emer Yu. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634000).

Andrievskaya S. A., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634000).

Статья поступила в редакцию 05.02.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 05.02.2023; accepted for publication 26.09.2023

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.14:81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-58-68>

От общего аудирования к переводческому: трудности и пути их решения

Яна Борисовна Емельянова

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия, yemelyanova2007@yandex.ru*

Аннотация

Исследование посвящено вопросам обучения переводческому аудированию в процессе иноязычной подготовки переводчиков с учетом его специфики и связанных с ним трудностей. Актуальность данного вопроса обусловлена ключевой ролью этапа восприятия текста оригинала в устном последовательном переводе (УПП) как с точки зрения понимания содержания и смысла оригинала, так и возникновения проблем, негативно влияющих на процесс и качество УПП. Целью исследования было выявление ключевых навыков и умений переводческого аудирования, отсутствующих или вызывающих значительные трудности у студентов-переводчиков при переходе с младшего этапа обучения на старший с намерением их формирования на занятиях по практике иностранного языка. В эксперименте принимали участие студенты третьего курса (29 человек) переводческого факультета, обучающиеся по программе специалитета «Перевод и переводоведение». Были проанализированы комментарии студентов, сделанные ими после выполнения задания на устное восприятие аудиозаписи на иностранном языке с последующей передачей ее содержания на этом же языке, а также наблюдения преподавателя за ходом и результатом выполнения задания. Анализ полученной информации позволил учесть как конкретные факторы, воспрепятствовавшие адекватному и исчерпывающему пониманию записи и отмеченные студентами, так и более глубинные проблемы, обозначенные преподавателем. С учетом комментариев студентов и наблюдений преподавателя были выделены четыре группы трудностей, обусловленных: 1) характером восприятия информации; 2) факторами, вызывающими сбой в восприятии информации; 3) тематикой и характером информации в тексте; 4) психолингвистическими факторами. Однако был сделан вывод, что ключевой проблемой, в значительной степени приводящей к возникновению других, является характер восприятия информации студентами, а именно неумение воспринимать текст как целостную структурно-семантическую единицу, что в значительной степени может влиять на масштаб остальных трудностей. Для решения данной проблемы были предложены методические рекомендации и примеры заданий, использование которых показало свою эффективность в формировании навыков и развитии умений, необходимых для профессионального восприятия устного текста переводчиком. Работа в данном направлении позволит обеспечить преемственность языковых и переводческих дисциплин и повысить подготовленность студентов к освоению устного перевода.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, иноязычная подготовка переводчиков, аудирование, текст оригинала

Для цитирования: Емельянова Я. Б. От общего аудирования к переводческому: трудности и пути их решения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 58–68. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-58-68>

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

From general to translation-oriented listening: challenges and solutions

Yana B. Emelyanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
yemelyanova2007@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of teaching listening comprehension for interpreting purposes in translation-oriented foreign language training based on its specific character and related difficulties. Listening comprehension plays a vital role in consecutive interpreting as it involves listening to and analysing the content and message of the source text and accounts for a large number of difficulties that affect the process and the quality of consecutive interpreting. The aim of the present study was to identify the skills essential to listening for translation purposes which, however, pose significant challenges to trainee translators starting a senior phase of their professional training (year 3). The development and practice of these skills should be made an integral part of translation-oriented foreign language training. The participants were 3rd-year full-time translation students (29) enrolled on a 5-year translation training programme. After listening to a recording in English and reproducing it in the same language, the participants were asked to comment on the problems and difficulties they encountered; the teacher also monitored the participants' performance during the listening and reproduction task. The data revealed (a) some specific obstacles mentioned by the participants which hampered the complete and profound understanding of the recording and (b) some deeper underlying problems identified by the teacher. Based on these observations, we identified four groups of difficulties caused by (a) the students' approach to the perception of the text, (b) factors hindering the perception of information, (c) the topic and the characteristics of the information in the text, (d) psycholinguistic factors. However, the key problem is believed to be the students' approach to the perception of the text, i.e., their inability to perceive a text as a complete structural and semantic unit which can cause or exacerbate other listening comprehension difficulties. To address this problem, we proposed a number of recommendations and professionally oriented learning activities which have proved effective in developing the skills required for listening comprehension for interpreting purposes. This effort can ensure continuity between language and interpreting courses and provide a solid basis for teaching consecutive interpreting.

Keywords: consecutive interpreting, translation-oriented foreign language teaching, listening comprehension, source text

For citation: Emelyanova Ya. B. Ot obshchego audirovaniya k perevodcheskomu: trudnosti i puti ikh resheniya [From general to translation-oriented listening: challenges and solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 58–68 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-58-68>

Введение

Восприятие на слух текста оригинала составляет первый этап устного последовательного перевода (УПП). Значимость данного этапа для успешного осуществления УПП трудно переоценить, поскольку он предполагает анализ, уяснение и запоминание содержания и смысла исходного текста [1], передача которых средствами переводящего языка осуществляется на втором этапе. Кроме того, исследования показывают, что многие проблемы, с которыми сталкиваются устные переводчики, обусловлены трудностями, возникающими в процессе восприятия исходного текста [2].

Переводческое аудирование существенным образом отличается от обычного с точки зрения:

а) целей; б) условий его осуществления; в) ожидаемых результатов; г) требований, предъявляемых к его качеству; д) используемых навыков, умений, когнитивных механизмов и психологических ресурсов. Соответственно, обучение переводческому восприятию устного текста является важным компонентом профессиональной подготовки переводчиков.

В немногочисленных исследованиях, посвященных вопросам обучения переводческому аудированию [2–4], обращают на себя внимание выводы:

а) о необходимости решения основных трудностей, которые испытывают студенты с аудированием на иностранном языке, преимущественно в процессе иноязычной подготовки переводчиков

[2, 3, 5], с тем чтобы высвободить время на занятиях по устному переводу для обучения собственно переводческим навыкам и умениям;

б) нецелесообразности использования подходов и заданий, традиционно применяемых на занятиях по иностранному языку для обучения аудированию, в силу их несоответствия требованиям переводческого контекста [2].

Принимая во внимание тот факт, что подготовка переводчиков осуществляется в самых разных контекстах (сроки обучения, стартовый уровень владения иностранным языком, наличие/отсутствие языковой подготовки и ее объем и пр.), определение конкретных целей и задач и разработка заданий должны осуществляться в рамках конкретного контекста подготовки переводчиков.

Цель данного исследования – выявление ключевых навыков и умений переводческого аудирования, отсутствующих или вызывающих значительные трудности у студентов-переводчиков при переходе с младшего этапа обучения на старший (3-й курс) в рамках обучения на программе специалитета по направлению «Перевод и переводоведение» с целью их целенаправленного формирования на занятиях по практике иностранного языка.

Теоретическая значимость исследования обусловлена возможностью уточнения и обеспечения профессиональной направленности обучения аудированию в контексте иноязычной подготовки переводчиков и обеспечения преемственности между языковыми и переводческим дисциплинами.

Практическое значение работы состоит в выявлении конкретных проблем, препятствующих осуществлению адекватного восприятия текста оригинала и овладению необходимыми переводческими навыками, а также в предоставлении конкретных рекомендаций по решению обозначенных трудностей.

Обзор литературы

Специфика переводческого аудирования

Умение понять устное сообщение и оперативно уяснить его смысл рассматривается как ключевое в компетенции устного переводчика [1], играющее принципиальную роль в осуществлении УПП [6] и в значительной степени определяющее его качество [3, 6].

Восприятие переводчиком устного текста кардинально отличается от обычного восприятия текста на слух. Многие авторы так или иначе подчеркивают, что в переводе речь идет об «аудировании для перевода» (listening and analysis [1], listening comprehension for interpreting [2],

listening comprehension for interpreting purposes [3], listening-for-interpreting [7]) в противовес обычному аудированию [8], которое практикуется на занятиях по практике иностранного языка.

А. Абреус Гонзалес дает комплексную, ориентированную на переводческую профессию трактовку предложенного им понятия listening comprehension for interpreting purposes [3]. Он понимает его как «языковое умение, предполагающее восприятие, декодирование и интерпретацию устных символов, запоминание их смысла с целью немедленного перевыражения этого смысла в устной форме на переводящем языке, что предполагает учет как лингвистических, так и паралингвистических элементов, имеющих место в конкретном социокультурном контексте коммуникации» [3, с. 118]. Какие характеристики отличают переводческое аудирование от обычного?

Во-первых, это характер восприятия информации, поскольку для перевода принципиальным является именно «тип слушания» (type of listening), используемый переводчиком [2]. По мнению многих исследователей, переводческое аудирование следует рассматривать как активное слушание (active listening) [8–10]. Оно предполагает восприятие не только содержания высказывания, но и намерений и эмоций говорящего, требует наибольшего объема концентрации и восприимчивости к поступающей информации [11] и рассматривается как ключевая и базовая характеристика [12] переводческого аудирования, обеспечивающая адекватную когнитивную обработку поступающей информации на первом этапе УПП. Для активного переводческого аудирования характерны:

1) специфическая цель восприятия сообщения [10], заключающаяся в уяснении смысла для его последующей передачи на языке перевода [7];

2) проявление значительного интереса к поступающей информации [2], умение поставить себя на место говорящего и воспринимать информацию с его позиции, т. е. «эмпатическое слушание» (empathetic listening) [13];

3) восприятие текста как «целостной структурно-семантической единицы» [14], умение видеть за словами смысл [15], принимать во внимание логику построения текста и внутритекстовые связи, анализировать поступающую информацию [1, 8], интерпретировать ее с учетом вербальных и невербальных аспектов коммуникации, эмоций и настроений говорящего [2];

4) умение «конструировать» текст, прогнозировать будущую информацию, удерживать в памяти и учитывать уже поступившую [10];

5) восприятие информации в полном объеме, а не отдельных фактов [16];

б) умение в течение определенного времени сохранять максимальную сфокусированность на поступающей информации [2], поддерживать необходимый уровень внимания [17], наличие психологической устойчивости [16].

Во-вторых, переводческое аудирование предполагает одновременное протекание и необходимость координировать ряд когнитивных процессов, многие из которых существенно отличаются от процессов, задействованных в обычном аудировании [1, 2, 18]. К ним можно отнести восприятие, ведение записей, запоминание, анализ и декодирование. Это требует распределения ресурсов внимания между различными когнитивными процессами и действиями [2], а также большого объема оперативной памяти [3, 17], психологической устойчивости и умения оперативно принимать решения.

В-третьих, условия осуществления переводческого аудирования также отличаются от обычного и заданы переводчику извне. Они включают: 1) скорость и характер предъявления материала (акцент, индивидуальная манера речи говорящего) [2, 9, 19]; 2) ограниченность времени [20–22]; 3) однократность предъявления, невозможность уточнить или переспросить; 4) технические аспекты (качество звука, использование технических приспособлений) [9, 19]; 5) длину текста оригинала [19]; 6) плотность информации на единицу текста оригинала [19]; 7) повышенную когнитивную и психологическую нагрузку [23, 24].

Таким образом, ключевыми параметрами, по которым переводческое аудирование отличается от обычного, являются: 1) характер слушания; 2) характер протекания когнитивных процессов; 3) условия осуществления.

Обучение аудированию в контексте подготовки переводчиков

Умение аудирования в целом считается самым сложным для приобретения и обучения, поскольку преподаватель может подсказать обучающимся определенные стратегии и обеспечить возможность для практики, но применять они их должны самостоятельно [25]. В свою очередь переводческое аудирование требует системного и целенаправленного обучения, поскольку:

а) предполагает наличие особых навыков, умений, которые не являются естественной способностью, особенно в иностранном языке [2, 16];

б) является источником наибольшего количества проблем, которые принципиально влияют на ход УПП и его качество, причем как у студентов на различных этапах профессиональной подго-

товки, так и у практикующих переводчиков [9, 20, 26, 27];

в) трудности, которые испытывают студенты с аудированием на иностранном языке, осложняют обучение собственно устному переводу [3, 5].

При этом многие преподаватели перевода подчеркивают, что обучение переводческому аудированию должно преимущественно осуществляться в процессе иноязычной подготовки переводчиков.

Исследований, посвященных вопросам обучения переводческому аудированию в процессе иноязычной подготовки, не так много [2–4]. Однако в них прослеживается мнение о том, что подходы и задания, традиционно используемые на занятиях по иностранному языку для обучения аудированию, не могут быть использованы в контексте подготовки переводчиков по следующим причинам.

Во-первых, они не соответствуют целям переводческого аудирования [2]. Задания, традиционно используемые для проверки понимания прослушанного текста, основаны на избирательном аудировании, т. е. восприятии отдельных фактов, необходимых для того, чтобы выполнить задание (заполнить пропуски, выбрать правильный вариант, ответить на вопросы, сопоставить информацию и пр.), остальная же информация может пропускаться [28]. Иными словами, такие упражнения не ставят задачей и не позволяют проверить понимание всех деталей текста [2, 29], а также его смысла и коммуникативной интенции говорящего.

Во-вторых, они не обеспечивают формирование и тренировку необходимых навыков, умений и когнитивных механизмов, поскольку в значительной степени «направляют» студентов в процессе восприятия текста, тем самым облегчая его и снимая многие трудности.

В-третьих, при традиционном подходе могут использоваться материалы, объем и характер которых, а также плотность и характер информации в них не всегда отвечают требованиям переводческого контекста.

В-четвертых, они часто предполагают восприятие устного текста «изолированно», т. е. без учета экстралингвистической информации для понимания содержания и смысла текста. Перед аудированием студентам далеко не всегда дается экстралингвистическая информация о контексте, в котором был создан и существует текст, о личности говорящего. Однако привычка самостоятельно находить, анализировать и использовать данную информацию для лучшего понимания текста имеет принципиальное значение для устного переводчика.

В-пятых, традиционные задания носят универсальный характер и не позволяют учитывать требования конкретного контекста подготовки переводчиков (сроки обучения, стартовый уровень владения иностранным языком, наличие/отсутствие языковой подготовки и ее объем и пр.), в частности, целей и содержания языковой подготовки и трудностей, с которыми сталкиваются конкретные студенты в процессе аудирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что обучение переводческому аудированию требует целенаправленной работы в рамках иноязычной подготовки, предваряющей обучение собственно устному переводу, и использования профессионально ориентированных заданий, отвечающих требованиям конкретного контекста подготовки переводчиков.

Материал и методы

Целью нашего эксперимента было выявление трудностей в переводческом аудировании, с которыми сталкиваются студенты-переводчики при переходе с младшего этапа, где обучение аудированию ведется преимущественно на основе традиционных подходов, на старший (3-й курс). Нас интересовали ключевые для переводческого аудирования навыки и умения, отсутствующие или вызывающие значительные трудности у студентов на данном этапе обучения, с тем чтобы обеспечить их целенаправленное формирование на занятиях по практике иностранного языка на 3-м курсе с использованием профессионально ориентированных заданий. Это позволит студентам более успешно осваивать устный перевод на 4-м курсе, а преподавателям по переводу – больше времени уделять собственно переводческим аспектам. В эксперименте принимали участие студенты 3-го курса (29 человек) переводческого факультета, обучающиеся по программе специалитета «Перевод и переводоведение».

Эксперимент проводился в начале первого семестра 3-го курса. Каждому студенту была предложена для прослушивания отдельная аудиозапись на иностранном языке длительностью 1,8–2 мин. Тематика записей охватывала широкий круг вопросов общественной и повседневной жизни; сами записи не содержали каких-либо специализированных терминов и не требовали наличия каких-либо специальных знаний для их адекватного понимания. Студенты слушали записи два раза с возможностью делать записи; между прослушиваниями студентам давалось 30 секунд для просмотра и уточнения своих записей. Далее студенты должны были максимально подробно воспроизвести на иностранном языке

прослушанный материал, сохраняя логику изложения, внутритекстовые связи и прецизионную лексику, а также сделать вывод о коммуникативной интенции говорящего и смысле, заложенном в тексте.

Далее в ходе личной беседы с преподавателем (автор) каждого студента попросили прокомментировать выполненное им задание на предмет возникших трудностей и неудач и их возможных причин. Поставленный вопрос звучал следующим образом: «На ваш взгляд, какие трудности помешали вам полностью понять, запомнить и воспроизвести прослушанную информацию?». Также преподаватель делал свои наблюдения в ходе прослушивания ответов студентов.

Все комментарии студентов были систематизированы в один перечень и проранжированы по частоте упоминания. Также были обобщены наблюдения преподавателя, многие из которых в той или иной степени совпали с высказанными студентами мнениями, и составлен итоговый список выявленных трудностей и проблем, сгруппированных по соответствующим аспектам.

Результаты и обсуждение

К числу комментариев, наиболее часто упоминаемых студентами, можно отнести следующие:

1) *необходимость ведения записей*. В частности, студенты отмечают трудности в том, чтобы: а) синхронизировать восприятие и фиксацию информации; б) успеть зафиксировать всю информацию; в) расшифровать свои записи при последующем воспроизведении информации;

2) *трудности с распознаванием и запоминанием прецизионной лексики*. Многие студенты отмечали, что распознавание имен собственных и восприятие цифр требуют большего внимания, чем обычная информация, что негативно сказывается на понимании фрагмента текста, в котором они встретились;

3) *неизвестная лексика*. Аналогичным образом появление неизвестных слов отвлекает внимание, ослабляет концентрацию на восприятии всего текста и приводит к потере информации;

4) *плотность информации*. Если на младших курсах студенты преимущественно слушали художественные тесты нарративного характера, на 3-м курсе предпочтение отдается материалам, освещающим текущие события или другие вопросы общественной жизни, в которых количество фактуальной информации на единицу текста значительно выше, и сама информация может быть сложнее для восприятия. Этим объясняются комментарии многих студентов о том, что текст содержит очень много информации, с которой им сложно и непривычно работать;

5) сложность сохранения концентрации и внимания на протяжении длительного времени. Очень многие студенты отметили ухудшение восприятия, понимания и запоминания информации ближе к концу текста и значительные информационные потери;

6) запоминание большого количества информации. Значительное количество студентов отметили данный аспект, особенно в сочетании ранее упомянутыми проблемами ведения и расшифровки своих записей, а также непривычности информации по своему характеру.

В целом комментарии студентов касались конкретных факторов, воспрепятствовавших адекватному и исчерпывающему пониманию записи. Однако ряд более глубинных проблем остался вне их внимания.

Что касается наблюдений преподавателя, то трудности, обозначенные студентами, были также нами отмечены. Однако обратили на себя внимание и дополнительные аспекты, не отмеченные студентами и, возможно, обусловившие озвученные ими проблемы. Во-первых, следует отметить характер восприятия информации студентами. Очень немногие студенты воспринимают: а) текст как целостную структурно-семантическую единицу; б) логические связи внутри текста и логику его построения; в) замысел, интенцию говорящего, объединяющую всю информацию в тексте. В результате студенты: а) воспринимают устный текст как совокупность отдельных фактов; б) пытаются зафиксировать каждое слово; в) не всегда могут структурировать поступающую информацию в единое смысловое целое; г) теряют нить в случае пропуска какой-либо информации и не всегда могут «собрать» текст; д) затрудняются с ответом на вопрос «О чем текст?», «В чем основная идея текста?» и вместо этого перечисляют те факты, которые услышали.

Во-вторых, в случаях появления прецизионной или неизвестной студентам лексики отмечались: а) потеря информации, с которой они соотносятся; иными словами, студенты запоминают цифру/имя/географическое название, но то, с чем они соотносятся, упускают; б) потеря следующего за ними фрагмента информации; в) нарушение восприятия логических связей текста. Все эти проблемы обусловлены тем, что прецизионная или неизвестная студентам лексика требует большего внимания и повышает нагрузку на умственные механизмы переводчика, что приводит к перераспределению внимания в их пользу и к неизбежным потерям сопутствующей информации.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что часто «неизвестная» студентам лексика пред-

ставляет собой неузнанные ими известные им слова и выражения, что может происходить по причине быстрого темпа речи, акцента или индивидуальной манеры речи говорящего, а также отсутствия умения контекстуальной догадки. В целом эти факторы оказывают значительное негативное влияние на успешность восприятия информации студентами, что составляет наше третье наблюдение.

В-четвертых, в дополнение к комментариям студентов относительно ведения записей следует отметить, что трудности с фиксацией информации у многих обусловлены неумением оперативно выявить ту информацию, которая является ключевой и подлежит фиксации, а также представить ее схематично, опираясь на логические связи между фактами. В результате студенты пытаются зафиксировать как можно больше информации, что невозможно и нецелесообразно. Эта проблема тесно связана с первым отмеченным нами аспектом, выражающимся в неумении воспринимать текст как целостную структурно-семантическую единицу, а не набор разрозненных фактов.

В-пятых, обратил на себя внимание тот факт, что знакомая тематика вызывает снижение концентрации на воспринимаемом материале и ослабляет внимание к деталям в силу того, что информация выглядит логичной, предсказуемой и соотносится с тем, что студентам уже известно по данной теме. Психологически студенты также чувствуют себя комфортнее, что в определенной степени «усыпляет их бдительность», что признают и сами студенты. В результате при пересказе студенты подчас выдают только общую информацию и теряют многие факты.

Последнее наблюдение касается восприятия текста «изолированно» и недостаточно развитой привычки подключать уже известную студентам информацию по теме для интерпретации новых для них фактов, а также умения контекстуальной догадки. В определенной степени это может быть обусловлено характером текстов, используемых на младших курсах, где подключение фоновой информации не требуется.

Обобщая наши наблюдения и комментарии студентов, можно выделить следующие группы трудностей, с которыми сталкиваются студенты в процессе аудирования при переходе на старший этап обучения:

1) трудности, связанные с характером восприятия информации (сложности с восприятием текста как смыслового и структурного целого);

2) факторы, вызывающие сбой в восприятии информации (прецизионная, неизвестная лексика, темп речи, акцент, индивидуальная манера

речи говорящего, необходимость ведения записей);

3) трудности, обусловленные тематикой и характером информации в тексте (степень знакомства с тематикой, плотность информации в тексте, подключение фоновой информации для понимания);

4) факторы психолингвистического характера (внимание, оперативная память).

Однако мы полагаем, что *ключевой проблемой*, в значительной степени приводящей к возникновению других, является первая отмеченная нами проблема, т. е. расфокусированное, а порой и пассивное восприятие текста студентами, неумение целенаправленно слушать и активно конструировать текст в процессе устного восприятия. Мы полагаем, что изменение характера восприятия текста позволит в определенной степени смягчить другие проблемы, возникающие у студентов-переводчиков при восприятии устного текста, поскольку было установлено, что многие трудности в переводческом аудировании, а также их причины взаимообусловлены и взаимозависимы [30]. Тем не менее это не отменяет необходимости отдельной целенаправленной работы над ними. В частности, изменение характера восприятия текста может:

1) облегчить ведение записей, поскольку это требует умения выделять ключевую и второстепенную информацию, фиксировать логические связи между элементами содержания текста;

2) снизить информационные потери при встрече с прецизионной или незнакомой лексикой, поскольку общая канва текста будет сохраняться, а также убрать стремление запомнить каждое слово;

3) снизить уровень стресса, так как наличие конкретной стратегии слушания задает направление действий, обеспечивает их осмысленность и целенаправленность, что позволяет студенту в определенной степени контролировать ситуацию и свое участие в ней;

4) способствовать более адекватному распределению ресурсов внимания за счет опоры на конкретную стратегию восприятия;

5) облегчить восприятие большого количества фактуальной информации.

Для работы с обозначенной нами *ключевой проблемой* мы предлагаем некоторые рекомендации, сформулированные на основе нашего опыта работы с устными сообщениями в процессе иноязычной подготовки студентов-переводчиков.

Обучение студентов восприятию текста как смыслового и структурного целого требует использования соответствующих: 1) типов устных материалов и 2) заданий.

Первый аспект предполагает использование материалов:

1) информационно насыщенных, посвященных актуальным событиям и различным вопросам современной жизни (новостные репортажи; интервью; репортажи, посвященные актуальным вопросам; аналитические теле-, радиопрограммы). В отличие от художественных нарративных текстов, которые часто используются в качестве материалов для изложения на младшем этапе, такие материалы: а) соответствуют контексту УПП; б) позволяют целенаправленно работать с большинством трудностей, возникающих у студентов;

2) отражающие разные варианты английского языка;

3) содержащие небольшие шумы и помехи (ветер, шум машин и пр.), что даст студентам возможность практики восприятия иноязычных сообщений в разных ситуациях и условиях;

4) с разным темпом речи.

Используемые задания также должны быть профессионально ориентированы. Для изменения характера восприятия устного текста и развития умения восприятия текста как смыслового и структурного целого мы использовали следующие виды заданий:

1. *Прослушайте следующее устное сообщение, не делая записей, и:*

а) сформулируйте его тему и цель/интенцию автора;

б) выделите основные смысловые вехи и логические связи между ними.

Следующая группа заданий предполагает ведение записей в процессе восприятия устного сообщения. Несмотря на то что на занятиях по практике иностранного языка не ставится задача обучения студентов ведению переводческих записей, определенные принципы могут быть, на наш взгляд, озвучены. Это позволит студентам более грамотно подойти к выработке своего подхода к ведению записей, так как, по мнению большинства переводоведов и практикующих переводчиков, стиль ведения записей носит индивидуальный характер, несмотря на наличие определенных стратегий [23, 24]. К основным принципам можно отнести необходимость фиксации информации сжато, схематично, в сокращенной форме и акцентировать внимание на фиксации основных мыслей/смысловых вех, логических связей между поступающей информацией, прецизионной лексики.

2. *Прослушайте следующее устное сообщение, делая необходимые записи, и:*

а) резюмируйте его содержание в одном предложении;

б) резюмируйте его содержание в трех-пяти предложениях (в зависимости от длины записи);

в) выделите основные темы и связующие слова/выражения, сигнализирующие переходы между ними; резюмируйте каждый смысловой блок;

г) определите авторскую интенцию и сформулируйте главную мысль сообщения; каким образом содержание сообщения способствует реализации этой интенции?

д) зафиксируйте все цифры, имена собственные и информацию, к которой они относятся; что известно об этих явлениях/людях/местах и пр. из текста/ваших общих знаний (если уместно); какое значение для понимания общего смысла сообщения имеет данная информация?

е) выделите в каждом смысловом блоке следующие элементы: 1) ключевое предложение (topic sentence); 2) информацию, распространяющую/иллюстрирующую/подтверждающую заявленное в нем.

3. *Прослушайте устное сообщение, опираясь на следующую схему изложения информации:*

1) вступление;

2) основная часть:

а) связующие слова/выражения – тема 1 – сопутствующая информация;

б) связующие слова/выражения – тема 2 – сопутствующая информация;

в) связующие слова/выражения – тема 3 – сопутствующая информация;

и т. д.

3) заключение/вывод.

Использование описанных выше заданий позволяет сместить акцент с восприятия отдельных слов и/или фактов на восприятие текста как содержательной, смысловой и структурной едини-

цы, способствует повышению качества восприятия устных сообщений и снижению психологической и когнитивной нагрузки за счет отработки конкретных стратегий, направляющих и организующих процесс восприятия устного текста.

Заключение

Настоящее исследование посвящено вопросам обучения переводческому аудированию в процессе иноязычной подготовки переводчиков с учетом его специфики и связанных с ним трудностей. Целью работы было выявление трудностей в переводческом аудировании, с которыми сталкиваются студенты-переводчики при переходе с младшего этапа обучения на старший (3-й курс).

На основе анализа комментариев студентов и наблюдений преподавателя были выявлены четыре группы трудностей, обусловленных: 1) характером восприятия информации; 2) факторами, вызывающими сбои в восприятии информации; 3) тематикой и характером информации в тексте; 4) психолингвистическими факторами.

Был сделан вывод о том, что ключевой проблемой является характер восприятия информации студентами, а именно неумение воспринимать текст как целостную структурно-семантическую единицу, что в значительной степени может усиливать остальные трудности. Для решения данной проблемы представляется необходимым использовать специальные профессионально ориентированные материалы и задания. Были предложены методические рекомендации и примеры заданий, использование которых показало свою эффективность в формировании навыков и развитии умений, необходимых для профессионального восприятия устного текста переводчиком.

Список источников

1. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Revised edition. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. 283 p.
2. Herrero E. C. A Critical Review of Listening Comprehension in Interpreter Training: The Case of Spanish Translation and Interpreting Degrees // Porta Linguarum. 2017. Vol. 28. P. 7–22.
3. Abreus González A. Revisiting the teaching of listening comprehension to interpreters-to-be at the University of Cienfuegos. Una experiencia necesaria // Revista Conrado. 2019. Vol. 15 (71). P. 116–121.
4. Torres Díaz M. G. Manual de interpretación consecutiva y simultánea. Málaga: Universidad de Málaga, 2008. 63 p.
5. Blasco Mayor M. J. La comprensión oral en el desarrollo de la pericia de la interpretación de conferencias. Granada: Comares, 2007. 280 p.
6. Zhang T., Zhiwei W. The Impact of Consecutive Interpreting Training on the L2 Listening Competence Enhancement // English Language Teaching. 2017. Vol. 10 (1). P. 72–83.
7. Díaz-Galaz S. Individual factors of listening comprehension in a second language: implications for interpreter training // Synergies Chili. 2014. No. 10. P. 31–40.
8. Lu X. C. Listening for English-Chinese interpreting: Cognitive-psychological model, skills and training approaches // Shangdong Foreign Language Teaching Journal. 2009. Vol. 5. P. 53–59.

9. Al-Harashsheh A. M., Shehab E., Al-Rousan R. Consecutive Interpretation Training: Challenges and Solutions // *Journal of Foreign Language Teaching and Translation Studies*. 2020. Vol. 5, № 1. P. 85–102.
10. Madrid D., McLaren N. Didactic procedures for TEFL. Valladolid: La Calesa, 1995. 286 p.
11. Hunsaker P. L., Alessandra T., Alessandra A. J. The new art of managing people, updated and revised: Person-to-person skills, guidelines, and techniques every manager needs to guide, direct, and motivate the team. New York: Simon and Schuster Inc., 2008. 368 p.
12. Sawyer D. Fundamental aspects of interpreter education: Curriculum and assessment. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. 312 p.
13. Burley-Allen M. Listening: the forgotten skill. New York: John Wiley & Sons, 1995. 208 p.
14. Петрова О. В. Восприятие и порождение текста как профессиональные компетенции переводчика: новое измерение проблемы // *Современные направления профессиональной языковой подготовки лингвистов-переводчиков и преподавателей иностранного языка в вузе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию образования кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета (Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г.)*. Екатеринбург: Ажур, 2023. С. 62–69.
15. Goh C., Vandergrift L. Teaching and Learning Second Language Listening. Metacognition in Action. New York; London: Routledge, 2012. 336 p.
16. Vogely A. J. Listening Comprehension Anxiety: Students' Reported Sources and Solutions // *Foreign Language Annals*. 1998. Vol. 31 (1). P. 67–80.
17. Movahedi M., Rahmatabadi N. D. The Importance of Listening and Short-Term Memory in Interpreting // *Translation Journal*. April 2016. URL: <https://translationjournal.net/April-2016/the-importance-of-listening-and-short-term-memory-in-interpreting.html> (дата обращения: 23.04.2023).
18. Iglesias Fernández E. La didáctica de la interpretación de conferencias. Teoría y práctica. Granada: Comares, 2007. 208 p.
19. Arumí Ribas M. Problems and Strategies in Consecutive Interpreting: A Pilot Study at Two Different Stages of Interpreter Training // *Meta: Journal Des Traducteurs*. 2012. Vol. 57 (3). P. 812–835.
20. Quoc N. Long Factors Affecting Consecutive Interpretation: An Investigation from L2 Learners' Perspectives // *Journal of Positive School Psychology*. 2022. Vol. 6, № 10. P. 91–12.
21. Christoffels I., Groot A. Components of simultaneous interpreting: Comparing interpreting with shadowing and paraphrasing // *Bilingualism: Language and Cognition Journal*. 2004. Vol. 7 (3). P. 227–240.
22. Goh C. M. A cognitive perspective on language learners' listening comprehension problems // *System*. 2000. Vol. 28. P. 55–75.
23. Jansen R. S., Lakens D., IJsselstein W. A. An integrative review of the cognitive costs and benefits of note-taking // *Educational Research Review*. 2017. Vol. 22. P. 223–233.
24. Mellinger C. D. Cognitive behavior during consecutive interpreting: Describing the notetaking process // *Translation & Interpreting*. 2022. Vol. 14, № 2. P. 103–119.
25. Field J. Listening in the language classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 384 p.
26. Rahmah S., Hasriati N., Musfirah The Difficulties in Consecutive Interpreting Toward the Student's Standpoint in Learning Interpreting Subject // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2020. Vol. 9 (4). P. 3673–3675.
27. Liping G. An Exploration of L2 Listening Problems and Their Causes. PhD Thesis. Nottingham: University of Nottingham, 2014. URL: <https://eprints.nottingham.ac.uk/28415/1/Liping%20final%20thesis%20%2031-10-2014%20updated%20%28printed%29.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
28. Douglas Brown H., Lee H. Teaching by Principles. An Interactive Approach to Language Pedagogy. Upper Saddle River: Pearson Education, 2015. 480 p.
29. Buck G. The testing of listening in a second language // *Language testing and assessment*. Encyclopedia of language and education / eds. C. M. Claphan, D. Corson. Dordrecht: Kluwer, 1997. Vol. 7. P. 65–74.
30. Pratiwi R. S. Common Errors and Problems Encountered by Students English to Indonesian Consecutive Interpreting // *Journal of English and Education*. 2016. Vol. 4 (1). P. 127–146.

References

1. Gile D. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Revised edition. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009. 283 p.

2. Herrero E. C. A Critical Review of Listening Comprehension in Interpreter Training: The Case of Spanish Translation and Interpreting Degrees. *Porta Linguarum*, 2017, vol. 28, pp. 7–22.
3. Abreus González A. Revisiting the teaching of listening comprehension to interpreters-to-be at the University of Cienfuegos. Una experiencia necesaria. *Revista Conrado*, 2019, vol. 15 (71), pp. 116–121.
4. Torres Díaz M. G. *Manual de interpretación consecutiva y simultánea*. Málaga, Universidad de Málaga, 2008. 63 p.
5. Blasco Mayor M. J. *La comprensión oral en el desarrollo de la pericia de la interpretación de conferencias*. Granada, Comares, 2007. 280 p.
6. Zhang T., Zhiwei W. The Impact of Consecutive Interpreting Training on the L2 Listening Competence Enhancement. *English Language Teaching*, 2017, vol. 10 (1), pp. 72–83.
7. Díaz-Galaz S. Individual factors of listening comprehension in a second language: implications for interpreter training. *Synergies Chili*, 2014, no. 10, pp. 31–40.
8. Lu X. C. Listening for English-Chinese interpreting: Cognitive-psychological model, skills and training approaches. *Shangdong Foreign Language Teaching Journal*, 2009, vol. 5, pp. 53–59.
9. Al-Harabsheh A. M., Shehab E., Al-Rousan R. Consecutive Interpretation Training: Challenges and Solutions. *Journal of Foreign Language Teaching and Translation Studies*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 85–102.
10. Madrid D., McLaren N. *Didactic procedures for TEFL*. Valladolid, La Calesa, 1995. 286 p.
11. Hunsaker P. L., Alessandra T., Alessandra A. J. *The new art of managing people, updated and revised: Person-to-person skills, guidelines, and techniques every manager needs to guide, direct, and motivate the team*. New York, Simon and Schuster Inc., 2008. 368 p.
12. Sawyer D. *Fundamental aspects of interpreter education: Curriculum and assessment*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2004. 312 p.
13. Burley-Allen M. *Listening: the forgotten skill*. New York, John Wiley & Sons, 1995. 208 p.
14. Petrova O. V. Vospriyatiye i porozhdeniye teksta kak professional'nyye kompetentsii perevodchika: novoye izmereniye problemy [Perceiving and producing a text as a translator's professional competence: a new dimension of the problem]. *Sovremennyye napravleniya professional'noy yazykovoy podgotovki lingvistov-perevodchikov i prepodavateley inostrannogo yazyka v vuze: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 24–25 noyabrya 2022)* [Contemporary directions in professional language training of linguists-translators and foreign language teachers at the university: proceedings of the international scientific and practical conference (Ekaterinburg, 24–25 November 2022)]. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2023. Pp. 62–69 (in Russian).
15. Goh C., Vandergrift L. *Teaching and Learning Second Language Listening. Metacognition in Action*. New York and London, Routledge, 2012. 336 p.
16. Vogely A. J. Listening Comprehension Anxiety: Students' Reported Sources and Solutions. *Foreign Language Annals*, 1998, vol. 31 (1), pp. 67–80.
17. Movahedi M., Rahmatabadi N. D. The Importance of Listening and Short-Term Memory in Interpreting. *Translation Journal*, April 2016. URL: <https://translationjournal.net/April-2016/the-importance-of-listening-and-short-term-memory-in-interpreting.html> (accessed 23 April 2023).
18. Iglesias Fernández E. *La didáctica de la interpretación de conferencias. Teoría y práctica*. Granada, Comares, 2007. 208 p.
19. Arumí Ribas M. Problems and Strategies in Consecutive Interpreting: A Pilot Study at Two Different Stages of Interpreter Training. *Meta: Journal Des Traducteurs*, 2012, vol. 57 (3), pp. 812–835.
20. Quoc N. Long Factors Affecting Consecutive Interpretation: An Investigation from L2 Learners' Perspectives. *Journal of Positive School Psychology*, 2022, vol. 6, no. 10, pp. 91–12.
21. Christoffels I., Groot A. Components of simultaneous interpreting: Comparing interpreting with shadowing and paraphrasing. *Bilingualism: Language and Cognition Journal*, 2004, vol. 7 (3), pp. 227–240.
22. Goh C. M. A cognitive perspective on language learners' listening comprehension problems. *System*, 2000, vol. 28, pp. 55–75.
23. Jansen R. S., Lakens D., Ijsselstein W. A. An integrative review of the cognitive costs and benefits of note-taking. *Educational Research Review*, 2017, vol. 22, pp. 223–233.
24. Mellinger C. D. Cognitive behavior during consecutive interpreting: Describing the notetaking process. *Translation & Interpreting*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 103–119.
25. Field J. *Listening in the language classroom*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 384 p.

26. Rahmah S., Hasriati N., Musfirah The Difficulties in Consecutive Interpreting Toward the Student's Standpoint in Learning Interpreting Subject. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 2020, vol. 9 (4), pp. 3673–3675.
27. Liping G. *An Exploration of L2 Listening Problems and Their Causes*. PhD Thesis. Nottingham: University of Nottingham, 2014. URL: <https://eprints.nottingham.ac.uk/28415/1/Liping%20final%20thesis%20%2031-10-2014%20updated%20%28printed%29.pdf> (accessed 20 April 2023).
28. Douglas Brown H., Lee H. *Teaching by Principles. An Interactive Approach to Language Pedagogy*. Upper Saddle River: Pearson Education, 2015. 480 p.
29. Buck G. The testing of listening in a second language. *Language testing and assessment. Encyclopedia of language and education*. Vol. 7. Claphan C. M., Corson D. eds. Dordrecht, Kluwer, 1997. Pp. 65–74.
30. Pratiwi R. S. Common Errors and Problems Encountered by Students English to Indonesian Consecutive Interpreting. *Journal of English and Education*, 2016, vol. 4 (1), pp. 127–146.

Информация об авторе

Емельянова Я. Б., кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (ул. Минина, 31а, Нижний Новгород, Россия, 603155).

Information about the author

Emelyanova Ya. B., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Linguistics University of Nizhny Novgorod (ul. Minina, 31a, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155).

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 26.04.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 378.4

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-69-76>

Национально-психологические и культурные особенности иностранных студентов как фактор, влияющий на их академическую адаптацию

Сидоркина Кира Сергеевна

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-5660-5346>, sidorkinaks@mail.ru

Аннотация

В настоящее время процессы глобализации затрагивают образовательные системы во всем мире. Обучение иностранных студентов в российских высших учебных заведениях обеспечивает установление и укрепление международных связей, способствует росту престижа российского образования, а также выступает фактором повышения качества и эффективности высшего образования в нашей стране. Таким образом, организация эффективного и качественного процесса обучения иностранных студентов является приоритетной задачей российских высших учебных заведений во всех регионах Российской Федерации. Процесс обучения иностранных студентов на всех этапах необходимо организовывать с учетом их национально-психологических, культурных, этносоциальных особенностей. Кроме того, индивидуальные национально-психологические и этносоциальные особенности могут влиять на скорость и качество процессов адаптации иностранных студентов к новой социокультурной и академической среде российских высших учебных заведений. Следует отметить, что образовательное пространство российских высших учебных заведений в свою очередь является средой, оказывающей значительное влияние на адаптационные процессы иностранных студентов дальнего зарубежья, что напрямую связано с академической успешностью иностранных студентов. Поэтому организованное должным образом образовательное пространство российских высших учебных заведений, учитывающее национально-психологические, культурные, этносоциальные особенности иностранных студентов, является важным педагогическим условием их качественной и эффективной профессиональной подготовки. Следовательно, рассмотрение данного вопроса является актуальным и своевременным, что позволит в дальнейшем разработать необходимые рекомендации для профессорско-преподавательского состава российских высших учебных заведений по организации учебного процесса для иностранных студентов дальнего зарубежья. *Цель статьи* – обобщение и характеристика специфических национальных, психологических, культурных, этносоциальных особенностей иностранных студентов из стран дальнего зарубежья (Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки, арабских стран Ближнего Востока).

В статье скомпонованы основные национальные, психологические, культурные, этносоциальные характеристики иностранных студентов из стран дальнего зарубежья (Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки, арабских стран Ближнего Востока).

Ключевые слова: национально-культурные особенности, национально-психологические особенности, социально-психологический портрет, индивидуально-личностные особенности, иностранные студенты, высшее образование, речевое общение, национальное коммуникативное поведение, этносоциокультурные особенности, академическая адаптация

Для цитирования: Сидоркина К. С. Национально-психологические и культурные особенности иностранных студентов как фактор, влияющий на их академическую адаптацию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 69–76. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-69-76>

National-psychological and cultural characteristics of international students as a factor influencing their academic adaptation

Kira S. Sidorkina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
<https://orcid.org/0000-0002-5660-5346>, sidorkinaks@mail.ru

Abstract

Currently, the processes of globalization affect educational systems all over the world. Teaching of international students in Russian higher education institutions ensures establishing and strengthening of international bonds,

contributes to the growth of the status value of Russian education, and also acts as a factor in improving the quality and effectiveness of higher education in our country. Thus, the organization of an effective and high-quality learning process for international students is a priority task of Russian higher educational institutions in all regions of the Russian Federation. The process of teaching international students at all stages should be organized taking into account their national-psychological, cultural, ethno-social characteristics. In addition, individual national-psychological and ethno-social characteristics can influence the speed and quality of the adaptation processes of international students to the new socio-cultural and academic environment of Russian higher educational institutions. It should be noted that in its turn, the educational space of Russian higher educational institutions is an environment that influences significantly the adaptation processes of international students from far-abroad countries, which is directly related to the academic success of international students. Therefore, a properly organized educational space of Russian higher educational institutions, taking into account the national psychological, cultural, ethno-social characteristics of international students, is an important pedagogical condition for their high-quality and effective professional training. Therefore, consideration of this issue is relevant and timely, which will allow to develop further the necessary recommendations for the teaching staff of Russian higher educational institutions on the organization of the educational process for international students from far-abroad countries. The purpose of the article is to summarize and describe specific national, psychological, cultural, ethno-social characteristics of international students from far-abroad countries (Asia-Pacific region, Southeastern Asia, Africa, Latin America, Arab countries of the Middle East). Academic novelty: the article combines the main national, psychological, cultural, ethno-social characteristics of international students from far-abroad countries (Asia-Pacific region, Southeastern Asia, Africa, Latin America, Arab countries of the Middle East).

Keywords: national-cultural characteristics, national-psychological characteristics, socio-psychological profile, individual personal attributes, international students, higher education, speech communication, national communicative behavior, ethno-sociocultural features, academic adaptation

For citation: Sidorkina K. S. Natsional'no-psikhologicheskiye i kul'turnyye osobennosti inostrannykh studentov kak faktor, vliyayushchiy na ikh akademicheskuyu adaptatsiyu [National-psychological and cultural characteristics of international students as a factor influencing their academic adaptation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 69–76 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-69-76>

Введение

Успешность адаптационных процессов иностранных студентов связана с их активным приспособлением к условиям новой социокультурной и академической среды российских высших учебных заведений. Профессиональное становление иностранных студентов зависит от длительности и специфики адаптационных процессов, обусловленных национально-психологическими особенностями иностранных обучающихся [1, с. 66].

Так, Т. Р. Рахимов выявил национально-психологические особенности иностранных студентов из стран Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, арабских стран Ближнего Востока, влияющие на успешность их учебной деятельности в российском вузе. **1. Национально-психологические особенности англоговорящих студентов из стран Африки:** медленное обучение и усвоение новых понятий; усиленная реакция в ответ на опасные ситуации; размышления о смысле жизни, склонность к мечтаниям, значительный уровень внутренней жизни. **2. Национально-психологические особенности франкоговорящих студентов из стран Африки:** открыты к общению, легко идут на контакт; предрасположенность к тревожности; недостаточно развит навык самоконтроля. **3. Национально-психологические особенности студентов из стран Юго-Восточной Азии:** высокий уровень разви-

тия абстрактного мышления; высокий уровень нравственности, достойное поведение; высоко развиты навыки самоконтроля и дисциплины; склонны к замкнутости, неконтактности, неуступчивости; спокойно относятся к переменам.

4. Национально-психологические особенности студентов из стран Латинской Америки: практичность, реалистичность, склонность откладывать решение неприятных вопросов на неопределенный период времени; медленно усваивают знания. **5. Национально-психологические особенности студентов из арабских стран Ближнего Востока:** коммуникабельность, интерес к окружающим людям; не опасаются критики; низкий уровень дисциплинированности, предрасположены к конфликтам и раздражительности [2, с. 125].

По результатам исследования особенностей межкультурной адаптации представителей стран Африки (Гвинея, Нигерия, Марокко, Гана, Замбия), Азии (Йемен, Иордания, Мьянма, Бангладеш), Центральной и Южной Америки (Гаити, Эквадор) Е. Д. Максимчук составила обобщенный социально-психологический портрет иностранного студента: недостаточно развиты навыки планирования и организации собственной деятельности, склонность ограничивать контакты с социальной средой, присутствует культурная дистанция с представителями других национально-

стей, устойчивое отношение к будущей профессии, интерес к предметной области, связанной с обучением, потребность в освоении лексики выбранной специальности и языка страны пребывания, высокий уровень тревожности из-за новых условий окружающей среды, психологическая напряженность, чувство неопределенности, фрустрации [3, с. 38–39].

Е. И. Гейченко, Л. И. Васецкая, В. Д. Хейлик выделили наиболее типичные черты характеров иностранных студентов: арабских студентов (Марокко, Тунис, Алжир, Египет, Сирия, Ирак, Ливан), студентов из стран Центральной Африки (Нигерия, Кения, Танзания, Конго, Замбия), студентов из Юго-Восточной Азии (Китай, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Индия, Бангладеш, Шри-Ланка). Арабские студенты обладают эмоциональностью, экспрессивностью, многословием, используют в своей речи метафоры и образность. Студенты из стран Центральной Африки отличаются прагматичностью, сдержанностью, конкретностью, придерживаются дистанции в общении с другими иностранными студентами. В связи с историческими реалиями наблюдаются различия в образовательных системах у арабговорящих студентов из стран Магриба (Марокко, Тунис, Алжир и др.) и представителей Египта, Сирии, Ирака, Ливана. Представители стран Магриба обучаются по европейской системе образования. Для представителей Египта, Сирии, Ирака, Ливана в системе образования характерно усвоение знаний в той же форме, в которой они преподносились, стиль письма обладает чертами художественной литературы, авторитет преподавателя непререкаем. Процесс подготовки к экзаменам основан восточной образовательной традицией. Так, представителям Судана свойственно механическое запоминание изучаемого материала с применением дословного пересказа прочитанного и многократным переписыванием материала. Однако при сдаче экзаменов не всегда становится возможным воспроизвести информацию, выученную подобными способами, в связи с отсутствием ассоциативной памяти [4, с. 78–79]. Представители Юго-Восточной Азии (Китай, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и др.) характеризуются некоторой пассивностью выражения мыслей, боязнью потерять лицо, поэтому они активно используют коллективное заучивание материала с опорой на текст, письменную фиксацию, хоровое произношение. Так, школьная система Таиланда организована следующим образом: учебные группы содержат по 35 учащихся и более; используется общеклассное обучение с хоровыми ответами; отсутствуют такие виды работ, как индивидуальная, семинарская, наставниче-

ская; ориентация только на учебник, что снижает авторитет преподавателя, сдерживает развитие творческих способностей учащихся; на всех этапах обучения преподаватель выполняет руководящую и контролирующую роль; учащиеся выполняют пассивную роль в учебном процессе, механически заучивая материал. Студенты из Китая характеризуются развитой интуицией, способностями к запоминанию, классифицированию, зрительным каналом восприятия информации [4, с. 79].

Национально-психологические особенности студентов из стран Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Южной Кореи) были обобщены Н. Ю. Филимоновой и Е. С. Романюк. **Национально-психологические особенности вьетнамских студентов:** проявляют открытость в общении, социально активны, имеют развитое мышление, способны анализировать ситуацию, учебный материал, независимы от преподавателя, однако подчиняются иерархии в своей общине, стремятся достичь результата, ответственны, упорны в достижении целей, самостоятельны в учебе, однако постоянно ориентированы на социальное одобрение, дисциплинированы, точны в выполнении социальных требований, заботятся о репутации, ответственны, обладают адекватной самооценкой. **Национально-психологические особенности китайских студентов:** придерживаются дистанции в общении, обладают привычкой механического заучивания материала, независимы от всех, являются абсолютными индивидуалистами, в социуме проявляют пассивность, полностью самостоятельны в учебе, однако обладают индифферентностью и низким самоконтролем, завышенная самооценка, самоуверенность. **Национально-психологические особенности южнокорейских студентов:** замкнуты, настороженны, неохотно контактируют с окружающими, способны обобщать материал, однако отступают при наличии трудностей, зависимы как от преподавателя, так и от членов своей общины, проявляют низкую (девушки) и среднюю (юноши) социальную активность, сознательны, выдержанны, обязательны, однако ограничены своими целями, стремятся к самостоятельным решениям и действиям, однако для них важно мнение социума, обладают сильной волей, контролем над эмоциями, заботятся о своей репутации, неадекватно низкая самооценка, неуверенность в своих способностях [5, с. 17–18].

Психологические и культурные особенности иностранных студентов из Китая, Вьетнама, арабских стран также исследовались Т. Г. Колосовой. **Характеристики представителей арабских стран:** обладают интровертным мыслитель-

ным типом, деловиты, предприимчивы, честны, порядочны в отношении людей, к которым они проявляют симпатию, нетерпимы к любой форме принуждения, однако поддаются косвенному воздействию на них [6, с. 122–123]. **Характеристики представителей Китая:** интровертны, ориентированы на внутренние личностные факторы; оценивают людей на основе впечатлений о них; придерживаются ценностей своей страны и культуры; репутация крайне значима, является постоянным фактором регуляции поведения и общения [6, с. 123–124]. **Характеристики представителей Вьетнама:** высоко развиты такие качества, как коллективизм, патриотизм, трудолюбие, стойкость, выносливость, целеустремленность, практичность в повседневной жизни, дисциплинированность, сохранение самообладания в критических ситуациях, дипломатичность; воспринимают новые идеи, оставаясь на своих национальных позициях [6, с. 124–125].

С точки зрения С. И. Шевелевой, студенты из Китая и Вьетнама обладают следующими национально-культурными характеристиками: трудолюбивы, дисциплинированы, наблюдательны, любознательны, проявляют упорство в достижении целей, однако замкнуты и сдержанны в проявлении эмоций; обладают развитым чувством коллективизма, стереотипным общинным мышлением, заключающимся в идеях равенства между всеми представителями общества и подчинения индивида группе; низкий уровень адаптивности в незнакомых ситуациях; большое значение придается вежливости, уважению в общении; предпочитают спокойно и молча слушать собеседника, концентрируют внимание на том, что им говорят, не спешат с ответом, не высказывают определенного мнения [7, с. 116–117].

Согласно исследованию Т. Б. Кашпиревой, представители Китая обладают следующими характеристиками: проявляют уважение к старшим, обладают чувством национального достоинства, патриотизмом, спокойствием, позитивной этнической идентичностью. Специфическими особенностями системы образования в Китае являются: авторитарное положение преподавателя, строгое подчинение ему, выполнение всех его требований, отсутствие свободы действий и собственного мнения, чтение и письмо приоритетны в процессе обучения, запись текста в большом объеме и механическое заучивание его; лучше усваивается зрительная информация, чем слуховая [8, с. 20–21].

По мнению С. А. Рыковой, И. Е. Киришевой, социально-культурными и личностными особенностями китайских студентов, обучающихся в российском вузе, являются: склонность к коллек-

тивизму при принятии решений; проявление социально одобряемых эмоций в конфликтных ситуациях; использование стратегии мягкой силы; завышенная самооценка, проявление независимости без достаточного усвоения материала. В связи с авторитарным стилем поведения преподавателей в Китае студенты подвержены пассивному восприятию информации, не склонны участвовать в диалоге с преподавателем, не переходят с ним на позицию равных при общении [9].

На основе изучения специфики эмоционального компонента коммуникации у представителей Латинской Америки и стран Азиатско-Тихоокеанского региона А. В. Зубарева выявляет такую особенность латиноамериканских студентов, как эмоциональность, которая выражается с помощью неотъемлемого элемента испанского языка – междометий, отражающих различные побуждения, чувства и классифицирующихся на определенные группы [10, с. 49]. Представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона характеризуются чутким отношением к потребностям собеседника, сдержанностью в проявлении негативных эмоций (гнева, раздражения), а также несогласия, поскольку выражение негативных эмоций является признаком неумения контролировать себя, кроме того, может оскорбить или унижить собеседника. Однако представители Китая, Вьетнама, Кореи имеют различную степень эмоциональности речевого поведения: корейцы сдержанны в проявлении как положительных, так и отрицательных эмоций; в сравнении с корейцами и китайцами представители Вьетнама не выражают эмоции интенсивно и открыто, чтобы не ставить собеседника в неловкое положение [10, с. 50].

Особенности китайского, вьетнамского, корейского, японского речевого общения были исследованы Т. Е. Владимировой. Так, **китайское речевое общение** характеризуется строгой регуляцией принятых норм этикета, формализацией дружеского общения, умеренностью, подчеркнутым уважением к собеседнику, воздержанием от открытого выражения эмоций, завуалированностью намерений, негативным отношением к абстрактным умозаключениям [11, с. 575]. **Вьетнамское речевое общение** подразумевает соблюдение норм этикета, исключает проявление нетерпимости, эгоизма в беседе, прямолинейности в отношениях, уклонение от прямых оценок, выражения отрицательного отношения; особое значение имеют социальный статус и возраст собеседника [11, с. 576–577]. **Корейская речевая культура** характеризуется учетом возраста, семейного положения, социального статуса собеседника; неиспользованием негативных ответов,

употреблением уклончивых, двусмысленных фраз, что является признаком расположения к собеседнику [11, с. 577–578]. **Японская речевая культура** определяется деликатностью, исключаяющей внесение противоречий в беседу, ненавязчивым, косвенным выражением мыслей, чувств, строгим контролем мимики, использование безличной формы обращения, одобрение или эмоциональное восхищение не принимаются в связи с порицанием непосредственной похвалы собеседника; структура межличностных отношений строго регламентирована с учетом социального статуса, пола, возраста собеседника [11, с. 578–579].

Согласно Е. Н. Резникову, **студенты из стран Латинской Америки** характеризуются следующими этнопсихологическими особенностями: основными ценностями являются семья, положение в социуме, материальное положение, а также национальные и религиозные ценности, такие как приверженность религиозным традициям, обрядам, патриотизм, национальная гордость, свободолюбие, развитое чувство самоуважения, собственного достоинства. Для латиноамериканских студентов характерно независимое, непринужденное, тактичное поведение в процессе общения; обладают готовностью оказывать помощь людям, находящимся в затруднительном положении. Во время обучения за границей склонны формировать сообщества с эффективной системой взаимопомощи и неформальной структурой. Латиноамериканские студенты характеризуются высоким уровнем национального самосознания, адекватной личностной самооценкой, уверенным поведением, конкретным мышлением, отзывчивы, однако у них присутствуют трудности адаптации к длительным психическим нагрузкам (трудовым, учебным). Представители стран Латинской Америки жизнерадостны, оптимистичны, обладают развитым чувством юмора, холерическим типом темперамента, что проявляется в интенсивном выражении эмоций, быстрой речи, активном использовании жестов и мимики, повышенной коммуникабельности, относительно быстрой адаптации к новым ситуациям [12, с. 16, 19, 20].

Национально-психологический портрет китайских студентов, изучающих русский язык, был определен Ю. А. Антоновой: под влиянием принципов Конфуция представители Китая стремятся сохранить репутацию, не принято публично обсуждать неудачи других людей; почти не проявляют речевой инициативы, поскольку опасаются допустить ошибку прилюдно; хорошо выполняют групповые задания, помогая друг другу; выступают в роли пассивно усваивающего

учебный материал объекта; натренированы на заучивание большого объема материала без его анализа и высказывания собственного мнения; многократно записывают и проговаривают материал для его запоминания, предпочитают работать с образцами, в учебном процессе ожидают четких указаний преподавателя, не обладают большой когнитивной гибкостью, не готовы сразу выполнять творческие задания и задания за ограниченный период времени, опасаются отрицательных результатов в новых делах, подвержены мнительности, робости, стеснительности, мыслят конкретно-символически, склонны детализировать, уточнять, поскольку правое полушарие головного мозга, отвечающее за образно-эмоциональное восприятие объекта, является доминирующим [13, с. 163–165].

По результатам исследования специфики **национального коммуникативного поведения представителей Вьетнама** Г. Ю. Тимошенко и Н. В. Федотова выявили ряд их особенностей: в процессе беседы они стараются не смотреть собеседнику в глаза – таким образом проявляют вежливое отношение к людям с более высоким статусом, например к преподавателям; не принято сразу же сообщать о цели беседы, иначе это воспринимается как проявление бестактности; принято выражать отказ в форме мягкого отрицания; считается оскорблением выражать открытое несогласие с собеседником и критиковать его поведение. Представители Вьетнама обладают богатой мимикой, все эмоции отражаются на лице; употребление личных имен ограничено этикетом: допускается использовать имена в кругу родственников, близких друзей, при обращении к младшим; строго соблюдается семейная и родовая иерархия, обязательно проявление вежливости к старшим; запрещено близко подходить к собеседнику, прикасаться к его плечам и голове, чтобы не привлечь к нему различные негативные ситуации [14, с. 87–90].

На основе анализа этносоциокультурных особенностей представителей Японии и Китая А. А. Демин и О. Н. Дунаева дают следующие **характеристики студентов из Китая**: метафорическое, конкретное, образное мышление, целостность восприятия; при объяснении новой информации ссылаются на исторические факты и авторитеты, сложившиеся в социуме; в связи с традицией заучивания больших объемов текста отсутствует навык диалогичного общения с преподавателем, наблюдается неумение выделять наиболее значимую информацию; при общении стремятся показать уважение к собеседнику, вежливость является обязательной, проявляется в почтительном выражении лица; неприемлем

очень громкий разговор; избегают смотреть собеседнику в глаза, поскольку это воспринимается как враждебное отношение [15, с. 76]. **Характеристики представителей Японии:** обладают высокой степенью групповой сплоченности, патриотизмом, дисциплинированностью, преданностью, законопослушностью, а также чувством долга как необходимостью соответствовать определенному социальному эталону, поведение имеет практическую направленность, присутствует стремление к получению образования [15, с. 77].

Таким образом, **основными специфическими национальными, психологическими, культурными, этносоциальными характеристиками иностранных студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона** являются: групповая сплоченность, дисциплинированность, трудолюбие, стремление сохранить репутацию, воздержание от открытого выражения эмоций, пассивное восприятие информации, не высказывают определенного мнения. Среди **национально-психологических особенностей студентов из стран Юго-Восточной Азии** выделяются: высокий уровень развития абстрактного мышления, высокий уровень нравственности, достойное поведение, высоко развиты навыки самоконтроля и дисциплины, склонны к замкнутости, неконтактности, неуступчивости, некоторой пассивности в выражении своих мыслей, спокойно относятся к переменам. **Этнокультурными особенностями студентов из стран Африки** являются: прагматичность, сдержанность, конкретность, соблюдение дистанции в общении с другими иностранными студентами, более медленное обучение, усвоение новых понятий, усиленная реакция в ответ на опасные ситуации, размышления о смысле жизни, склонность к мечтаниям, значительный уровень внутренней жизни, предраспо-

ложенность к тревожности; недостаточно развит навык самоконтроля. **Студенты из стран Латинской Америки** обладают следующими **национально-психологическими характеристиками:** патриотизм, свободолюбие, развитое чувство самоуважения, адекватная личностная самооценка, конкретное мышление, присутствуют трудности адаптации к длительным психическим нагрузкам (трудовым, учебным), интенсивное выражение эмоций, быстрая речь, активное использование жестов и мимики, повышенная коммуникабельность. **Студенты из арабских стран Ближнего Востока** характеризуются следующими **этносоциокультурными особенностями:** коммуникабельность, низкий уровень дисциплинированности, предрасположенность к конфликтам и раздражительности, эмоциональность, экспрессивность, многословие, использование метафор и образности в своей речи, интровертный мыслительный тип, предприимчивость, нетерпимость к любой форме принуждения.

Автор статьи имеет трехлетний опыт работы с иностранными студентами-медиками из стран дальнего зарубежья (Индия, Пакистан, Бангладеш, Египет, Марокко, Кот-д'Ивуар, Нигерия). Приобретенный опыт работы с иностранными студентами-медиками позволяет подтвердить рассмотренные выше национально-психологические и этносоциокультурные особенности иностранных обучающихся. Необходимо отметить, что исследование и учет национальных, культурных, психологических особенностей иностранных студентов из стран дальнего зарубежья позволит организовать эффективный образовательный процесс в российских университетах с использованием подходящих методов, техник и приемов, а также обеспечит успешную академическую адаптацию иностранных граждан.

Список источников

1. Крупнов А. И., Шептура А. В. Психологические различия в проявлении адаптивности у различных групп иностранных студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 3. С. 66–70.
2. Рахимов Т. Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 123–136.
3. Максимчук Е. Д. Особенности межкультурной адаптации иностранных студентов и обоснование выбора методик для ее исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 34–40.
4. Гейченко Е. И., Васецкая Л. И., Хейлик В. Д. Этнопсихологические особенности иностранных студентов и национальные различия их образовательных систем // ScienceRise. 2015. Т. 2, № 1 (7). С. 77–82.
5. Филимонова Н. Ю., Романюк Е. С. Национально-психологические особенности студентов из Китая, Вьетнама и Южной Кореи // Актуальные вопросы профессионального образования. 2019. № 3 (16). С. 15–19.
6. Колосова Т. Г. О некоторых культурных особенностях представителей стран Арабского Востока, Китая и Вьетнама в контексте формирования межкультурной компетентности преподавателя // Полилингвальность и транскультурные практики. 2014. № 3. С. 122–125.

7. Шевелева С. И. Учет национальных особенностей студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 12 (102). С. 115–118.
8. Кашпирева Т. Б. Социально-культурные аспекты обучения русскому языку студентов из КНР в педагогическом вузе // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 19–24.
9. Рыкова С. А., Киришева И. Е. Социально-культурные и личностные особенности социализации иностранных студентов (на примере китайских студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8523> (дата обращения: 13.04.2023).
10. Зубарева А. В., Фролова О. А. К вопросу выражения эмоций в преподавании русского языка как иностранного обучающимся из стран Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 47–51.
11. Владимирова Т. Е. Этнокультурная компетентность преподавателя как актуальная методическая проблема // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15, № 4. С. 573–583.
12. Резников Е. Н. Этнопсихологические характеристики студентов из стран Латинской Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 3. С. 13–20.
13. Антонова Ю. А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 2. С. 161–171.
14. Тимошенкова Г. Ю., Федотова Н. В. Коммуникативно ориентированное изучение иноязычной и родной культур при формировании интегративных коммуникативных умений межкультурного общения // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 4 (18). С. 86–90.
15. Демин А. А., Дунаева О. Н. Этносоциокультурные особенности студентов из стран Восточной Азии обучающихся в российских вузах (на примере Китая и Японии) // Россия – Япония: политика, история и культура: сб. ст. и докл. участников междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 73–78. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/150936> (дата обращения: 15.04.2023).

References

1. Krupnov A. I., Sheptura A. V. Psikhologicheskiye razlichiya v proyavlenii adaptivnosti u razlichnykh grupp inostrannykh studentov [Differences in the manifestation of adaptability in international students]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2014, no. 3, pp. 66–70 (in Russian).
2. Rakhimov T. R. Osobennosti organizatsii obucheniya inostrannykh studentov v rossiyskom vuze i napravleniye yego razvitiya [Features of foreign students training organization at a Russian university and the direction of its development]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2010, no. 4 (12), pp. 123–136 (in Russian).
3. Maksimchuk E. D. Osobennosti mezhkul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov i obosnovaniye vybora metodik dlya yeyo issledovaniya [Features of intercultural adaptation of foreign students and justification of the choice of methods for its study]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 34–40 (in Russian).
4. Geychenko E. I., Vasetskaya L. I., Kheylik V. D. Etnopsikhologicheskiye osobennosti inostrannykh studentov i natsional'nyye razlichiya ikh obrazovatel'nykh sistem [Ethnopsychological features of foreign students and national differences of their educational systems]. *Science Rise*, 2015, vol. 2, no. 1 (7), pp. 77–82 (in Russian).
5. Filimonova N. Yu., Romanyuk E. S. Natsional'no-psikhologicheskiye osobennosti studentov iz Kitaya, V'yetnama i Yuzhnoy Korei [National psychological characteristics of students from China, Vietnam and South Korea]. *Aktual'nyye voprosy professional'nogo obrazovaniya – Current issues of vocational education*, 2019, no. 3 (16), pp. 15–19 (in Russian).
6. Kolosova T. G. O nekotorykh kul'turnykh osobennostyakh predstaviteley stran Arabskogo Vostoka, Kitaya i V'yetnama v kontekste formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentnosti prepodavatelya [About some cultural peculiarities of representatives of the countries of the Arab East, China and Vietnam in the context of the formation of intercultural competence of the teacher]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polylinguality and Transcultural Practices*, 2014 no. 3, pp. 122–125 (in Russian).
7. Sheveleva S. I. Uchyot natsional'nykh osobennostey studentov iz stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Taking into account the national characteristics of students from the countries of the Asia-

- Pacific region when teaching Russian as a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 12, pp. 115–118 (in Russian).
8. Kashpireva T. B. Sotsial'no-kul'turnyye aspekty obucheniya russkomu yazyku studentov iz KNR v pedagogicheskom vuze [Socio-cultural aspects of teaching Russian to students from China at a pedagogical university]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2016, no. 10, pp. 19–24 (in Russian).
 9. Rykova S. A., Kirisheva I. E. Sotsial'no-kul'turnyye i lichnostnyye osobennosti sotsializatsii inostrannykh studentov [Socio-cultural and personal features of socialization of foreign students (on the example of Chinese students of Vladivostok State University of Economics and Service)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2013, no. 1 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8523> (accessed 13 April 2023).
 10. Zubareva A. V., Frolova O. A. K voprosu vyrazheniya emotsiy v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo obuchayushchimsya iz stran Latinskoy Ameriki i Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [On the issue of expressing emotions in teaching Russian as a foreign language to students from Latin America and the Asia-Pacific region]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2016, no. 11, pp. 47–51 (in Russian).
 11. Vladimirova T. E. Etnokul'turnaya kompetentnost' prepodavatelya kak aktual'naya metodicheskaya problema [Ethnocultural competence of a teacher as an actual methodological problem]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polylinguality and transcultural practices*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 573–583 (in Russian).
 12. Reznikov E. N. Etnopsikhologicheskiye kharakteristiki studentov iz stran Latinskoy Ameriki [Ethnopsychological characteristics of students from Latin America]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2009, no. 3, pp. 13–20 (in Russian).
 13. Antonova Yu. A. Natsional'no-psikhologicheskii portret kitayskogo studenta, izuchayushchego russkiy yazyk [National psychological portrait of a Chinese student studying Russian]. *Filologicheskii klass – Philological class*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 161–171 (in Russian).
 14. Timoshenkova G. Yu., Fedotova N. V. Kommunikativno-oriyentirovannoye izucheniye inoyazychnoy i rodnoy kul'tur pri formirovaniy integrativnykh kommunikativnykh umeniy mezhkul'turnogo obshcheniya [Communicative-oriented study of foreign language and native cultures in the formation of integrative communicative skills of intercultural communication]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Topical issues of modern philology and journalism*, 2015, no. 4 (18), pp. 86–90 (in Russian).
 15. Demin A. A., Dunayeva O. N. Etnosotsiokul'turnyye osobennosti studentov iz stran Vostochnoy Azii obuchayushchikhsya v rossiyskikh vuzakh (na primere Kitaya i Yaponii) [Ethnosociocultural features of students from East Asian countries studying at Russian universities (on the example of China and Japan)]. *Rossiya – Yaponiya: politika, istoriya i kul'tura: sbornik statey i dokladov uchastnikov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia – Japan: Politics, history and culture : collection of articles and reports of participants of the international scientific and practical conference]. Kazan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2018. Pp. 73–78 (in Russian). URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/150936> (accessed 15 April 2023).

Информация об авторе

Сидоркина К. С., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Sidorkina K. S., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 19.06.2023; accepted for publication 26.09.2023

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'35

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-77-84>

Способ разграничения слитного, дефисного и раздельного написания географических названий

Надежда Анатольевна Соломка

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, na_solomka@volsu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются трудности, связанные с орфографическим оформлением географических названий. Выявляются имеющиеся на современном этапе развития языка орфографические проблемы написания топонимов, которые связаны и с большим числом географических названий, обладающих разной структурной организацией, и с влиянием на орфографию топонима внеязыковых факторов. Кроме того, выявляются сложности применения некоторых действующих рекомендаций по правописанию топонимов. Объектом исследования является разграничение слитного, дефисного и раздельного написания топонимических единиц. Анализируются зафиксированные в справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации». Полный академический справочник» орфографические правила, которые регулируют написание топонима; при этом выявляются признаки, лежащие в основе названных правил, и сложности, связанные с их применением. По результатам проведенного анализа языкового содержания орфографических правил предпринимается попытка создания порядка определения выбора слитного, дефисного или раздельного оформления топонима. Предложенный алгоритм базируется на алгоритмизированном курсе А. Б. Селезневой «Русская орфография и пунктуация», который используется в Волгоградском государственном университете при изучении орфографии современного русского языка. Алгоритм разделен на четыре части и имеет иерархическую структуру, т. е. решение орфографической задачи выполняется от простого к сложному: в первую очередь предлагается определить или исключить признаки, влияющие на правописание слова, которые не вызывают, как правило, затруднений, после чего переходить к выявлению более сложных критериев. Последний этап предполагает работу с единицами, для которых не прописаны четкие рекомендации, т. е. анализируются топонимы, которые не подчиняются действующим языковым нормам. Содержание правил, регулирующих выбор написания топонима, включено в формулировки орфографических задач алгоритма, которые предполагают выявление формальных элементов в структуре географического названия, расположения компонентов, составляющих языковую единицу, наличия определенных словообразовательных элементов. Актуальность работы обусловлена тем, что при наличии нерешенных проблем орфографии топонимов, связанных со спецификой географических названий и, как следствие, с их кодификацией, предлагается четко структурированный алгоритм разграничения слитного, дефисного или раздельного написания топонимов.

Ключевые слова: орфографическая норма, топоним, орфограмма, слитное написание, дефисное написание, алгоритм

Для цитирования: Соломка Н. А. Способ разграничения слитного, дефисного и раздельного написания географических названий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 77–84. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-77-84>

RUSSIAN LANGUAGE

The way to distinguish between continuous, hyphenated and separate spelling of geographical names

Nadezhda A. Solomka

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, na_solomka@volsu.ru

Abstract

The article deals with the difficulties associated with the spelling of geographical names. The spelling problems of writing toponyms that are available at the present stage of language development are identified, which are associated with a large number of geographical names with different structural organization, and with the influence of

extralinguistic factors on the spelling of the toponym. In addition, the difficulties of applying some of the current recommendations on the spelling of toponyms are revealed. The object of the study is the distinction between continuous, hyphenated and separate spelling of toponymic units. The “Rules of Russian spelling and punctuation” recorded in the reference book are analyzed. Complete academic reference book” spelling rules that govern the spelling of a toponym; at the same time, the signs underlying the named rules and the difficulties associated with their application are revealed. Based on the results of the analysis of the linguistic content of spelling rules, an attempt is made to create a procedure for determining the choice of a continuous, hyphenated or separate design of a toponym. The proposed algorithm is based on the algorithmic course “Russian Spelling and Punctuation” by A. B. Selezneva, which is used at Volgograd State University when studying the spelling of the modern Russian language. The algorithm is divided into four parts and has a hierarchical structure, that is, the solution of the spelling task is performed from simple to complex: first of all, it is proposed to determine or exclude features that affect the spelling of a word, which, as a rule, do not cause difficulties, and then move on to identifying more complex criteria. The last stage involves working with units for which there are no clear recommendations, that is, toponyms that do not comply with the current language norms are analyzed. The content of the rules governing the choice of toponym spelling is included in the formulations of the spelling tasks of the algorithm, which involve the identification of formal elements in the structure of a geographical name, the location of the components that make up a linguistic unit, and the presence of certain word-building elements. The relevance of the work is due to the fact that in the presence of unresolved problems of spelling of toponyms associated with the specifics of geographical names and, as a result, with their codification, a clearly structured algorithm for distinguishing between continuous, hyphenated or separate spelling of geographical names is proposed.

Keywords: *orthographic norm, toponym, orthogram, merged spelling, hyphenated spelling, algorithm*

For citation: Solomka N. A. *Sposob razgranicheniya slitnogo, defisnogo i razdel'nogo napisaniya geograficheskikh nazvaniy* [The way to distinguish between continuous, hyphenated and separate spelling of geographical names]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 77–84 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-77-84>

Введение

Географические названия как языковые единицы, уникальные по происхождению и структурной организации, представляют особый пласт лексики современного русского языка. Они не только называют ту или иную географическую точку, но и несут в себе культурную и историческую информацию. А. В. Суперанская отмечала, что нарицательные существительные представляют «вполне обозримый фонд, которым владеет каждый образованный человек», тогда как топонимы «насчитывают миллионы единиц» [1, с. 5]. При этом носители языка нередко имеют традиционное представление о местных географических названиях, в частности об их орфографическом оформлении, в результате чего написание топонимов, не зафиксированное в орфографических словарях, вызывает ряд трудностей.

Так, с одной стороны, сложность орфографического оформления географических названий обусловлена, во-первых, большим числом топонимов, разнообразных по структуре, во-вторых, влиянием экстралингвистических факторов, в частности традиционных представлений носителей языка о написании топонимов. С другой стороны, трудности написания географических названий связаны с имеющимися орфографическими нормами, регулируемыми правописанием топонимов.

Орфографическое оформление топонимов регулярно освещается в исследованиях лингвистов.

Ученые, анализируя имеющиеся специальные орфографические правила (см., например: [2–6]), выделяют следующие проблемы, связанные с правописанием географических названий:

- нормативность употребления строчной или прописной буквы (см., например: [2, 7–10]);
- разграничение слитного, дефисного и раздельного написания (см., например: [4, 6, 10–12]);
- вариативность языковой нормы при употреблении топонимов в речи (см., например: [4, 6, 10, 11]).

Так, А. В. Барандеев называет следующие актуальные проблемы орфографии топонимов: 1) слитное или дефисное оформление сложных единиц с элементами *Старо-, Ново-, Большие-, Мало-* и т. д.; 2) употребление прописной и строчной буквы; 3) употребление кавычек; 4) употребление буквы *ё*.

Рассматривая первую из названных выше проблем, которая заключается в функционировании структурно сложных единиц, исследователь отмечает, что подобные топонимы, представленные как в слитном, так и в дефисном написании, необходимо оформлять слитно, аргументируя свое мнение лингвистически, а примечание, данное в справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», в котором говорится, что первая часть *Ново-* может писаться и слитно, и через дефис, необходимо признать ненормативным из-за от-

сутствия обоснования [12]. Названная проблема отражена и в исследовании Д. Ю. Ильина и Е. Г. Сидоровой, которое посвящено вариативности употребления топонимов. Ученые, анализируя языковое содержание орфографических правил правописания топонимов, определяют сложности их применения, заключая, что имеющиеся рекомендации по оформлению географических названий нуждаются и в корректировке, и расширении, поскольку, во-первых, для некоторых видов топонимов нет четких рекомендаций, допускается вариативность написания в самих правилах, во-вторых, не все имеющиеся модели географических названий отражены в орфографических правилах [10, с. 618–624].

Вопрос, связанный с употреблением прописной или строчной буквы, также обозначен в названных выше исследованиях, рассмотрев который, Д. Ю. Ильин и С. Г. Сидорова, например, заключают, что проблема выбора прописной и строчной буквы состоит в том, что нет четко сформулированных условий выбора прописной буквы [10].

Таким образом, на современном этапе развития языка действуют орфографические правила, регулирующие написание географических названий, однако их использование вызывает у носителей языка ряд затруднений. Основные проблемы возникают с выбором слитного, дефисного или раздельного оформления сложных названий, а также с употреблением прописной или строчной буквы.

На сегодняшний день основным справочником, в котором прописаны орфографические нормы, регулирующие оформление географических названий, является издание «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (ПАС) [13], который впервые издан в 2006 г.

Объект нашего исследования – одна из основных проблем правописания топонимов, заключающаяся в разграничении слитного, дефисного и раздельного оформления географических названий. Цель нашего исследования – предложить алгоритм определения слитного, дефисного или раздельного орфографического оформления топонимов, учитывая имеющиеся нерешенные вопросы, связанные с правописанием топонимов.

Материал и методы

Разработка порядка выбора слитного, дефисного или раздельного оформления топонима осуществлялась с опорой на алгоритмизированный курс «Русская орфография и пунктуация» [14], который был создан А. Б. Селезневой и используется в Волгоградском государственном

университете при изучении орфографии современного русского языка. В названном курсе орфографические и пунктуационные задачи современного русского языка решаются посредством алгоритма. Если в алгоритмизированном курсе для каждой орфографической задачи дается теоретическая информация (орфографические правила, условия их применения и т. п.) и алгоритм решения, то мы содержание правил (за исключением рассматриваемых на четвертом этапе, о котором будет сказано ниже) включаем в формулировку задач алгоритма.

При создании порядка определения правописания географических названий нами было использовано издание ПАС 2007 г., в котором написание топонимов представлено в следующих разделах: «Правила слитного, дефисного и раздельного написания» (§ 125–127), «Правила употребления прописных и строчных букв» (§ 169–177), «Правила написания аббревиатур и географических сокращений» (§ 209–210).

Результаты и обсуждение

Правила, регулирующие написание географических названий, базируются на разных лингвистических критериях: формальном, семантическом, морфологическом и словообразовательном, что было отмечено и другими исследователями [6, 10, 11]. Так, § 125, а также п. 4 и частично п. 6 § 126 базируются на формальном критерии, поскольку выбор написания топонима зависит от наличия в составе географического названия определенного компонента [13, с. 131–133]; в основе п. 1а § 126 лежит семантический критерий, так как дефисное оформление топонима обусловлено сочетанием двух названий [13, с. 132]; в основе п. 2–3, частично п. 6 § 126 и в § 127 – морфологический критерий: оформление географического названия зависит от грамматической характеристики языковых единиц, составляющих наименование, или частей топонима [13, с. 132–134]; в п. 1б § 126, а также в § 129 и 130 даны рекомендации, в основе которых словообразовательный критерий, так как написание географических названий зависит от их словообразовательных особенностей или наличия в их структуре словообразовательных элементов [13, с. 132, 171–173].

Как было отмечено выше, на написание топонимов оказывают влияние традиционные представления носителей языка. Имеющаяся вариативность при функционировании топонимов, отраженная в исследованиях ученых, например в работах Д. Ю. Ильина и Е. Г. Сидоровой [10, 11], может быть рассмотрена в том числе как результат имеющихся традиционных представлений о

топониме у носителей языка. Признавая значимость кодификации языковой нормы, о которой говорили Л. А. Вербицкая [15], Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова [16], мы разработали алгоритм на основе правил, зафиксированных в ПАС. Существенная проблема, с которой столкнулись при разработке алгоритма, связана с тем, что для некоторых видов топонимов в ПАС «отсутствует необходимая для орфографического правила императивность» [10, с. 620] или рекомендация базируется на другой орфографической проблеме топонимов – выборе прописной или строчной буквы во второй части сложного названия [10, 11]. Пытаясь решить данную проблему, мы разделили алгоритм на части, расположив их по иерархическому принципу и выделив правила, применение которых вызывает затруднения, отдельно.

По результатам анализа языкового содержания имеющихся в ПАС правил был разработан порядок действий, базирующийся на выявленных лингвистических критериях. Алгоритм разделен на четыре основных этапа, на каждом из которых необходимо выявить наличие в структуре географического названия определенных признаков. Рассмотрим принцип организации алгоритма подробнее.

На первом этапе необходимо установить наличие в географическом названии формальных критериев:

1) элементов *-город, -град, -дар, -бург* во второй части топонима [13, с. 131];

2) компонентов *Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-, Бело-, Красно-, Черно-* и т. п. в первой части [13, с. 131];

3) элементов *Верх-, Соль-, Усть-,* а также *Сан-, Сен-, Сент-, Санкт-, Санта-* в первой части [13, с. 132–133].

Так, если слово имеет компоненты, названные в п. 1–2, то топоним оформляется слитно; в п. 3 – пишется через дефис. Исключение составляют языковые единицы: *Китай-город* [13, с. 131], *Сольвычегодск, Сантьяго* [13, с. 132–133]. Несмотря на наблюдаемую вариативность при употреблении топонимов, в структуру которых входят элементы *Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-, Бело-, Красно-, Черно-* и т. п. (см. [10–12]), в нашем алгоритме для географических названий подобного типа прописывается слитное оформление, поскольку за основу берется зафиксированная в ПАС орфографическая норма, регулирующая оформление топонимов. Здесь и далее единицы, орфографическое оформление которых в ПАС прописывается отдельно, даются в виде исключений.

На втором этапе предлагается выявить наличие в географическом названии морфологических критериев:

1) топоним – это сочетание существительного и следующего за ним прилагательного или имени собственного и последующего нарицательного;

2) в состав топонима входит служебное слово (артикл, предлог, частица) [13, с. 133];

3) топоним – это сочетание прилагательного и следующего за ним существительного [13, с. 134].

Если слово имеет структуру, описанную в п. 1–2, то топоним оформляется через дефис; при этом служебное слово выделяется дефисами с двух сторон, если стоит в середине географического названия; если языковая единица соответствует описанию, данному в п. 3, то топоним пишется раздельно.

Исключением являются слова (оформляются слитно), структура которых описана в п. 1: названия северорусских озер, во второй части которых есть слово *озеро*, например: *Выгозеро, Ловозеро* [13, с. 132].

На третьем этапе предлагается определить наличие в географическом названии семантических и словообразовательных критериев:

1) топоним – сочетание двух названий [13, с. 132];

2) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от двух существительных;

3) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от имени собственного, пишущегося через дефис [13, с. 135];

4) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от слов, связанных подчинительной связью;

5) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от слов, связанных сочинительной связью [13, с. 137].

Если географическое название соответствует описанию, данному в п. 1–3, 5, то сложное прилагательное в составе топонима пишется через дефис, если в п. 4 – слитно.

Исключением являются слова: *москворецкий* (от *Москва-река*), *китайгородский* (от *Китай-город*) [13, с. 135].

На четвертом этапе рассматриваются топонимы, для которых, как сказано выше, в ПАС не предлагается единообразного орфографического оформления. На этом этапе разбираются следующие языковые единицы:

1) в первой части которых имеется элемент *Ново-, Северо-, Южно-, Юго-* [13, с. 131–132];

2) с соединительной гласной *о* или *е* [13, с. 132];

3) представляющие иноязычные географические названия, оформляющиеся в соответствии с их написанием в языке-источнике (кроме иноязычных топонимов с компонентами *Сан-, Сен-,*

Сент-, *Санкт*-, *Санта*-, описанных выше и оформляющихся согласно правилам через дефис) [13, с. 133].

Отметим, что сложность оформления топонимов, в структуру которых входят элементы *Ново*-, *Северо*-, *Южно*-, *Юго*- (п. 1), а также иноязычных наименований (п. 3) заключается в отсутствии четких рекомендаций в ПАС, поскольку, согласно правилам, для верного написания иноязычного топонима необходимо найти его оформление в языке-источнике, а слова с элементами, перечисленными в п. 1, оформляются, согласно правилам, как через дефис, так и слитно. Проблема закреплённой в ПАС вариативности не раз рассматривалась исследователями языка. Так, Д. Ю. Ильин и С. Г. Сидорова отмечают, что следствием зафиксированной вариативности является большое количество идентичных топонимов, закреплённых в «Государственном каталоге географических названий» в разном написании [11, с. 124]. А. В. Барандеев, говоря о «неустойчивой орфографии, представленной в широкой практике печати» в слитном и дефисном оформлении, предлагает считать, что топонимы с первой частью *Ново*- необходимо писать слитно, обосновывая свою точку зрения лингвистически: соединения подобных названий представляют подчинительные отношения между частями сложного слова [12, с. 86; 17, с. 55].

Проблема написания географических названий с соединительной гласной (п. 2) состоит в том, что для верного оформления необходимо знать, со строчной или прописной буквы пишется вторая часть топонима [13, с. 171–173], а употребление строчной или прописной буквы во второй части сложного названия является еще одним нерешённым вопросом орфографии топонимов (см., например: [10–12]).

Признавая факт невозможности на современном этапе развития языка решить имеющиеся проблемы, связанные в том числе с зафиксированной в ПАС вариативностью, мы, как отмечено выше, сгруппировали рекомендации, данные в ПАС, от простого к сложному: на первом и втором этапах предлагается определить или исключить наличие формальных и морфологических признаков, которые, как показывают исследования лингвистов [10, 11], вызывают наименьшее число затруднений при выборе слитного, дефисного или раздельного написания географического названия. На третьем этапе орфографическая задача решается с опорой на семантический и словообразовательный признаки, выявление которых вызывает у носителей языка больше затруднений, чем формальный и морфологический критерии [10, 11]. На четвер-

том этапе рассматриваются топонимы, для которых в ПАС нет четких рекомендаций орфографического оформления.

Ниже представлен алгоритм действий при выборе слитного, дефисного или раздельного написания топонима. Варианты отклонений от нормы, зафиксированные в ПАС, даются как исключения. Для географических названий, в написании которых отсутствует единообразие (этап четвертый), предлагается небольшое теоретическое примечание, кроме того, носителю языка рекомендуется обратиться к официальным источникам, в которых зафиксирован топоним, т. е. подобные географические названия приравниваются нами к словарным словам – языковым единицам, которые не регулируются имеющимися орфографическими нормами.

Алгоритм определения слитного, дефисного и раздельного оформления географического названия:

I. Установите наличие в географическом названии элементов:

- 1) во второй части: *-город*, *-град*, *-дар*, *-бург*;
- 2) в первой части: *Старо*-, *Верхне*-, *Нижне*-, *Средне*-, *Ближне*-, *Дальне*-, *Бело*-, *Красно*-, *Черно*- и т. п.;
- 3) в первой части: *Верх*-, *Соль*-, *Усть*-, а также *Сан*-, *Сен*-, *Сент*-, *Санкт*-, *Санта*-.

Если слово имеет элементы, названные в п. 1–2, то топоним оформляется слитно; в п. 3 – через дефис.

Исключения: *Китай-город*, *Сольвычегодск*, *Сантьяго*.

II. Установите частеречную принадлежность слов, входящих в географическое название, и выявите:

- 1) топоним представляет собой сочетание существительного и следующего за ним прилагательного или сочетание имени собственного и последующего нарицательного;
- 2) в составе топонима имеется служебное слово (артикл, предлог, частица);
- 3) топоним – сочетание прилагательного и следующего за ним существительного.

Если слово соответствует п. 1–2, то топоним оформляется через дефис; служебное слово в составе топонима выделяется дефисами с двух сторон, если стоит в середине географического названия; если слово соответствует описанию, данному в п. 3, то топоним пишется раздельно.

Исключение: *Выгозеро*, *Ловозеро* и др. названия северорусских озер, во второй части которых есть слово *озеро*.

III. Установите, соответствует ли географическое название данным ниже характеристикам:

- 1) топоним – сочетание двух названий;

2) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от двух существительных;

3) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от имени собственного, пишущегося через дефис;

4) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от слов, связанных подчинительной связью;

5) в составе топонима есть сложное прилагательное, образованное от слов, связанных сочинительной связью.

Если слово соответствует характеристикам, названным в п. 1–3, 5, то сложное прилагательное в составе географического названия пишется через дефис, если п. 4 – слитно.

Исключения: *москворецкий* (образован от *Москва-река*), *китайгородский* (образован от *Китай-город*).

IV. Выявите, имеются ли у географического названия признаки неединообразного оформления:

1) в первой части топонима имеются элементы *Ново-, Северо-, Южно-, Юго-*;

2) в структуре топонима имеется соединительная гласная *о* или *е*;

3) топоним – это иноязычное географическое название, в котором отсутствуют признаки, указанные в п. I, 3 и II, 2 этого алгоритма (оформляются согласно правилам через дефис).

Географические названия, в которых выявлены перечисленные признаки, пишутся неединообразно:

а) если в слово входят элементы *Ново-, Северо-, Южно-, Юго-* (п. IV, 1) или топоним является иноязычным наименованием (п. IV, 3), рекомендуется уточнить написание, зафиксированное в официальных источниках;

б) если в состав слова входит соединительная гласная (п. IV, 2), определите, со строчной или прописной буквы (см. теоретическое примечание ниже) пишется вторая часть топонима; если со строчной, то пишите слитно, с прописной – через дефис или (при необходимости) уточните написание, зафиксированное в официальных источниках.

Теоретическое примечание:

– со строчной буквы пишутся родовые понятия, служебные слова, языковые единицы *год (года), лет*; остальные слова оформляются с прописной;

– если слово начинается с компонентов *Северо-, Южно-, Юго-, Восточно-, Западно-, Цен-*

трально-, то обе части пишутся с прописной буквы, однако при оформлении топонимов наблюдается как слитное, так и дефисное оформление;

– нарицательные существительные, функционирующие не в обычном для себя значении (*Золотой Рог* – бухта), родовые наименования, не употребляющиеся в русском языке как нарицательные (*Йошкар-Ола*, где *ола* – город), пишутся с прописной буквы [13, с. 171–173].

Заключение

На современном этапе развития языка выявляются нерешенные вопросы, связанные с орфографическим оформлением географических названий. Одной из основных проблем выступает разграничение слитного, дефисного и раздельного написания топонимических единиц. Анализ лингвистического содержания зафиксированных в ПАС правил показал, что, во-первых, имеющиеся в ПАС рекомендации дают вариативность орфографического оформления некоторых видов топонимов, во-вторых, присутствуют рекомендации, применение которых базируется на других орфографических правилах, для которых не прописаны четкие рекомендации.

Предложенный алгоритм по выбору слитного, дефисного или раздельного написания топонимов базируется на правилах, зафиксированных в ПАС. С целью облегчения задачи, связанной с выбором написания топонима, рекомендации, данные в справочнике, включены в структуру алгоритма. Исключение – последний этап алгоритма, на котором рассматриваются рекомендации, применение которых вызывает ряд затруднений, и дается небольшое теоретическое примечание. Поскольку подобные языковые единицы приравниваются нами к словарным словам, для решения задачи предлагается обратиться к официальному источнику, в котором зафиксировано географическое название.

Несмотря на трудности, связанные с определением правописания топонима на последнем этапе алгоритма, в целом предложенный порядок разграничения слитного и дефисного оформления четко структурирован, построен иерархически от простого к сложному, что облегчает решение орфографической задачи. Перспективой нашего исследования является апробация разработанного алгоритма.

Список источников

1. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 185 с.
2. Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Прописные и строчные буквы в географических административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 256–277. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027

3. Барандеев А. В. О пользе новой редакции «Правил русского правописания для орфографии топонимов» // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е. М. Поспелова / отв. ред. А. В. Барандеев. М.: Наука, 2009. С. 207–214.
4. Барандеев А. В. Специфика отражения некорректного статуса географических объектов в орфографии топонимов // Русский язык в школе. 2022. № 83 (4). С. 92–97. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-4-92-97
5. Морозова М. Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е. М. Поспелова / отв. ред. А. В. Барандеев. М.: Наука, 2009. С. 262–276.
6. Сидорова Е. Г. Трудности кодификации географических названий в русском языке (на примере слитно-дефисных написаний) // Грани познания. 2015. № 6 (40). С. 102–106.
7. Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия РАН. Серия: Литература и язык. 2021. Т. 80, № 1. С. 21–41.
8. Дамбуев И. А. Прописная и строчная буквы в официальной топонимии России // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 278–302. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.028
9. Ильин Д. Ю. Употребление прописной буквы в топонимии (проблема совершенствования орфографической нормы). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 148 с.
10. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Вариативность языковой нормы при функционировании топонимов: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (4). С. 615–632. DOI: 10.21638/spbu09.2020.408
11. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Нормы орфографии как компонент топонимической политики // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3. С. 121–132.
12. Барандеев А. В. Актуальные проблемы орфографии топонимов // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 6. С. 85–90. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-85-90
13. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
14. Селезнева А. Б. Русская орфография и пунктуация. Алгоритмизированный курс. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1994. 106 с.
15. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М.: Высшая школа, 1993. 144 с.
16. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСПУС, 2016. 424 с.
17. Барандеев А. В. История топонимов-советизмов // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 53–57.

References

1. Superanskaya A. V. *Chto takoye toponimika?* [What is toponymy?]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 185 p. (in Russian).
2. Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Propisnyye i strochnyye bukvy v geograficheskikh administrativno-territorial'nykh nazvaniyakh: akademicheskiye pravila russkoy orfografii [Uppercase and lowercase letters in geographic administrative-territorial names: academic rules of Russian spelling]. *Voprosy onomastiki – Problems of onomastics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 256–277 (in Russian). DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027
3. Barandeyev A. V. O pol'ze novoy redaktsii “Pravil russkogo pravopisaniya dlya orfografii toponimov” [On the benefits of the new edition of “The Rules of Russian spelling for the spelling of toponyms”]. In: Barandeev A. V. (Executive editor). *Voprosy geografii. Sbornik 132. Sovremennaya toponimika: sbornik statey pamyati E. M. Pospelova* [Questions of geography. Collection 132. Modern toponymy: collection of articles in memory of E. M. Pospelov]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 207–214 (in Russian).
4. Barandeyev A. V. Spetsifika otrazheniya nekorrektnogo statusa geograficheskikh ob'yektov v orfografii toponimov [The specifics of reflecting the incorrect status of geographical objects in the spelling of toponyms]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2022, no. 83 (4), pp. 92–97 (in Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-4-92-97
5. Morozova M. N. Protседura prisyoyeniya ofitsialnoy formy nazvaniyam geograficheskikh ob'yektov [Procedure for assigning an official form to names of geographical object]. *Voprosy geografii. Sb. 132. Sovremennaya toponimika: sbornik statey pamyati E. M. Pospelova. Otvetstvennyy redaktor A. V. Barandeyev* [Questions of geography. Collection 132. Modern toponymy: collection of articles in memory of E. M. Pospelov. Responsible editor A. V. Barandeev]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 262–276 (in Russian).

6. Sidorova E. G. Trudnosti kodifikatsii geograficheskikh nazvaniy v russkom yazyke (na primere slitno-defisnykh napisaniy) [Difficulties in Codifying Geographical Names in Russian (on the Example of merged-separate spelling)]. *Grani poznaniya*, 2015, no. 6 (40), pp. 102–106 (in Russian).
7. Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Lingvisticheskiye osnovy sovremennogo napisaniya toponimov (k teorii orfograficheskogo pravila) [Linguistic foundations of modern spelling of toponyms (on the theory of spelling rule)]. *Izvestiya RAN. Seriya: Literatura i yazyk – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2021, vol. 80, no. 1, pp. 21–41 (in Russian).
8. Dambuyev I. A. Propisnaya i strochnaya bukvy v ofitsial'noy toponimii Rossii [Capital and lowercase letters in the official toponymy of Russia]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 278–302. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.028 (in Russian).
9. Il'in D. Yu. *Upotrebleniye propisnoy bukvy v toponimii (problema sovershenstvovaniya orfograficheskoy normy)* [The use of capital letters in toponymy (the problem of improving the spelling norm)]. Volgograd, VolGU Publ., 1999. 148 p. (in Russian).
10. Il'in D. Yu., Sidorova E. G. Variativnost' yazykovoy normy pri funktsionirovanii toponimov: problemy i protivorechiya [Variability of the language norm in the functioning of toponyms: Problems and contradictions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 615–632 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2020.408
11. Il'in D. Yu., Sidorova E. G. Normy orfografii kak komponent toponimicheskoy politiki [Spelling norms as a component of a toponimic policy]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2021, no. 3, pp. 121–132 (in Russian).
12. Barandeyev A. V. Aktual'nyye problemy orfografii toponimov [Current problems of spelling of toponyms]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2019, vol. 80, no. 6, pp. 85–90 (in Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-85-90
13. *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskyy spravochnik* [Russian spelling and punctuation rules. Complete Academic Handbook]. Ed. V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p. (in Russian).
14. Selezneva A. B. *Russkaya orfografiya i punktuatsiya. Algoritmizirovanny kurs* [Russian spelling and punctuation. Algorithmic course]. Volgograd, Volgogradskiy universitet Publ., 1994. 106 p. (in Russian).
15. Verbitskaya L. A. *Davayte govorit' pravil'no* [Let's talk right]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 144 p. (in Russian).
16. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of standardization of Russian writing]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2016. 424 p. (in Russian).
17. Barandeyev A. V. Istoriya toponimov-sovetizmov [History of toponyms-sovietisms]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2017, no. 11, pp. 53–57 (in Russian).

Информация об авторе

Соломка Н. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Волгоградский государственный университет (пр. Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062).

Information about the author

Solomka N. A., Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Volgograd State University (pr. Universitetskii, 100, Volgograd, Russian Federation, 400062).

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 05.05.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

«Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений

Валентина Даниловна Черняк

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, vdcher@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена активным процессам, наблюдаемым в современной речи, – экспансии отглагольных существительных и массовому распространению универбов. Эти явления обнаруживаются в весьма разнообразных по форме лексических единицах, образованных с помощью различных суффиксов. Материалом статьи являются отглагольные существительные, образованные с суффиксом -к- (*выпечка, запивка, мойка, переноска*), и универбы с омонимичным суффиксом (*молочка, социалка, ветеринарка, нулевка*), вовлеченные в активные процессы лексико-семантического варьирования. Источником материала послужили толковые и словообразовательные словари русского языка, Национальный корпус русского языка, тексты новейшей художественной литературы, записи устной разговорной речи. Широкое распространение отглагольных существительных с типичными метонимическими переносами в этой группе лексики и чрезвычайное распространение, особенно в разговорной речи, универбов – процессы, во многом определяющие динамику лексикона. Регулярность словообразовательных моделей согласуется с регулярностью метонимических переносов. Универбация как активное средство сворачивания неоднословных структур представляет характерное для разговорной речи компрессивное словообразование. Динамика лексических значений отражается в толковых словарях, представляющих словарный состав различных исторических эпох. Среди универбов есть слова, занявшие прочное место в литературном языке (*электричка, мореходка, зачетка*), и лексические единицы, возникшие в разговорной речи в последние годы (*санкционка, удаленка*). Появление специальных словарей универбов дает богатый материал для исследования этого явления как в синхронии, так и в диахронии. Представляет интерес использование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом в современной художественной литературе, где наблюдаются разнообразные формы авторской рефлексии. Проведенное исследование показало коммуникативную значимость двух процессов – образование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом. Обращение к лексикографическим изданиям показывает типичный механизм лексико-семантического варьирования, связанный со стремлением говорящего лаконично передать ту или иную мысль или с помощью одной лексемы обозначить новые реалии.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, отглагольные существительные, универбы, метонимия, узус, языковая мода

Для цитирования: Черняк В. Д. «Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 85–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

“Vypechka” (pastries) and “molochka” (dairy products): vectors of language changes

Valentina D. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, vdcher@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the active processes in modern speech, such as massive spread of univerbated words and verbal nouns. These phenomena can be seen in various lexical forms derived with different suffixes. The data used in the article is verbal nouns derived with suffix -k- (*vypechka, zapivka, moika, perenoska*) and univerbated words with homonymous suffix (*molochka, sotsialka, veterinarka, nulevka*). These two groups of words are involved in active lexical and semantic variation processes. The data source is explanatory and word-formation dictionaries, The Russian National Corpus, latest fiction texts, colloquial speech recordings. *Results and discussion.* The lexicon dynamics is largely determined by two processes – on the one hand, by the wide expansion of verbal nouns with typical metonymic meaning transfer in this lexical group, on the other hand, by the extreme spread of univerbated words, especially in colloquial speech. The regular word-formation models correspond to regular metonymic meaning transfer. Univerbation as a means of folding multiple-word structures represents a compressive word-formation characteristic of colloquial speech. Lexical meaning dynamics is reflected in explanatory dictionaries that

represent vocabulary of various historical periods. Some unverbated words are placed firmly in literary language (*elektrichka, morekhotka, zacetka*), as well as the other have recently appeared in colloquial speech (*sanktsionka, udalenka*). Lately appearing special dictionaries of unverbated words provide rich material for this phenomenon study both in synchrony and in diachrony. What is of particular interest is the use of verbal nouns and unverbated words with the homonymous suffix in modern fiction, where various forms of author's reflection are observed. The conducted research has shown the communicative significance of two processes – the formation of verbal nouns and unverbated words with the homonymous suffix. The appeal to lexicographic publications shows a typical mechanism of lexical and semantic variation associated with the speaker's desire to convey different thoughts concisely or to denote new realities with a single lexeme.

Keywords: compressive word-formation, verbal nouns, unverbated words, metonymy, usus, language fashion

For citation: Chernyak V. D. "Vypechka" i "molochka": vektory yazykovykh izmeneniy ["Vypechka" (pastries) and "molochka" (dairy products): vectors of language changes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 85–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

Введение

Экспансия отглагольных существительных с типичными для этой группы лексики метонимическими переносами и чрезвычайное распространение, особенно в разговорной речи, универбов – процессы, во многом определяющие динамику лексикона современной языковой личности. Для обыденного языкового сознания эти процессы очень похожи, нередко образованные названными способами лексические единицы в повседневной речи употребляются вместе (ср.: «*Купи молочку и какую-нибудь выпечку*»). Одни из подобных лексических единиц давно занимают прочное место в словарях русского языка, другие распространены в узусе, но не зафиксированы в словарях, наконец, многие новообразования относятся к числу окказиональных. Массовое распространение в разговорной речи и отглагольных существительных, и универбов неразрывно связано с фактором языковой моды. Модное слово – «это новый филологический термин, за которым стоит не сухая абстракция, а языковая и жизненная реальность» [1, с. 3; 2; 3].

Материалом статьи являются отглагольные существительные, образованные с помощью суффикса -к-, и универбы с омонимичным суффиксом, вовлеченные в активные процессы лексико-семантического варьирования. Источником материала явились толковые и словообразовательные словари русского языка, Национальный корпус русского языка, тексты новейшей художественной литературы, записи устной разговорной речи, позволившие согласованно использовать дефиниционный и контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

В качестве одного из ведущих процессов, характеризующих современную языковую ситуацию, лингвисты отмечают парадоксальное соединение разнотильных элементов, «глубинное и противоречивое сближение разговорности

и книжности» [4, с. 232], экспансию в различных дискурсивных практиках сугубо разговорных элементов. При этом в современной речи наблюдается постоянное «взаимодействие морфемной и семантической деривации» [5, с. 261], в контексте данной статьи – регулярных словообразовательных моделей и метонимического переноса.

Обратимся прежде всего к отглагольным существительным.

Как отмечает Е. С. Кубрякова в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке», в явлении транспозиции, связывающем слова разных частей речи, «сказывается удивительная способность человека видеть условность границ между процессом, объектом и его свойством и воспринимать различия между ними диалектически, в их противоречивости» [6, с. 159]. В частности, это свойство проявляется в том, что практически от любого глагола можно образовать имя существительное, используя тот или иной суффикс или бессуффиксальный вариант. Е. А. Земская относит этот словообразовательный процесс к одному из наиболее продуктивных [7, с. 219], при этом в группы, образованные по известным словообразовательным моделям, влияет новый лексический материал [8, с. 133], отражающий появление новых реалий, требующий в разговорной речи экононого обозначения.

Отсутствие ограничений обуславливает не только широкое распространение отглагольных существительных, семантически связывающих слова разных частей речи, но и то, что «говорящий все время имеет дело с альтернативными возможностями, он живет в мире вариантов» [9, с. 102], с которыми сталкивается в различных ситуациях. Обратимся лишь к одной, актуальной для Санкт-Петербурга, – разведению мостов. Сравним, как обозначают ее на многих рекламных сайтах для туристов (один из них иронично назван razvodmostov.spb.ru):

1. Невозможно представить себе Петербург без мостов. Всего в городе более 300 мостов, 13 из которых *разводятся*. Примерно с конца апреля по ноябрь месяц начинается период летней навигации. *Развод* мостов в Петербурге – одно из самых красивых зрелищ для гостей города.

2. В 2022 году в Санкт-Петербурге навигация начнется в начале апреля (а пробные *разводки* мостов – с конца марта) и продлится до середины ноября.

3. Официальный старт навигации по Большой и Малой Неве в 2022 году запланирован на 10 апреля. С этой даты *развод* мостов Петербурга осуществляется ежедневно в соответствии с графиком *развода* мостов.

4. Любоваться *разведенными* мостами можно прогуливаясь, лучше – проезжая по набережным: первые четыре моста через Неву *разводятся* в интервале 15–20 минут. Удачное место для наблюдения – Стрелка Васильевского острова – с этой перспективы мы сможем наблюдать *развод* Дворцового и Троицкого мостов. Для тех, кто желает полюбоваться *разведением* только Дворцового моста, опытные туристы предлагают местечко на Васильевском острове, с Университетской набережной в районе Кунсткамеры.

Выбор конкурирующих языковых единиц *развод* – *разводка* – *разведение* диктуется факторами моды и языкового вкуса. Отметим, что еще сравнительно недавно варианты *развод* и *разводка* рассматривались как речевые нарушения, связанные, в частности, с нежелательной контекстуальной многозначностью. Предпочтение отдавалось книжному слову *разведение*, которое сегодня явно отступает на второй план.

Регулярность словообразовательных моделей согласуется с регулярностью в разговорной речи метонимических переносов, о чем еще полвека назад писал Ю. Д. Апресян: «Регулярная многозначность подобна словообразованию в том смысле, что многие ее типы продуктивны» [10, с. 517]. Метонимические переносы являются одним из самых распространенных примеров регулярной многозначности. Как отмечали Дж. Лаккофф и М. Джонсон, метонимия, подобно метафоре, является частью нашего повседневного мышления, основана на опыте, подвергается общим и системным принципам, структурирует наши мысли и действия [11]. При метонимии семантическое поле расширяется вследствие соединения семантического компонента мотивирующего глагола с базовым признаком номинируемой реалии [12].

Приведем лишь несколько из многочисленных примеров: *выпечка* – ‘действие по глаголу *выпечь/выпекать*’ и ‘совокупность выпечных

изделий’; *заварка* – ‘действие по глаголу *заварить/заваривать*’ и ‘разг. количество сухого чая, завариваемого в чайнике за один раз’, ‘прост. заваренный, настоявшийся чай, не разбавленный кипятком’; *запивка* – ‘прост. то, чем запивают что-л. (обычно крепкие алкогольные напитки)’ (отметим, что в этом случае мотивирующее обозначение действия по глаголу *запивать* в речи обычно не используется); *заправка* – ‘действие по глаголу *заправлять/заправить*’ и ‘то, чем заправляют какие-л. блюда, например салаты’; *мойка* – ‘действие по глаголу *мыть*’, ‘машина, приспособленная для мытья’, ‘помещение, пространство, где моют машины’ и ‘раковина на кухне’; *переноска* – ‘действие по глаголу *переносить/перенести*’ и ‘сумка для переноски домашних животных’.

Показательны в контексте актуальных семантических переносов две зафиксированные нами в Новосибирске рекламы: *Поставь брекеты в октябре или ноябре и получи 8 **чисток** бесплатно; Специальный магазин для ресторанов, кафе, ночных баров, **выпечек**, спортивных клубов*. В последнем случае наблюдается двойной метонимический перенос: ‘1. Выпечное изделие. 2. Предприятие, специализирующееся на выпечке и продаже выпечных изделий’.

Отметим сходный по словообразовательному потенциалу суффикс *-лк-*, с помощью которого образуются очень актуальные в современной речи существительные, обозначающие предмет для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом (*зажигалка, копилка, молотилка, поилка, сеялка, цедилка* и т. п.). Например, слово *читалка* приобрело новое значение ‘электронная книга’ (в отличие от старого разговорного ‘читальный зал’), *листалка* (‘навигационное электронное устройство, например в музее’). Интересен пример возможной конкуренции двух номинаций специальной полки, приспособления для сушки посуды – традиционного, зафиксированного в толковых словарях, *сушилка* и нового, разговорного *сушика*:

*Насте нужно было подумать. Совсем немного. Всего пару минут. Поэтому она решила сначала вымыть чашки и джеззу, а уж потом сказать то, что собиралась. Чашки вымыты, поставлены на **сушику**, даже плита протерта влажной тряпочкой. Тянуть дальше повода нет* (Маринина А. Тьма после рассвета).

В приведенных примерах метонимические отношения реализуются внутри определенных когнитивных моделей, отглагольные существительные в соответствии с актуализацией тех или иных семантических компонентов попадают в разные лексико-семантические группы (напри-

мер, группы продуктов питания, предметов домашнего обихода, приспособлений/инструментов для определенных действий). Фактор языковой моды, обуславливающий предпочтительный выбор именно отглагольного существительного, ослабляет механизмы речевого контроля: говорящий использует то, что часто слышит, что позволяет ему экономно и без специальных усилий выразить мысль: «Вариативность языка обуславливают также активные инновационные процессы, происходящие на всех уровнях языковой системы, которые понимаются как процессы пополнения языка новыми элементами, не ставшими еще нормой, но ставшими уже узально-употребительными» [13, с. 9].

Современные лексикографические издания стремятся отразить изменения в семантической структуре слова, однако далеко не всегда успевают зафиксировать постоянно наблюдаемое расширение семантического объема отглагольных существительных. Приведем лишь один пример такой фиксации. В «Толковом словаре русской разговорной речи» [14] у слова *заморозка*, отсутствующего в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [15], выделяются три значения: 1. *Местная анестезия*. 2. *Морозильная камера в холодильнике*. 3. *Замороженные продукты* [14, с. 629]. В качестве иллюстраций в данной словарной статье выступают записи устной речи. Примечательна выделяемая в словаре актуальная для современной лексикографии зона Analog. «Аналоги – это слова, близкие по смыслу данному слову, но не являющиеся его синонимами; типичные аналоги – названия видов предметов, свойств, действий, объединяемые одним родовым понятием» [14, с. 20]. В качестве аналогов к третьему значению приводятся универбы *кондитерка* и *молочка*, что подтверждает органичную связь двух рассматриваемых в данной статье явлений, характерных для разговорной речи.

Остановимся подробнее на процессе универбации, и в этом случае имея в виду лишь один тип универбов – с омонимичным рассмотренному выше формантом *-к(а)*, придающим слову разговорную окраску: *безопаска* – ‘безопасная бритва’, *кондитерка* – ‘кондитерские изделия’, *сувенирка* – ‘сувенирная продукция’, *пятисотка* – ‘пятисотенная денежная купюра’, *побочка* – ‘побочная реакция’, *наземка* – ‘наземный транспорт’, *сменка* – ‘сменная обувь’, *ювелирка* – ‘ювелирные изделия’, *воскреска* – ‘воскресная школа’, *наличка* – ‘наличные денежные средства’, *художка* – ‘художественная школа’, ‘художественная гимнастика’, ‘художественная литература’, *пленарка* – ‘пленарное заседание’, *санкционка* – ‘санкционные продукты, товары’,

социалка – ‘социальная служба’, ‘социальная помощь’ и т. п. О продуктивности этой модели в разных сферах современной жизни свидетельствуют многочисленные номинации, возникающие почти автоматически из составных наименований [16, 17]. Универбация как активное средство сворачивания неоднословных структур представляет характерное для разговорной речи компрессивное словообразование. Результатом универбации является продуцирование семантически сжатых лексем, эквивалентных исходному устойчивому (или тяготеющему к устойчивому) словосочетанию.

Как уже отмечалось, компрессивное словообразование неразрывно связано с лексико-семантическими процессами.

Элементарным примером расширения семантической структуры слова является актуализация лексем *пятерка*, *шестерка*, *семерка*, *восмерка*, и т. п.: с обозначения игральных карт, моделей автомобилей, номеров общественного транспорта в современной речи фокус перемещается на модели мобильных телефонов, создатели которых в описании моделей ограничиваются цифрой и одной-двумя буквами. Динамика значений отражена в толковых словарях, представляющих словарный состав различных исторических эпох: **восмерка** – 2. *Игральная карта, имеющая восемь очков*. 5. *То же, что восьмерик (разг.): упряжка из восьми лошадей в одной запряжке* [18]; **восмерка** – 1. *Название различных видов транспорта, нумеруемых цифрой 8 (трамвай, автобус и т. п. маршрута № 8)* [15]; **восмерка** – (ж. разг.) *легковой автомобиль модели ВАЗ-2108 марки «Жигули», выпускаемый Волжским автозаводом* [19].

Лексическое значение ‘модель мобильного телефона’ еще не зафиксировано в современных толковых словарях, но примеры его актуализации уже встречаются в газетных текстах:

1. *Компактный аппарат от Apple остался с физической кнопкой и внешностью «восмерки», дизайну которого уже 5 лет (iPhone SE с 5G и абсолютно новый Mac // Москва 24. 2022.01).*

2. *Ни обычная **восмерка**, ни **8 Plus** не годятся к использованию – это объективно старые смартфоны (iPhone, которые точно не стоит покупать в 2022 году // Appleinsider.ru. 2021.12).*

Отметим, что наличие в первом примере кавычек является знаком метаязыковой рефлексии, характерной для фиксации новообразований.

Показательно также слово *персоналка*, которое зафиксировано в современной разговорной речи в значениях ‘персональная пенсия’, ‘персональный компьютер’, ‘персональная машина’, ‘персональные данные’, ‘персональная

тренировка' и 'персональная выставка'. Во всех словоупотреблениях сохраняется главный семантический компонент ключевого прилагательного, лежащего в основе универба: *персональный* – 'касающийся только данного человека, **личный**'.

Полирефрентность, как свидетельствуют многочисленные примеры, – отличительная черта многих новообразований-универбов. Приведенные примеры свидетельствуют о распространенности словоупотреблений, в которых один и тот же универб соотносится с широким кругом референтов [20, с. 6]. При этом развитие семантической структуры слова обычно связано с метонимическими моделями, однако слова, называющие далеко разошедшиеся реалии, хотя и связанные с исходным общим семантическим компонентом, позволяют говорить о разошедшейся полисемии и возникновении омонимов. Так, слово *нулевка* в профессиональной речи используется со значением 'нулевая жирность, продукт с нулевым процентом жирности', в спорте – со значением 'нулевая ничья'. В последние годы получило широкое распространение использование слова *нулевка* для обозначения нулевого (подготовительного) класса.

Как показывает материал, одни универбы имеют давнюю историю, прочно закрепились в словарях (ср.: *зачетка, мореходка, коммуналка* и т. п.), другие представлены лишь в словарях неологизмов. Ср.: **УДАЛЕНКА**, и, ж. Разг. 1. Об удаленном (дистанционном) режиме работы в период пандемии; то же, что дистанционка (2). 2. О дистанционном режиме обучения и проведения учебных мероприятий в период пандемии; то же, что дистанционка (1) [21, с. 243].

Большая же часть универбов или их новых значений пока не нашла лексикографической фиксации. Появившиеся в последние годы лексикографические издания [22–25] показывают не только актуальность описываемого в этих словарях явления, но и широту и пестроту языковых фактов, связываемых с понятием «универбы». Обратим внимание на то, что даже в названиях словарей отражена терминологическая пестрота (*универбы, универбаты, конденсаты*). Диффузность, сложность семантики универбов объясняет противоречия в составе словников и в представлении материала в словарях [26]. Подход к лексикографическому описанию осложняется тем, что словари универбов часто описывают реалии, актуальные для конкретного исторического периода, связанные с конкретными историческими событиями/личностями. Ср.: *афганка* – 'афганская куртка, маскировочная армейская одежда'; *брынцаловка* – 'брынцаловская водка, сорт водки, названной по имени В. Брынцалова,

одного из политических деятелей 1990-х гг.', *немцовки* – 'немцовские облигации нижегородского регионального займа, названные по имени руководителя области Б. Е. Немцова'. Эти ушедшие вместе с реалиями лексические единицы подчеркивают кратковременность жизни многих универбов. Словари при этом являются отражением непрерывно меняющейся жизни языка.

Распространены среди универбов и свернутые наименования внутригородских объектов, также описываемые в словарях: названия улиц, бульваров, проспектов, площадей (*Арсенальная улица – Арсеналка*, *Наличная улица – Наличка*, *Лиговский проспект – Лиговка*, *Триумфальная площадь – Триумфалка*), дорог, шоссе (*Московское шоссе – Московка*, *Киевское шоссе – Киевка*, *Рублевское шоссе – Рублевка*, *Ленинградское шоссе – Ленинградка*), станций метро (станция метро «Академическая» – *Академка*, станция метро «Гостиный двор» – *Гостинка*, станция метро «Гражданский проспект» – *Гражданка*), микрорайонов, парков, холмов (*парк Мурунский Ручей – Мурунка*, *Сосновый парк – Сосновка*, *Поклонная гора – Поклонка*). Показательна история слова *Магнитка*. Название Магнитогорского металлургического комбината мотивировало появление существующей уже многие десятилетия номинации *Магнитка*. Позже в разговорной речи жителей региона она стала использоваться как сокращенное разговорное название города. В последние годы этот универб стал официальным обозначением фирменного поезда Магнитогорск – Москва, а также разговорным наименованием местных спортивных клубов.

Отметим, что восприятие универбов – имен собственных зависит от уровня речевой культуры, от языкового вкуса говорящего или слушающего и, конечно, от особенностей коммуникативной ситуации: «Процент стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления достаточно высок», что чрезвычайно затрудняет нормализаторскую деятельность [8, с. 129].

Как уже отмечалось, в связи с семантической неопределенностью и безусловной сниженностью многие из универбов стимулируют языковую рефлексию. Показателен фрагмент эссе писателя В. И. Новикова из его «Словаря модных слов»: «В презренную **“социалку”** выродилось у нас то, что на языке экономики, социологии и ответственной политики именуется социальной сферой. Почему мы прицепили к серьезному и жизненно важному понятию такой же пренебрежительный суффикс, как к какой-нибудь **“сувенирке”** (то есть практически бесполезной ре-

кламной продукции, на которую бездарно тратятся большие средства)? <...> Есть, впрочем, у слова “**социалка**” еще одно значение – социальная реклама. Броские плакаты, радиопризывы, видеоклипы... Вреда от этого, конечно, нет, насчет реальной пользы – судить не берусь. Такая “**социалка**”, по крайней мере, дает возможность подзаработать ее изготовителям и, стало быть, повышает жизненный уровень их семей. <...> В Интернете “**социалками**” все чаще называют “социальные сети”, social networks. И тут такое непафосное слово, по-моему, вполне уместно, тем более, что сетевой мир – среда по преимуществу молодежная» [1, с. 253]. Этот фрагмент в форме языковой рефлексии писателя выразительно демонстрирует особенности универбов: во-первых, показана актуальность этой словообразовательной модели (сопоставление *социалка* – *сувенирка*); во-вторых, показана их семантическая вариативность, многозначность, в-третьих, четко обозначена сфера употребления «непафосных» универбов.

Современные авторы активно используют универбы. Этот материал очень важен для понимания места слов этого словообразовательного типа в современной речи. Как отмечает В. И. Беликов, «языковые инновации зарождаются в повседневном узусе младшего поколения, постепенно проникая в письменные варианты языка, в том числе и в профессиональную беллетристику» [27, с. 75], и вызывая при этом противоречивые оценки [28]. Примечательно, что, предотвращая возникновение возможных коммуникативных неудач, авторы используют семантически согласованный контекст, гиперонимы, синонимы или описательные синонимичные номинации. Часто метаграфическим средством языковой рефлексии являются кавычки. Приведем несколько примеров, выделив курсивом универбы и метаязыковые операторы.

1. *Первым делом **растопила голландку** в коридоре, одним боком выходящую в столовую, а другим в кабинет Павла Егоровича. Голландка была старинная, красивая, с мраморной фигурой в нише. Потом принялась за плиту на кухне. Плита, тоже **царских времен**, всегда капризничала, угаривать ее нужно было, чтоб разгорелась и не дымилась!* (Устинова Т. Девчонки, я приехал).

2. *Мода изменилась – детей отдавали в семь, а то и в восемь. Многие скакали через класс: из третьего сразу в пятый. Позже ввели «**нулевку**» – **нулевые классы**, куда шли шестилетки, но вроде как уже школьники* (Маша Трауб. Второй раз в первый класс).

3. *Жизнь спустилась вниз, под землю, и это тоже было похоже на сон – **библиотеки теперь***

*работали под землей, **Историчка** была на «Белорусской», **Ленинка** – на «Маяковской», они работали в ночные часы, раздавая книги, обслуживая читателей, переживавших бомбежку ночи напролет, под ярким светом люстр* (Минаев Б. Площадь Борьбы).

4. *Это невозможно логически объяснить! Идет **матч**. Напряженнейший! Весь мир следит. Четыре – четыре. Две последние партии остались. Ты играешь белыми. Ты – на подъеме. В предыдущей ты черными в **сицилианке** размала Ли по стене. У тебя **белые**. Добить ее, потом **сделать ничью в последней партии** – и ты снова королева **шахмат*** (Сорокин В. De feminis. Гамбит).

5. ***Футбол смотрите?***

– *Да так, поглядываю.*

– *Неинтересно стало, да? «**Зенит**» всех крушит, уже понятно, кто чемпионом станет.*

– *Да. В общем. Как там «**Торпедо**» ваше? В **вышку** собираются?* (Данилов Д. Саша, привет!).

В заключение приведем еще один пример, в котором представлены оба типа интересующих нас лексических единиц:

*К тому моменту, когда решила **отцепляться**, мне уже было трудно дотянуться до подушки **отцепки**. Центробежная сила сделала руки пудовыми, и только ужас, только острый животный страх заставил меня дотянуться до груди и уже на критической высоте дернуть кольцо **запаски**. И – открылся, потрянув меня, **запасной купол!*** (Рубина Д. Бабий ветер).

Примечательно, что в этом текстовом фрагменте отглагольное существительное *отцепка* и универб *запаска* во избежание коммуникативной неудачи, связанной с восприятием профессионализмов-конденсатов, приводятся вместе с производящими единицами.

Заключение

Проведенное исследование показало коммуникативную значимость в современной речи двух процессов – образование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом. Обращение к лексикографическим изданиям позволяет выявить типичный механизм лексико-семантического варьирования – метонимию, которая вместе с компрессивным словообразованием согласуется со стремлением говорящего лаконично передать ту или иную мысль или с помощью одной лексемы обозначить новые реалии.

Описанные в статье явления, характерные на определенном этапе развития языка для разговорной речи, часто воспринимаются как проти-

воречащие языковой и узуальной норме и вызывают негативные оценки. Принятие или непринятие подобных единиц регулируется языковым вкусом и языковой модой. Со временем языковой отбор определяет место подобных единиц в язы-

ке и характер их лексикографической фиксации. Новейшая отечественная литература демонстрирует типичные для современной речи словоупотребления и сопровождающие языковую рефлексию метаоператоры.

Список источников

1. Новиков В. Л. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2019. 352 с.
2. Вепрева И. Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.
3. Федорова Л. Л. Мода в языке и коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 220–229.
4. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
5. Щербакова Н. Н. Морфемная и семантическая деривация в процессе языковой игры // Лингвистика креатива – 2 / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 259–271.
6. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с.
8. Валгина Н. С. Активные процессы в русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
9. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1984. 228 с.
10. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: Наука, 1971. Т. XXX. Вып. 6. С. 509–523.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82–90.
13. Антропова Л. И. Вариативность языковой нормы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 35 (326). С. 8–10.
14. Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1. 776 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.
16. Дозорова Д. В. Универбация как активный процесс современного словопроизводства // Русский язык в школе. 2013. № 11. С. 29–34.
17. Соколовская Т. Д. Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения). М.: Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2004. 154 с.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. I–IV. 88405 с.
19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 1–2. 1242 с.
20. Ван Циньсян. Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 18 с.
21. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб., 2021. 550 с.
22. Осипова Л. И. Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к(а): словарь-справочник по материалам прессы и лит. 60–90-х годов. М., 2000. 230 с.
23. Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка. Лексико-словообразовательный. Воронеж, Белгород, 2004. 272 с.
24. Химик В. В. Словарь языковой экономии: «Одно слово вместо двух». СПб.: МИРС, 2014. 203 с.
25. Клименко Г. В., Марков Е. М. Словарь универбатов современного русского языка. М.: Академия, 2019. 112 с.
26. Голанова Е. И. Многозначность суффиксальных универбов и ее отражение в ТСРР // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 2. С. 31–36.
27. Беликов В. И. Чуваки унывают, или Реальный способ конкретно отслеживать динамику узуса // Мода в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2014. 341 с.

28. Пахомов В. Молочка, кондитерка, элитка, канцелярка... Почему нас раздражают такие слова? // Сто текстов о языке. М.: Городец, 2021. Кн. 1. С. 158–159.

References

1. Novikov V. *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of fashionable words. The linguistic picture of modernity]. Moscow, Slovart Publ., 2019. 352 p. (in Russian).
2. Veprev I. T., Mustayoki A. *Kakoye ono, modnoye slovo: k voprosu o parametrah yazykovoy modifikatsii* [What is it, a fashionable word: on the question of the parameters of language fashion]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2006, no. 2 (28), pp. 45–62 (in Russian).
3. Fedorova L. L. *Moda v yazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2012, no. 2, pp. 220–229 (in Russian).
4. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action: Essays on Modern Russian Stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p. (in Russian).
5. Shcherbakova N. N. *Morfemnaya i semanticheskaya derivatsiya v protsesse yazykovoy igry* [Morphemic and semantic derivation in the course of a language game]. *Lingvistika kreativnaya-2. Pod obshchey redaktsiyey professora T. A. Gridinoy* [Linguistics of creativity-2. Under the general editorship of prof. T. A. Gridina]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012. Pp. 259–271 (in Russian).
6. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [Role of the human factor in language. Languages and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (in Russian).
7. Zemskaya E. A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye. 3-e izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye* [Contemporary Russian. Word formation]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
8. Valgina N. S. *Aktivnyye protsessy v russkom yazyke* [Active processes in the Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p. (in Russian).
9. Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego* [Speaker Grammar]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1984. 228 p. (in Russian).
10. Apresyan Yu. D. *O regul'yarnoy mnogoznachnosti* [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka. Tom XXX. Vyp. 6* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language. Vol. XXX. Iss. 6]. Moscow, Nauka Publ., 1971. Pp. 509–523 (in Russian).
11. Lakoff D., Johnson M. *Metafor'y, kotorymi my zhivem: perevod s angliyskogo. Pod redaktsiyey i s predisloviyem A. N. Baranova* [Metaphors we live by. Translation from English. Edited and with a foreword by A. N. Baranov]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
12. Chernikova N. V. *Metafora i metonimiya v aspekte sovremennoy neologii* [Metaphor and metonymy in the aspect of modern neology]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 82–90 (in Russian).
13. Antropova I. I. *Variativnost' yazykovoy normy* [Variability of the language norm]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 35 (326), pp. 8–10 (in Russian).
14. *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi. Otvetstvennyy redaktor L. P. Krysin* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 776 p. (in Russian).
15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh. Pod redaktsiyey A. P. Evgen'yevoy* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ed A. P. Evgenyeva]. Moscow, Russkiy yazyk: Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 1. 702 p. (in Russian).
16. Dozorova D. V. *Univerbatsiya kak aktivnyy protsess sovremennogo slovoobrazovaniya* [Univerbation as an active process of modern word production]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2013, no. 11, pp. 29–34 (in Russian).
17. Sokolovskaya T. D. *Aktivnyye protsessy v sovremennoy russkoy rechi (univerbatsiya, kondensatsiya i drugie sokrashcheniya)* [Active processes in modern Russian (univerbation, condensation and other abbreviations)]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2004. 154 p. (in Russian).
18. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Pod redaktsiyey D. N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of Russian Language. Ed D. N. Ushakov]. Moscow, OGIz Publ., 1935–1940. Vol. I–IV. 88405 p. (in Russian).
19. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovno-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: explanatory and derivational]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. Vol. 1–2. 1242 p. (in Russian).
20. Van Tsinsyan. *Russkiye neologizmy-univerby: sposoby obrazovaniya, semantika, osobennosti funktsionirovaniya. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Russian neologisms-univerbs: methods of formation, semantics, features of functioning. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2016. 18 p. (in Russian).

21. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi. Otvetstvennyy redaktor M. N. Priyomysheva* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Saint Petersburg, 2021. 550 p. (in Russian).
22. Osipova L. I. *Novyye slova v russkom yazyke. Suffiksaly'nyye univerby zhenskogo roda s suffiksom -k(a): slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60–90-kh godov* [New words in Russian. Suffixal feminine univerbs with the suffix -k(a): Dictionary-reference book on press materials and literature. 60–90s]. Moscow, 2000. 230 p. (in Russian).
23. Ustimenko I. A. *Slovar' semanticheskikh kondensatov russkogo yazyka. Leksiko-slovoobrazovatel'nyy* [Dictionary of semantic condensates of the Russian language. Lexical and derivational]. Voronezh – Belgorod, 2004. 272 p. (in Russian).
24. Khimik V. V. *Slovar' yazykovoy ekonomii: "odno slovo vmesto dvukh"* [Dictionary of Language Economy: "One word instead of two"]. Saint Petersburg, MIRS Publ., 2014. 203 p. (in Russian).
25. Klimenko G. V., Markov E. M. *Slovar' univerbatov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Univerbats of the Modern Russian Language]. Moscow, Akademiya Publ., 2019. 112 p. (in Russian).
26. Golanova E. I. *Mnogoznachnost' suffiksaly'nykh univerbov i yeyo otrazheniye v TSRR* [The polysemy of suffixal univerbs and its reflection in the Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, no. 2, pp. 31–36 (in Russian).
27. Belikov V. I. *Chuvaki unyvayut, ili Real'nyy sposob konkretno otslezhivat' dinamiku uzusa* [Dudes get discouraged, or a real way to specifically track the dynamics of the usus]. *Moda v yazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication]. Moscow, RSUH Publ., 2014. 341 p. (in Russian).
28. Pakhomov V. *Molochka, konditerka, elitka, kantselyarka... Pochemu nas razdrzhayut takiye slova?* [Milk, confectionery, elite, stationery... Why do we get annoyed by such words?]. Moscow, Gorodets Publ., 2021. Pp. 158–159 (in Russian).

Информация об авторе

Черняк В. Д., доктор филологических наук, профессор, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Information about the author

Chernyak V. D., Doctor of Philology, Professor, Professor, Herzen State Pedagogical University (Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186).

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 10.07.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-84-102>

Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации подтекстовой информации в поэтических текстах И. Ф. Анненского

Максим Владимирович Бондарев¹, Алексей Владимирович Болотнов²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,*

¹ *zoofox@mail.ru*

² *stylistica@tspu.edu.ru*

Аннотация

Изучение подтекстовой информации относится к важным проблемам современной теории текста. Воспринимающему текст адресату важно понимать наряду с фактуальной и концептуальной информацией и подтекст, у которого есть различные средства репрезентации. Анализ разных видов подтекста и средств его явного или косвенного выражения является актуальным для современной лингвистики, так как это связано с проблемой интерпретации текста. *Цель* статьи – выявить идиостилевую специфику выражения подтекстовой информации в ранних стихотворениях поэта-символиста И. Ф. Анненского. Подтекст в творчестве поэта-экзистенциалиста И. Ф. Анненского является недостаточно исследованным. С этим связана актуальность исследования философской лирики автора. В статье использовались такие методы исследования, как контекстуальный и концептуальный анализ, а также семантико-стилистический, биографический. Анализ стихотворений из первого сборника автора «Тихие песни» (1904) позволил выявить подтекстовую информацию и определить средства ее репрезентации с опорой на теорию регулятивности коммуникативной стилистики текста. Установлены некоторые идиостилевые особенности текстов поэта-символиста, отражающие специфику данного литературного направления. В качестве маркеров подтекста в стихах И. Анненского исследованы различные лингвистические и экстралингвистические регулятивные средства и структуры, определены регулятивные доминанты. Как показал проведенный анализ, к лингвистическим средствам и структурам можно отнести названия сборника и поэтических текстов, выбор псевдонима автором, использование тропов и фигур, из которых особенно значимыми для И. Анненского были индивидуально-авторские метафоры, эпитеты, необычная текстовая синтагматика, слова-символы, доминирование антитезы. К экстралингвистическим средствам репрезентации подтекста в лирике поэта отнесены выбор жанра, ритмико-звуковые и рамочные элементы произведения.

Сборник «Тихие песни» И. Ф. Анненского является прекрасным образцом философской лирики. Богатая концептосфера поэта-символиста включает элементы античного миропонимания и экзистенциальной философии. Средства репрезентации подтекста обнаруживают себя в лирике поэта в минимальных единицах (курсив, лексические регулятивы и т. д.) и крупных элементах в рамках общей структуры текста, актуализирующих концепты, хронотоп, аллюзии.

Ключевые слова: *И. Ф. Анненский, подтекст, средства репрезентации, поэт-символист, Серебряный век*

Для цитирования: Бондарев М. В., Болотнов А. В. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации подтекстовой информации в поэтических текстах И. Ф. Анненского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 94–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-94-102>

Linguistic and extralinguistic features of representation of subtextual information in poetic texts of I. F. Annensky

Maksim V. Bondarev¹, Aleksey V. Bolotnov²

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *zoofox@mail.ru*

² *stylistica@tspu.edu.ru*

Abstract

The study of subtext information refers to important problems of modern text theory. Along with factual and conceptual information, it is important for the recipient who perceives the text to understand the subtext, which has various means of representation. The analysis of various types of subtext and the means of its explicit or indirect

expression is relevant for modern linguistics, because it is connected with the problem of text interpretation. The purpose of the article is to identify the idiosyncratic specifics of the expression of subtext information in the early poems of the symbolist poet I. Annensky. The subtext in the work of the existentialist poet I. F. Annensky is insufficiently researched. Related to this is the relevance of the study of the author's philosophical lyrics. The article used such research methods as contextual and conceptual analysis, as well as semantic-stylistic, biographical. The analysis of the poems from the first of the author's first collection "Quiet Songs" (1904) made it possible to identify the subtext information in the author's works and determine the means of its representation based on the theory of regularity of the communicative stylistics of the text. Some idiosyncratic features of the symbolist poet are established, reflecting the specifics of this literary direction. Various linguistic and extralinguistic regulatory means and structures have been studied as markers of subtext in I. Annensky's poems, regulatory dominants have been identified. As the analysis showed, the linguistic means and structures include the names of the collection and poetic texts, the choice of a pseudonym by the author, the use of tropes and figures, of which the author's individual metaphors, epithets, unusual textual syntagmatics, symbol words, the dominance of antithesis were especially significant for I. Annensky. The extralinguistic means of representing the subtext in the poet's lyrics include the choice of genre, rhythmic-sound and frame elements of the work. Collection "Quiet songs" by I. Annensky is an excellent example of philosophical lyrics. The rich conceptual sphere of the symbolist poet includes elements of the ancient worldview and existential philosophy. The means of representation of the subtext reveal themselves in the poet's lyrics in minimal units (italics, lexical regulatives, etc.) and large elements within the general structure of the text, actualizing concepts, chronotope, allusions.

Keywords: I. Annensky, subtext, means of representation, symbolist poet, Silver Age

For citation: Bondarev M. V., Bolotnov A. V. Lingvisticheskiye i ekstralingvisticheskiye osobennosti reprezentatsii podtekstovoy informatsii v poeticheskikh tekstakh I. F. Annenskogo [Linguistic and extralinguistic features of representation of subtextual information in poetic texts of I. F. Annensky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 94–102 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-94-102>

Введение

Проблема восприятия и интерпретации текста всегда была в центре внимания человека. Начиная с восприятия семантики лексических единиц и заканчивая интерпретацией сложных художественных и религиозных, научных и рекламных текстов, человек стремится понять информацию, заключенную в слове. При этом интерпретация текста включает восприятие и толкование как фактуальной информации (выраженной эксплицитно), так и подтекстовой (имплицитной) информации.

Во второй половине XX в. тема подтекста получила широкое освещение в научном мире. Одной из первых к подтексту обратилась Т. И. Сильман (см. работы «Подтекст как лингвистическое явление» (1969); «Подтекст – это глубина текста» (1969)). По мнению исследователя, подтекст представляет собой явление скрытое, рассредоточенное, показывающее себя лишь косвенным образом [1].

Иначе представлена тема подтекста в работе Г. И. Богина, который называет подтекст «идеологически удобным для поэтики социалистического реализма с его установкой на приоритет содержания над смыслом» [2, с. 11].

И. Р. Гальперин считал, что «содержательно-подтекстовая информация» является скрытым смыслом, который извлекается читателем из «содержательно-фактуальной информации» [3].

И. В. Арнольд разграничивала понятия *импликация* и *подтекст*: «Как импликация, так и под-

текст создают дополнительную глубину содержания, но в разных масштабах. В подтексте это дополнительное содержание углубляет сюжет, ведет свою смысловую линию, помогает более полному раскрытию главных тем произведения. Текстовая импликация отражает установку отдельного коммуникативного акта, поступка или действия, составляющих отдельное звено сюжета – эпизод» [4, с. 83–84]. В. А. Кухаренко предлагает отождествлять импликацию и подтекст: «Подтекст (импликация) – это способ организации текста, ведущий к резкому росту и углублению, а также изменению семантического и/или эмоционально-психологического содержания сообщения без увеличения длины последнего» [5, с. 181].

С учетом разных подходов к тексту можно рассматривать подтекст в рамках разных областей знания (географии – «швейцарский» подтекст), религии (христианский подтекст [6], арабо-мусульманский «код»); с учетом специфики восприятия (рациональный и иррациональный подтекст); аспекта рассмотрения (ситуативный и ассоциативный [7], референциальный и коммуникативный подтексты [8]).

Необходимо понимать, что каждый возможный вариант интерпретации подтекстовой информации ведет «к резкому росту и углублению» смысла, который при углублении будет иметь все меньше совпадений среди читателей. [4, с. 83–84].

«Глубина погружения» в подтекст зависит от читателя, его знаний, общей культуры, внимательности и эмоционального настроения. Он как языковая личность становится активным участником чтения, создающим свою интерпретацию художественного мира [9, с. 24].

Можно проследить и глубину подтекста. Литературовед Р. Барт о смысловой глубине текста в известном эссе писал: «...во всех ее повторях и на всех ее уровнях, однако, невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла» [10, с. 390].

Количество потенциально возможных интерпретаций подтекста растет, как и количество их языковых репрезентаций (язык также меняется на всех уровнях). Необходимо учитывать, что каждая следующая репрезентация подтекста не ведет к упрощению понимания художественного произведения, но при этом каждый новый уровень репрезентации подтекста ведет к дроблению смысла, сохраняя облик первоначального смысла, то есть каждая репрезентация подтекста в той или иной степени объективна и субъективна. Эти черты делают подтекст похожим на математическое явление, известное как фрактал (лат. fractus – дробленный). Углубление в подтекст художественного произведения будет приводить к тому, что снова и снова единицы языка и их смысл будут наполняться новым содержанием, которое все же имеет первоначальный облик (однажды бывшее, но воспроизведенное вновь).

Подтекст имеет большой потенциал сохранения любой информации, и, чтобы установить его границы и классифицировать подтекстовую информацию, необходимо опираться на языковые нормы – узус. «Узус – общепринятое употребление слов и выражений в отличие от временного, обусловленного контекстом или индивидуальным употреблением» [11 с. 477]. Реальное словоупотребление может отличаться от общепринятых норм, которые закреплены словарями и другими источниками. Однако индивидуальное словоупотребление представляет собой определенную систему, чего нельзя однозначно сказать о подтексте. И хотя в узком смысле маркеры подтекста не всегда являются индивидуально-авторскими, каждое поэтическое произведение является уникальным как в стилистическом отношении, так и в воплощении подтекстовой информации. Это связано с тем, что языковые средства конкретного произведения «могут быть нетождественными единицам узуса, так как это порождение конкретной текстовой системы, от-

ражающей авторское мировидение, его творческий замысел» [12, с. 19–20].

В качестве маркеров подтекста могут использоваться лингвистические регулятивные средства, с помощью которых «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, стилистические), и экстралингвистические (композиционные, логические, графические) [13, с. 167–168].

Цель статьи – выявить идиостилевую специфику выражения подтекстовой информации в ранних стихотворениях И. Ф. Анненского.

Материал и методы

Материалом данного исследования является поэзия И. Ф. Анненского как предтечи символизма. Представитель философской лирики, поэт-экзистенциалист, И. Ф. Анненский по праву считается глубоким и сложным. Важно отметить и особенности эпохи рубежа веков. Серебряный век – время переломной эпохи, столкновения идей и противоборства человека. Помимо социально-экономических преобразований, происходят глубочайшие духовно-религиозные изменения. Недаром русский философ Н. А. Бердяев говорил о «новом религиозном сознании» эпохи [14]. В этот период происходит становление религиозных и общественных движений, утверждаются новые научные каноны. Перенимаются из-за рубежа и зарождаются разнообразные литературные направления: символизм, футуризм, акмеизм, имажинизм и другие.

В каждом направлении литературы обнаруживаются новые идеи и средства выразительности. Язык художественной литературы расширяется, заимствуя методы из других видов искусства (ср. импрессионизм, футуризм). Утверждаются теории об уникальности поэтического языка (П. Верлен в «Искусстве поэзии» (1874) отделял поэзию от литературы) [15]. Поэтический язык новой эпохи требует новых средств репрезентации художественного мира и скрытого в нем подтекста. Все это определяет актуальность исследования поэтических текстов И. Ф. Анненского как яркого представителя литературы Серебряного века.

В статье использовались такие методы исследования, как контекстуальный и концептуальный анализ, а также семантико-стилистический, биографический.

Знание контекста эпохи, включая особенности разных направлений в искусстве, философских школ, различных творческих методов авторов, помогает читателю в интерпретации подтекста,

но дает ли единственный возможный вариант или увеличивает количество допустимых интерпретаций подтекста? Эстетические каноны различных эпох могут сильно различаться, однако общие черты прослеживаются в генезисе многих творческих методов и направлений.

Концептуальный анализ позволяет смоделировать некоторые ассоциативно-смысловые поля концептов в поэтическом тексте и определить общую концептосферу художественного произведения. Вместе с тем выход в широкий контекст и использование сравнительно-сопоставительного метода расширяет спектр возможных смысловых интерпретаций.

Знание биографических и исторических подробностей текстовой деятельности автора также важно и, безусловно, способствует формированию подтекстовых смыслов при восприятии произведения. Мы сознательно используем слово «формирование», так как можно предположить, что подтекст рождается, когда читатели обращаются к тексту, и продолжает жить в сознании людей в культурном контексте, в общественном мировоззрении. Таким образом, все читатели становятся активными соавторами писателя, ведь если автор неявно выразил реалию художественного мира в тексте (например, через словесное описание), а мы ее представили (например, благодаря аллюзии), то «авторство» подтекста в определенном смысле можно присвоить читателю.

Для изучения подтекста в поэтическом произведении важно использовать семантико-стилистический анализ, учитывая специфику данного типа текста. Как известно, его важной особенностью является эстетическая функция. Языковые средства, в том числе средства лексической регулятивности (как и репрезентированные ими паттерны и фреймы), способны передать читателю/слушателю доминантные эмоции автора. Вызвать эмоции могут как сильные регулятивные средства и структуры, к которым принадлежат тропы и фигуры, так и более крупные элементы других уровней в структуре художественного произведения (в повествовательных текстах наиболее выделяются сюжет и система образов; в лирических текстах – символ и образ; в драматических – ремарки).

Результаты и обсуждение

Для исследования подтекста в лирике И. Ф. Анненского особенно важно учитывать его принадлежность к символизму. Каждое литературное направление отличается своими находками в поиске выразительных средств. «Старшие» символисты уделяли большое внимание настроению и впечатлению («старших» символистов

также называют импрессионистами и декадентами). Младосимволисты выстраивают систему символов, которая, с одной стороны, помогает уйти от эстетического субъективизма, с другой – создает «установку» перед прочтением произведений, что может затруднять вольную интерпретацию художественного текста. Футуристы стремятся обнаружить новые формы во всех сферах искусства. Так, одной из особенностей новаторства поэтов-футуристов является словотворчество (в крайнем проявлении – заумь). Акмеисты, или, как их называл В. М. Жирмунский, «преодолевшие символизм», обратились к обыденным человеческим чувствам, лишенным мистического содержания. Актуализируется идейное противостояние символизма, близкого импрессионистской критике, и футуризма (как направления авангардизма), проявляются декадентские тенденции в искусстве и лирике.

Еще более уникальной является языковая система конкретного поэта. Каждый автор представляет свой опыт, ведь поэтический язык только на базовом – грамматическом и фонетическом – уровне имеет общие закономерности [16]. Нормы словоупотребления, лексическая сочетаемость, порядок слов у каждого поэта являются индивидуальными.

Обратимся к анализу лирики И. Ф. Анненского. Стихотворения из первого сборника автора «Тихие песни» (1904) подписаны псевдонимом Ник. Т-о, который создает определенный подтекст, являясь ребусом и аллюзией к Одиссею. Сборник вышел, когда поэту было почти 50 лет, поэтому называть эти произведения «ранними» сложно, хотя некоторые стихи были написаны задолго до издания сборника. Однако это не мешает проследить развитие художественного видения автора, его приемов.

Псевдоним и название сборника уже настраивают читателя на поиск подтекста в произведениях. Называя сборник музыкальным жанром – песни, поэт подчеркивает его особую лиричность. Эпитет «тихие» также указывает на негласность стихов автора, как и псевдоним. Эта тенденция к тому, чтобы скрыть авторство, легко объяснима, ведь И. Ф. Анненский на момент выхода сборника был директором гимназии в Царском Селе и действительным статским советником, а «Тихие песни» отражали не только лирические взгляды автора, но и некоторые личные биографические подробности. Для состоявшегося человека, действительного статского советника издание сборника чувственных стихов было весьма личным.

Первое стихотворение «Тихих песен» автор называет «Поэзия». Начальное впечатление чи-

тателя весьма предсказуемо: поэт назвал поэзию поэзией. Подобные названия не впервые встречаются в истории литературы. Однако у И. Ф. Анненского в таком названии стихотворения актуализируется смысловая многоплановость стимулированного им образа. Не случайно автор одухотворяет и персонифицирует объект описания, пишет с заглавной буквы местоимения, которые указывают на поэзию, не называя ее (кроме заглавия, слово «поэзия» не встречается в произведении): «...Любить туман *Ее* лучше, Молиться *Ей*, *Ее* не зная...» [17, с. 5].

И. Ф. Анненский преподавал греческий язык и прекрасно знал значение греческого слова (с греч. *poiesis* – «создание, творчество»). Собственно, творчеству и посвящены все произведения сборника. Таким образом, поэт на основе заглавия создает установку на чтение, формируя подтекст. Подтекстовая информация произведения может быть актуализирована в еще большей степени, если обратиться к истории заглавия.

Первый вариант названия сборника – «Утис. Из пещеры Полифема». Утис – от др. греч. *οὐτις* значит «никто». Догадка читателя на основе знания этимологии слова подтверждает связь псевдонима поэта и мифа об Одиссее. Однако в первом стихотворении нет какого-либо упоминания мифа или легендарного героя. И только идейно стихотворение «Поэзия» И. Ф. Анненского связано с мифом о поиске истины. Одиссей – странник, ищущий путь, истину.

Обратившись к истории религии, мы обнаружим, что на вершине горы Синай пророка Моисея постигло божественное откровение, которое потом было отмечено на святых скрижалях – 10 заповедях. Проводя аналогию, можно сделать вывод, что поэзия – это путь поиска истины. Эту гипотезу подтверждают и тенденции романтической философии: «канонизирован неоплатонический миф об „Одиссее“... представляющий путь человечества к самому себе» [18, с. 191].

Таким образом, И. Ф. Анненский оставляет «подсказки» в виде стимулированного названием стихотворения фрейма для актуализации подтекста – поиска истины, однако позже поэт меняет название сборника, связывая с Одиссеем только псевдоним в виде ребуса (на наш взгляд, Ник. Т-о – некая анаграмма имени поэта). Псевдоним – тоже способ актуализации подтекста. Ведь псевдоним – это альтернативное имя, придуманное его носителем и чаще скрывающее его личность. Псевдоним отражает побуждения, почему человек называет себя так. То есть псевдоним – это художественное альтер эго.

Интересно, что в «Поэзии» предлагается искать в океане мутных далей... между заносами

пустынь следы *Ее* сандалий [17, с. 5]. Местоимение означает поэзию. Под образом *океан мутных далей* в подтексте вполне может подразумеваться как психическое явление (стремление к поиску истины), так и языковое (возможность текста формировать различные смыслы).

Таким образом, на основе названия сборника, псевдонима, аллюзии, метафоричности поэт создает фрейм, помогающий читателю актуализировать в подтексте миф об Одиссее на острове Полифема.

Заглавие второго произведения сборника «Бесконечность» представлено как символ. И вновь используется местоимение *Она* – поэзия, но, вопреки ее образу в ранее рассмотренном стихотворении (поиска поэзии *В безумном чаянье святынь*), в этом произведении поэзия – *отрадной ложь*.

Метафора образно актуализирует сущность искусства: «Художник – лжец, но искусство – правда» (А. Моруа). В отечественной словесности эта мысль встречается у А. С. Пушкина – «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» («Золотой петушок»).

И. Ф. Анненским образно описывается «бытие» поэзии во времени, в часах и звездах (*В кругу эмалевых минут / Ее свершаются обеты, / А в сумрак звездами блеснут...* [17, с. 5]), однако момент вдохновения – *светил погасших лик / Остановил для нас течение* – является *Бесконечностью*, которая наполнена молнией мучения – отсутствием вдохновения.

Концепт *творчество* получает здесь художественно-образную конкретизацию, отражая этапы творческого процесса. Образы и идея произведения связаны со стихотворением «Поэзия» и темой поэтического творчества в целом. Благодаря стилистическому приему антитезы как яркой регулятивной структуре в контексте двух стихотворений актуализируется подтекстовая информация, отражающая поиск, творческое озарение, вдохновение и творческие мучения поэта. Словом «Бесконечность» (в тексте записано с заглавной буквы) создается концептосфера, идейно близкая к философии экзистенциализма.

Стихотворение «У гроба» усиливает экзистенциальные мотивы. От конкретных образов быта (...*прибрано. Белеют зеркала... календаря не обрывались дни... тикают еще часы*) и использования канцеляризма (*На консультации... Смерть была*) идея произведения формируется в сознании читателя на основе сопряженности образов лирического я и мертвеца (*В недоумении открыл я мертвеца... Сказать, что это я...*) Здесь же представлены не только метафизические концепты *Тайна бытия* (в тексте записано с

заглавной буквы), но и религиозные (из угла глядит, свидетель агоний). И. Ф. Анненский, зная, безусловно, греческую мифологию, ставит ударение на последний слог, таким образом уводя читателя от интерпретации слова в значении «Агоний» – эпитет 12 главных богов Греции. Однако ударение, скорее, наоборот, привлекает внимание читателя и актуализирует подтекст: вместо греческих богов в стихотворении упомянуты православные образы красного угла. Идейная борьба между греческой мифологией и христианскими концептами остается неразрешенной – *Тайна бытия*.

Концепт борьбы усиливается в противостоянии «двойников». Эта традиционная для литературы тема, отмеченная в произведениях многих классиков (сравним, например: «Двойник» Ф. М. Достоевского, «Двойник» А. А. Блока), находит у И. Ф. Анненского иную интерпретацию. Несмотря на противостояние (*Не я, и не он, и не ты, / И то же, что я, и не то же: / Так были мы где-то похожи, / Что наши смешались черты* [17, с. 7]), в котором местоимениями отмечены три личности, тема разграничения двойничества воспринимается лирическим «я» с сомнением (*И в мутном круженьи годин / Все чаще вопрос меня мучит: / Когда наконец нас разлучат, / Каким же я буду один?* [17, с. 7]). Двойники интерпретируются как составляющие одного целого, и *разлучение* (*смерть*, концептуально связана со стихотворением «У гроба») вопреки традиционной теме двойничества воспринимается, скорее, отрицательно.

Стихотворение «Который?» концептуально связано со многими произведениями как данного поэта, так и многими другими классическими текстами. Здесь раскрывается тема грез, близкая теме творчества, заявленной в стихотворении «Поэзия».

Важно отметить, что местоимение «я» повторяется в произведении шесть раз, что актуализирует в подтексте идею поиска собственного я. В стихотворении вновь актуализируются концепты *сомнение* и *мучение*: *Откинув докучную маску, / Не чувствуя уз бытия, / В какую волшебную сказку / Вольется свободное я!* [17, с. 9], упомянутые ранее в стихотворении «∞», «Дробимый молнией мученья...» [17, с. 7]), в «Двойнике» (*В сомненьи кипит еще спор... Все чаще вопрос меня мучит...*). Вместе с тем концепты «Тихих песен» часто образуют антитезу (здесь *Смерть была...* [17, с. 7] – *...дыханье, / Бой сердца* [17, с. 7]), что усиливает подтекст.

Конечно, нельзя не обратить внимание на нетипичные метафорические образы художественного мира И. Ф. Анненского, создаваемые не-

обычной текстовой синтагматикой (*...лилий праздного венца* [17, с. 5]; *В кругу эмалевых минут...* [17, с. 6]; *...Смерть была / И дверь после себя оставила открытой...* [17, с. 7]; *...бреда цветы* [17, с. 9]; *...на факел мой дохнула* [17, с. 11]; *Тупые звуки вспышек газа...* [17, с. 14]).

Таким образом, антитеза и метафора являются доминантными регулятивами среди тропов и фигур. Метафора как «царица тропов» занимает важное место в чувственной лирике поэта-символиста. Использование же антитезы обусловлено мировоззрением И. Ф. Анненского, которое частично нашло отражение в статье: «Ужас и сострадание, которые еще Аристотель за 22 века до нашего времени определил как два главных трагических элемента, являются на двух полюсах художественной скалы наших ощущений: в ужасе более, чем в каком-либо другом чувстве, для человека весь мир сгущен в какой-то призрак, грозящий именно ему. В сострадании как раз наоборот: человек совершенно забывает о своем существовании, чтобы слить свое истстрадавшееся я с тем не-я, которому это страдание грозит» [19, с. 156]. Очевидно экзистенциальное мировоззрение поэта, абсолютизирующее мир между двумя полюсами: ужасом и состраданием. При этом важнейшим способом познания этого мира у поэта являются ощущения, которые соотносимы с базовыми эмоциями.

Именно сложными интерпретациями ощущений обусловлен подтекст «Тихих песен». Поэт-символист не только использует индивидуально-авторские метафоры и символы, но и обращается к синестезии, которая проявляется в эклектичности образов и цветописи: *Что безвозвратно синева, / Его златившая, поблекла... / Что только зарево едва / Коробит розовые стекла* [17, с. 15]. В данном стихотворении – «Май» – насчитывается более десяти колоративов, которые часто встречаются не только в стихах И. Ф. Анненского («Сентябрь», «Ноябрь» (Сонет), «Ветер» [18]). Они в целом характерны для всей поэзии символистов (ср. лирику П. Верлена, А. Рембо, А. А. Блока).

Важно отметить выбор жанра как экстралингвистического средства актуализации подтекстовой информации. Безусловно, название жанра можно отнести и к лингвистическим средствам регулятивности. Однако, следуя концепции «форма определяет содержание», не отрицая обратного, рассмотрим особенности жанра как экстралингвистического средства репрезентации подтекстовой информации.

До работы над «Трилистниками» (уникальными объединениями, включающими по три стихотворения в сборнике «Кипарисовый ларец»

(1910)) И. Ф. Анненский предпочитал жанр *стихотворения*, редко обращаясь к *сонетам* или другим поэтическим жанрам. Однако в «Тихих песнях» встречаются и нетипичные поэтические формы. Например, в произведении «На пороге» автором дан подзаголовок – *Тринадцать строк*. Стихи содержат две строфы, в которых события делятся на до и после посещения музой. Ощущения и образный строй строф противопоставлены друг другу. Перед нами снова антитеза.

Интересен и способ рифмовки данных строф (а-Б-а-Б-Б-а и в-в-Д-в-Д-в-Д), представляющий сочетание перекрестной и смежной рифмовки. Важно отметить, что рифма актуализирует подтекст по вертикали в отличие от прозаического «горизонтального» текста. В результате читатель невольно сопоставляет стихи с одинаковой рифмой.

Весьма философично и заглавие «На пороге». Позже М. М. Бахтин в качестве частного хронотопа выделит *порог* как кризисное или переломное состояние. Хронотоп как особая смысловая структура основан на репрезентации эксплицитной и имплицитной информации. Образность и содержательность *порога* весьма заметны, что отражено в русском языке в качестве пословиц и поговорок: *Порог поскребла да пирог испекла; Кто на порог мертвым войдет, живым уже не уйдет*. В произведении поэта-символиста И. Ф. Анненского порог выполняет ту же функцию, что позже была описана М. М. Бахтиным в хронотопе.

Заключение

В. В. Виноградов подчеркивал важность формы художественного произведения в контексте расширения смысловой емкости текста [20]. Проведенный анализ лирики И. Ф. Анненского показал, что жанр, ритмико-звуковые и рамочные элементы произведения репрезентируют некую совокупность имплицитной информации – *фрейм*, который актуализирует в сознании читателя подтекст.

Наряду с лингвистическими регулятивными средствами и структурами разных типов, включая названия сборников и поэтических текстов, выбор псевдонима автором, использование тропов и фигур, из которых особенно значимыми для И. Ф. Анненского стали индивидуально-

авторские метафоры, необычная синтагматика, слова-символы, доминирование антитезы, поэт часто использует и экстралингвистические средства репрезентации подтекста. Регулятивные средства представляют собой градацию от малых средств (регулятивы) к крупным целым, актуализирующим фреймы. Средства репрезентации подтекста обнаруживают себя в минимальных единицах (курсив, лексические регулятивы и т. д.) и крупных элементах в рамках общей структуры текста, актуализирующих концепты, хронотоп, аллюзии.

В целом важнейшим этапом исследования подтекста является разграничение и классификация средств его репрезентации, а также способ выявления данных единиц. Эта задача весьма сложна, во-первых, в силу абстрактности подтекстовой информации. Во-вторых, в связи с особенностями актуализации подтекста в каждом частном случае, ведь каждый читатель – языковая личность со своими культурными и психическими установками. Заметим, что лингвистические средства репрезентации подтекста зачастую являются отдельными единицами, составляющими целое. А целое часто выражается экстралингвистическими средствами.

Важна не только актуализация подтекстовой информации, но и понимание эмотивных функций текста, учитывая специфику лирики. Сборник «Тихие песни» И. Ф. Анненского является прекрасным образцом философской лирики с глубоким эмотивным и ассоциативным содержанием. Концептосфера поэта-символиста включает элементы античного миропонимания и экзистенциальной философии. Принимая во внимание особенности символизма как модернистского направления, необходимо учитывать тонкую связь между миром идеальным и миром действительным. Сам поэт так описал эту сущность миропонимания, частично отраженную в художественных текстах: «Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки один от другого, и в творении один только человек является их высоко-юмористическим (в философском смысле) и логически-непримиримым соединением» [19, с. 217].

Подтекст представляет интерес как триггер поведенческой реакции читателя на текст и требует дальнейшего изучения.

Список источников

1. Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1969. № 1. С. 27–29.
2. Богин Г. И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста (для занимающихся иностранной филологией) (рукопись). URL: https://xstud.ru/138307/lingvistika/metodologicheskoe_posobie_po_interpretatsii_hudozhestvennogo_teksta (дата обращения: 15.07.2023).

3. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. М.: Высшая школа, 1974. 174 с.
4. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–90.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
6. Бахтин М. М. Проблема текста // Собр. соч.: в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 306–328.
7. Голякова Л. А. Проблема подтекста в свете современной научной парадигмы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). С. 93–97.
8. Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: УРСС: КомКнига, 2005. 304 с.
9. Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С., Смирнов А. А. История зарубежной литературы: Средние века и Возрождение: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1978. 415 с. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/alekseev-izl-svv/index.htm> (дата обращения: 15.07.2023).
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
11. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
12. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
13. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. 384 с.
14. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции / сост., комм. В. В. Сапова. М.: Канон+, 1998. 400 с.
15. Брюсов В. Полюс Верлен и его поэзия // De visu. М., 1993. № 8. С. 35–49.
16. Вершинина Н. Л., Волкова Е. В., Илюшин А. А. и др. Введение в литературоведение. Лекции: учеб. для вузов / под общ. ред. Л. М. Крупчанова. М.: Оникс, 2009. 416 с.
17. Анненский И. Ф. Впервые – в книге Ник. Т-о. Тихие песни. С приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые». СПб.: Т-во худ. печати, 1904. 134 с.
18. Виноградский И. Теодиссея Жуковского: гомеровский эпос и революция 1848–1849 годов // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2). С. 171–193.
19. Анненский И. Ф. Книги отражений / изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Фёдоров. М.: Наука, 1979. 691 с.
20. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.

References

1. Sil'man T. I. Podtekst kak lingvisticheskoye yavleniye [Subtext as a linguistic phenomenon]. *Filologicheskiye nauki – Philological sciences*, 1969, no. 1, pp. 27–29 (in Russian).
2. Bogin G. I. *Metodologicheskoye posobiye po interpretatsii khudozhestvennogo teksta (dlya zanimayushchikhsya inostrannoy filologiyey) (rukopis')* [Methodological guide to the interpretation of a literary text (for those engaged in foreign philology) (manuscript)] (in Russian). URL: https://xstud.ru/138307/lingvistika/metodologicheskoe_posobie_po_interpretatsii_hudozhestvennogo_teksta (accessed 15 July 2023).
3. Gal'perin I. R. *Informativnost' yedinitz yazyka. Posobiye po kursu obshchego yazykoznaninya* [Informativeness of language units. Manual on the course of general linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 174 p. (in Russian).
4. Arnol'd I. V. Implikatsiya kak priyom postroyeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya [Implication as a method of constructing a text and the subject of philological study]. *Voprosy yazykoznaninya*, 1982, no. 4, pp. 83–90 (in Russian).
5. Kukhareno V. A. *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow, Enlightenment Publ., 1988. 192 p. (in Russian).
6. Bakhtin M. M. Problema teksta [The problem of the text]. In: *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh. Tom 5* [Collected works in 7 volumes. Vol. 5]. Moscow, 1996. Pp. 306–328 (in Russian).
7. Golyakova L. A. Problema podteksta v svete sovremennoy nauchnoy paradigmy [The problem of subtext in the light of the modern scientific paradigm]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, vol. 5 (56), pp. 93–97 (in Russian).
8. Dolinin K. A. *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2005. 304 p. (in Russian).
9. Alekseyev M. P., Zhirmunskiy V. M., Mokul'skiy S. S., Smirnov A. A. *Istoriya zarubezhnoy literatury: Sredniye veka i Vozrozhdeniye: uchebnoye posobiye dlya filologicheskikh spetsializirovannykh universitetov i pedagogicheskikh institutov* [The

History of Foreign Literature: The Middle Ages and the Renaissance: textbook for philological specialized universities and pedagogical institutes]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978 (in Russian). URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/alekseev-izl-svv/index.htm> (accessed 15 July 23).

10. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (in Russian).
11. Yevgen'yeva A. P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Edited by A. P. Evgenieva Moscow, Russkiy yazyk; Polygrafresursy Publ., 1999. 702 p. (in Russian).
12. Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta: uchebnoye posobiye* [Philological analysis of the text: textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p. (in Russian).
13. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
14. Berdyayev N. A. *Dukhovnyy krizis intelligentsii* [Spiritual crisis of the intelligentsia]. Compilation and comments by V. V. Sapov. Moscow, Canon+ Publ., 1998. 400 p. (in Russian).
15. Bryusov V. Pol' Verlen i yego poeziya [Paul Verlaine and his poetry]. *De visu*. Moscow, 1993, no. 8, pp. 35–49 (in Russian).
16. Vershinina N. L., Volkova Ye. V., Ilyushin A. A. et al. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Lektsii: uchebnik dlya vuzov* [Introduction to literary criticism. Lectures: textbook for universities]. Under the general editorship of L. M. Krupchanov. Moscow, Oniks Publ., 2009. 416 p. (in Russian).
17. Annenskiy I. F. *Vpervyye – v knige Nik. T-o. Tikhiye pesni. S prilozheniyem sbornika stikhotvornykh perevodov "Parnasty i proklyaty"* [For the first time – in the book Nick. T-o. Quiet songs. With the appendix of the collection of poetic translations "The Parnassians and the damned"]. Saint Petersburg, T-vo khud. pechati Publ., 1904. 134 p. (in Russian).
18. Vinitskiy I. Teodissey Zhukovskogo: gomerovskiy epos i revolyutsiya 1848–1849 godov [Zhukovsky's Theodyssey: the Homeric epic and the revolution of 1848–1849]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2003, no. 60 (2), pp. 171–193 (in Russian).
19. Annenskiy I. F. *Knigi otrazheniy*. Izdaniye podgotovili N. T. Ashimbayeva, I. I. Podol'skaya, A. V. Fyodorov [Books of Reflections. Edition prepared by N. T. Ashimbayeva, I. I. Podolskaya, A. V. Fedorov]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 621 p. (in Russian).
20. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy: izbrannyye trudy* [About the language of fiction: selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (in Russian).

Информация об авторах

Бондарев М. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Bondarev M. V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Bolotnov A. V., Doctor of Philology, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 10.08.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-103-110>

Содержание и средства репрезентации концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет

Ольга Викторовна Исаева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, solvayg@mail.ru

Аннотация

Одним из ключевых концептов в лирике Н. А. Заболоцкого является концепт «любовь». Его наиболее яркое проявление исследователи отмечают в поздней лирике поэта, однако на раннем этапе творчества, в циклах «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы», концепт «любовь» также присутствует, но служит общему замыслу автора показать бездуховный и распушенный мир нэпа, поэтому приобретает необычные формы вербализации и имеет своеобразное содержание. Цель работы – выявление особенностей содержания и способов репрезентации концепта «любовь» на раннем и позднем этапах творчества Н. А. Заболоцкого. В статье приводятся результаты анализа стихотворений Н. А. Заболоцкого разных лет, включающих концепт «любовь». Используются биографический, семантико-стилистический, контекстологический, сравнительно-сопоставительный, а также концептуальный методы, которые позволяют раскрыть особенности содержания, репрезентации и восприятия читателем концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого. Анализ стихотворений позволил выявить и сформулировать особенности содержания и структуры концепта «любовь» в поэтических текстах Н. А. Заболоцкого. Тяжелое для поэта время нэпа повлияло на его творчество: в своих первых циклах «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы» автор создает перевернутый, «вывернутый наизнанку» мир, в котором любовь существует только в виде плотской страсти и распушенности. Женщина как предмет любовных воздыханий в этом мире отсутствует, есть только «не то сирены, не то девки» и «бабы». В поздний период, в связи с увлеченностью Н. А. Заболоцкого философскими идеями, концепт «любовь» видоизменяется как в содержательном отношении, так и в способах репрезентации. На первый план выходит женщина и жена как объект любви, а чувство становится глубоким и чистым. Анализ лингвистических и художественных особенностей лирики Н. А. Заболоцкого разных лет позволил сформулировать особенности трансформации концепта «любовь» в ранней и поздней лирике автора. Полученные результаты значимы для исследования динамики поэтической картины мира Н. А. Заболоцкого.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, ключевое слово, ассоциативно-смысловое поле, стилистический прием

Для цитирования: Исаева О. В. Содержание и средства репрезентации концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 103–110. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-103-110>

The content and instruments of representation of the concept “love” in Zabolotsky’s lyrics of different years

Olga V. Isayeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, solvayg@mail.ru

Abstract

The concept of love is one of the key concepts in N. A. Zabolotsky’s lyrics. Outstanding manifestation of the concept of love researches noticed in the late poet’s lyrics, however, in the early period of creation, in the cycles “City columns” and “Mixed Columns” the concept of “love” is also in the picture but used for the main writer’s idea to show the spiritless and spoiled world of NEP, that’s why it acquires unusual forms of verbalization and peculiar content. The purpose of the article is to identify the features of the content and ways of representing the concept of “love” at the early and late periods of N. A. Zabolotsky’s creativity. The article represents the results of the analysis of N. A. Zabolotsky’s poems of different years, including the concept of “love”. Biographical, semantic-stylistic, contextual, comparative, as well as conceptual methods are used, which allow revealing the features of the content, representation and perception of the concept of “love” in N. A. Zabolotsky’s lyrics by the reader. The analysis of the poems made it possible to identify and formulate the features of the content and structure of the concept of “love” in the lyrics of N. A. Zabolotsky. The difficult period of New Economic Policy had an affect at his creativity: in his first

cycles “City Columns” and “Mixed Columns”, author creates an inverted, “turned inside out” world in which love exists only as animal passion and immorality. There is no woman as an object of love in this world, there are only “either sirens, or girls” and “women”. In the later period, due to N. A. Zabolotsky’s passion for philosophical ideas, the concept of “love” was modified both in terms of content and in methods of representation. In the later period, due to N. A. Zabolotsky’s passion for philosophical ideas, the concept of “love” was modified both in terms of content and in methods of representation. A woman and a wife comes to the first level as an object of love, and feeling becomes deep and pure. The analysis of stylistic, linguistic and artistic features of N. A. Zabolotsky’s lyrics of different years allowed us to formulate the peculiarities of the transformation of the concept of “love” relative to the early and late periods of creativity.

Keywords: concept, art concept, language element, associative-semantic area, stylistic method

For citation: Isaeva O. V. Soderzhaniye i sredstva reprezentatsii kontsepta “lyubov” v lirike N. A. Zabolotskogo raznykh let [The content and instrument of representation of the concept “love” in Zabolotskiy’s lyrics of different years]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 103–110 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-103-110>

Введение

В поэтической картине мира Н. А. Заболоцкого одним из ключевых является концепт «любовь». Наряду с традиционными для русской поэзии концептами «жизнь», «смерть», «творчество» он представляет интерес для изучения идиостиля автора и особенностей его поэтического мышления в связи с частотностью использования и важностью для понимания в целом концептуальной картины мира поэта.

Концепт «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого наиболее ярко проявляется в позднем периоде творчества. Некоторые исследователи, среди которых Т. В. Мосейчук, Е. В. Туктангулова, отмечают, что в ранней лирике поэта, главным образом в цикле «Городские столбцы» (1926–1930), концепт «любовь» проявляется в зачаточном состоянии [1, с. 201] либо отсутствует полностью [2, с. 204]. Поэтический мир «Городских столбцов» отражает хаос, безумие, перевернутый мир. Однако концепт «любовь», как и концепт «красота» [3], без сомнения, представлены в поэтике «Городских столбцов», хотя и в малом объеме и в искаженном виде, т. е. имеют образное воплощение, далекое от привычного понимания. Поэтому важно рассмотреть не только содержание и структуру концепта «любовь» на разных этапах творчества поэта, но и проследить видоизменение данного концепта в идиостиле Н. А. Заболоцкого.

Целью работы является изучение содержания и языковых особенностей репрезентации концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого, а также выявление динамики содержания концепта и его вербализации в разные периоды творчества поэта.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили лирические произведения Н. А. Заболоцкого 1926–1958 гг. [4]. Этот исторический отрезок охватывает два периода творчества поэта: ранний

(1920-е – начало 1930-х гг.) и поздний (конец 1930-х – 1950-е гг.) [1, 2]. Концепт «любовь» представлен в разные периоды творчества Н. А. Заболоцкого, отражая исторические события эпохи, личные обстоятельства и философские взгляды автора.

В ходе исследования нами применялись такие методы, как биографический, семантико-стилистический, контекстологический, сравнительно-сопоставительный, а также концептуальный. Это позволило выявить особенности лексической структуры концепта «любовь» в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет.

Результаты и обсуждение

Ранняя лирика Н. А. Заболоцкого представлена главным образом циклами «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы». В этот период поэт находится под тяжким впечатлением от всепоглощающего господства нэпа. Н. А. Заболоцкому чужд новый мир, полный дельцов и предпринимателей, стремящихся к наживе, теряющих моральный облик и забывающих о духовных ценностях. В своей лирике поэт стремится обличить новый уклад. Поэтому мир, созданный автором в «Столбцах», – «мир мещанства, мир вещей, физиологии, страшный своим единообразием, будничной обыденностью, мир стандартности поступков и даже движений» [5, с. 8]. Красоте и любви в привычном понимании здесь нет места, но они все же присутствуют в гротескном и абсурдном художественном мире «Столбцов», хотя и мало похожи на то, какими читатель привык их видеть. Так, концепт «любовь» в «Столбцах» представлен редко, автор всякий раз подчеркивает несостоятельность этого чувства в окружающем абсурдном мире, образно воссозданном поэтом. Все духовное, возвышенное здесь отсутствует. Женский пол, извечный предмет любви и восхищения, в ранней лирике Заболоцкого предстает совсем в ином свете. Это или «бабы тол-

сты, словно кадки» («На рынке»), или даже не женщины вовсе, а сирены, стремящиеся очаровать мнимой любовью случайных путников: «Сирена бледная за стойкой / Гостей попотчует настойкой» («Вечерний бар»), «Стоят волшебные сирены / В клубках оранжевых волос» («Ивановы»). Часто в «Столбцах» представительницы женского пола пренебрежительно названы «девками» (см. стихи «Народный дом», «Начало осени», «Ивановы» и др.): «и этих девок упокой / на перекрестке вверх ногами» («Ивановы»). Здесь распутство, тяга к любви плотской, а не духовной горячо порицаются поэтом. Такую «любовь» он призывает похоронить, да еще и на перекрестке, который в фольклорных традициях считается нечистым и колдовским. Здесь слышатся отголоски борьбы со злом в виде языческих обрядов. Согласно словарю символов, перекрестки были «местом поклонения, предсказаний, жертвоприношений, а также исполнения наказаний, казней и захоронения тех, от кого общество хотело бы избавиться навсегда» [6].

Женщины не только неприглядно охарактеризованы в «Столбцах», но и упоминаются среди самых неожиданных предметов или существ с использованием оценочных эпитетов и метафор: «Ковриги, бабы, пироги», «мясистых баб большая стая» («Свадьба»). В описании потенциальных предметов любви – лиц женского пола – автор использует большое количество слов с отрицательной коннотативной окраской и сравнения, подчеркивающие грубость и похоть, ориентацию абсурдного мира на плотскую, а не на возвышенную любовь: «Толстозадые русалки / улетают прямо в небо, / руки крепкие, как палки, / груди круглые, как репа» («Меркнут знаки зодиака»), «И лысый венчик горностая / Венчает груди, ожирев / В поту столетних королев» («Свадьба»).

Известно, что Н. А. Заболоцкий незадолго до кончины составил своеобразный «свод» своих произведений и завещал публиковать стихи и поэмы именно в том порядке и в том варианте, в каком они были представлены в своде [4, с. 595–597]. По замыслу поэта, цикл «Городские столбцы» открывает стихотворение «Белая ночь» (1926). Это первое знакомство читателя с абсурдным, «перевернутым» миром «Столбцов».

Уже в заглавии перед читателем предстает катахреза – автор объединяет противоположные понятия. В то же время устойчивое словосочетание «белая ночь» ассоциируется у читателя с Петербургом. Это подтверждают и конкретные имена собственные, включенные в стихотворение: «Невка – рукав дельты реки Невы. Елагин – один из островов в дельте Невы» [4, с. 604]. Но предположение о том, что мир «Столбцов» – это

только гротескное изображение Петербурга, представляется ошибочным. В этом стихотворении представлен лишь фрагмент безумного мира, изображенного в «Столбцах», а конкретные топонимы, вероятно, призваны обратить внимание читателя на то, что воссозданный поэтом мир является перевернутой реальностью. В первой же строфе стихотворения используются однокорневые к номинату концепта «любовь» слова – типовые ассоциаты («любовники», «любовь», «любят»):

Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листьями,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год [4, с. 30].

Ключевое слово «любовь» в «Малом академическом словаре» представлено как многозначное: «1. Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо... 2. Чувство расположения, симпатии к кому-либо... 3. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [7, с. 209]. В стихотворении «Белая ночь», как видим, любовь персонифицируется, предстает перед читателем не как чувство, а как существо. Образ вводится поэтом с помощью олицетворения: любовь «стенает», «меняется местами», «то подойдет, то отойдет». Согласно определению в «Малом академическом словаре», с понятием «любовь» соотносятся понятия «привязанность», «расположение», «симпатия», т. е. любовь имеет субъект и объект. В стихотворении Н. А. Заболоцкого любовь подчеркнута одинока, тогда как музы «любят круглый год». Эта антитеза также вызывает противоречие в сознании читателя в связи с тем, что есть традиционное представление о том, что настоящая любовь постоянна, а вот посещение музы – явление преходящее.

Поэт представляет читателю абсурдный и непривычный мир, и такая постоянная категория, как любовь, не может в нем отсутствовать. Но она значительно видоизменена, перевернута «с ног на голову». Это стимулирует у читателя ассоциации с отсутствием логики, разума. С. В. Кекова подчеркивает: «Мир, поставленный с ног на голову, мир, вывернутый наизнанку, – конечно же, мир безумный» [8].

В «Русском ассоциативном словаре» на стимул «любовь» представлены 44 коннотативно окрашенные ассоциации: 32 положительные реакции («с первого взгляда» (9), «радость» (2), «верная» (1), «вечная» (1) и др.) и 12 отрицатель-

ных («зла» (3), «безответная» (2), «разлука» (1) и др.) [9].

Как видим, в целом преобладают реакции с положительными коннотациями. В стихотворении же «Белая ночь» автором подчеркнуты потерянность и непостоянство любви. Поэт использует лексические средства и стилистические приемы, которые формируют у читателя представление о любви как одинокой, несчастной и лишней в изображенном мире, ей не находится в нем места, но все же она там присутствует: «стенает» (лексема имеет яркую коннотативную окраску, сравним: «плачет», «горюет»), «то подойдет, то отойдет» (антитеза).

Описание любовников, которые предстают перед читателем в первых строках стихотворения «Белая ночь», также подчеркивает абсурд и «перевернутость» мира: «Бегут любовники толпой, / один горяч, другой измучен, / а третий книзу головой» [4, с. 30]. «Русский ассоциативный словарь» содержит следующие частотные реакции на стимул «любовник»: мужчина (5), герой (4), красавец (3), страстный (2), ловкий (1) [9]. Любовники в стихотворении «Белая ночь» не только не соответствуют приведенным в словаре типовым ассоциациям, но и опровергают их: они не герои и не красавцы, стремящиеся к даме сердца, а «толпа», совершающая беспорядочные, бесцельные движения («бегут толпой»), которые формируют у читателя ассоциации с хаосом и безумием.

Таким образом, концепт «любовь» в раннем творчестве Н. А. Заболоцкого представлен нечасто, но помогает читателю дополнить представление о мире, созданном автором в «Столбцах». Чистота чувств при описании любви в ранней лирике отсутствует, любовь здесь описана лишь как страсть, похоть, вожделение.

Зрелым периодом творчества Заболоцкого принято считать 1935–1958 гг. В это время концепт «любовь» претерпевает изменения в идиостиле поэта. Т. В. Мосейчук отмечает: «Намеченные в „Городских столбцах“ поиски любви первоначальной смогли оформиться в полноценный концепт только в зрелые годы в 10 стихотворениях цикла „Последняя любовь“... и в отдельном стихотворении „Кто мне откликнулся в чаще лесной“» [1, с. 202]. Результаты наших исследований показали, что концепт «любовь» представлен также и во многих других стихотворениях, относящихся к зрелому периоду творчества автора («Лодейников», «Соловей», «Ночь в Пасанаури», «Жена» и др.).

Если в ранней лирике поэт высмеивает распушенность, тягу к низменным удовольствиям и плотскому, то в поздней лирике Заболоцкий опи-

сывает любовь как высокое чувство. Это проявляется, например, в художественно-образной конкретизации поцелуя, связанного с концептом «любовь». Негативная оценка сменяется в поздних стихах на положительную. Так, в «Столбцах» читаем:

*Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, – на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.*

Обман с мечтами пополам! [4, с. 30–31].

Автор использует образную перифразу в качестве контекстуального синонима глагола «целовать»: «прижаться к палевым губам». По данным «Малого академического словаря», «палевый» – «бледно-желтый с розоватым оттенком» [10, с. 13]. Губы сирены (русалки, нечисти) – не розовые, как у человека, а желтые, как у мертвеца. Укрепляет эту ассоциацию использованное поэтом сравнение «неподвижным, как медали», а также эпитет «холодноватые». В качестве другого примера отрицательной коннотации у контекстуального синонима глагола «целовать» («нести кровавый ротик») в раннем периоде творчества Н. А. Заболоцкого можно привести строки из стихотворения «Ивановы»: «Они идут. Куда идти, / Кому нести кровавый ротик, / У чьей постели бросить ботик / И дернуть кнопку на груди?» [4, с. 47].

Здесь «волшебные сирены», под которыми автор подразумевает распутных женщин, уже имеют красный цвет губ, но поэт не случайно использует эпитет «кровавый»: он создает отрицательную коннотацию и формирует у читателя ассоциацию такого поцелуя с чем-то неприятным, страшным и опять-таки потусторонним. Фраза «Целует девку – Иванов!», завершающая стихотворение, также акцентирует отрицательную оценку действия: поцелуй здесь – не подтверждение чистой любви, а распушенность и торжество чувства собственности.

В поздних стихах концептосфера лирики Н. А. Заболоцкого становится более сложной, творчество поэта отражает его увлечение философскими идеями, а содержание концепта «любовь» меняется, становится приближенным к традиционному пониманию чувства. Так, поцелуй приобретает здесь совершенно иную эмоциональную окраску. А. Ю. Булюбаш отмечает: «В стихах позднего периода предикату „целовать“ автор возвращает его первоначальное значение и вводит в контекст, где этот глагол или его формы, номинация „поцелуй“ служат репрезентации концепта „любовь“»: *И стал здесь гро-*

хот бурь подобен грому пушек, / И, как цветок, расцвел девичий поцелуй („Над морем“)» [11, с. 342].

Как и в случае со стихотворением «Белая ночь», открывающим по замыслу автора цикл «Городские столбцы», «Я не ищу гармонии в природе» 1947 г. не случайно поставлено поэтом первым в ряду «Стихотворений (1932–1958)». Здесь звучат натурфилософские убеждения поэта, формулируется его позиция по поводу красоты природы, возможной только в гармоничных отношениях с человеческим трудом, который дополняет и украшает ее. Концепт «любовь» вводится в стихотворение с помощью развернутой метафоры, проводящей параллель между отношением природы к трудящемуся человеку и матери к своему дитя: «*Так, засыпая на своей кровати, / Безумная, но любящая мать / Таит в себе высокий мир дитяти, / Чтоб вместе с сыном солнце увидеть*» [4, с. 161]. Эпитет «безумная» делает отсылку к устойчивым выражениям «любить без ума», «любить без памяти», что означает максимально сильную эмоциональную привязанность.

В зрелом периоде творчества лица женского пола как объект любви обозначаются у Заболоцкого словами, свободными от отрицательных коннотаций: поэт использует лексемы «жена», «женщина», «дева». В стихотворении 1948 г. «Жена» концепт «любовь» репрезентируется на ассоциативно-смысловом уровне. В центре произведения представлены два образа – сурового и строгого, занятого мужа-поэта и его жены. Действия жены, ее забота о супруге («*В зеленую рюмку микстуру / Ему наливает жена*» [4, с. 225]), стремление ничем не помешать, не обидеть («*А скрипнет под ней половица, / Он брови взметнет, – и тотчас / Готова она провалиться / От взгляда пронзительных глаз*» [4, с. 225]) открывают перед читателем трепетные и нежные чувства женщины к мужу. Она смотрит «робко», «пристально-нежно», взгляд «болезненно светится». Женщина сама, видимо, не совсем здорова, но на первом месте для нее – забота о здоровье главы семейства. Муж всецело поглощен написанием стихов, но Заболоцкий при описании его действий использует экспрессивный глагол «скребешь» и эпитет «сердит»: «*О чем ты скребешь на бумаге? / Зачем ты так вечно сердит? / Что ищешь, копаясь во мраке / Своих неудач и обид?*» [4, с. 225].

Во второй части стихотворения преобладают риторические вопросы автора, обращенные к мужчине-поэту, поглощенному творчеством, витающему в облаках и не замечающему «*сокровища жизни своей*», – этой метафорой Н. А. За-

болоцкий передает отношение к женщине, жене, предмету любви настоящей, а не созданной на бумаге. Таким образом, концепт «любовь» проявляется в этом стихотворении через образ жены, любящей женщины, в какой-то степени жертвующей собой ради любимого.

В качестве другого примера трансформации содержания концепта «любовь» в зрелом периоде творчества Заболоцкого можно привести цикл из 10 стихотворений «Последняя любовь» (1956–1957). Многие исследователи, в числе которых Т. А. Воробьева, А. К. Жолковский, И. В. Фоменко и другие, подчеркивают близость Н. А. Заболоцкого Ф. И. Тютчеву [12–14]. Главным образом эта связь проявляется в натурфилософских стихотворениях Н. А. Заболоцкого, но она также явно прослеживается в цикле «Последняя любовь».

Прежде всего реминисценция обнаруживается в названии (у Ф. И. Тютчева также есть стихотворение «Последняя любовь»). Такая отсылка позволяет читателю обратить внимание на текст, написанный ранее другим поэтом, подчеркнуть близость настроения, содержания текстов. Т. А. Воробьева отмечает: «Фиксируются связи на... ассоциативном („Последняя любовь“ Ф. Тютчева – „Чертополох“, „Можжевельный куст“ Н. Заболоцкого), идейно-тематическом и других уровнях» [12, с. 45]. Таким образом, Н. А. Заболоцкий в цикле «Последняя любовь» как бы вступает в творческий диалог с Ф. И. Тютчевым.

Десять стихотворений цикла «Последняя любовь» не содержат прямого номината этого чувства, кроме двух заглавий, – всего цикла и одноименного стихотворения, которое, однако, является четвертым по счету, а не открывает цикл. Тем не менее концепт «любовь» является ведущим в данных стихотворениях. Объем статьи не позволяет подробно рассмотреть все 10 стихотворений, поэтому остановимся лишь на нескольких из них.

Стихотворение «Чертополох» (1956), поставленное автором первым, как и другие стихотворения цикла, оказывается намного более глубоким, чем просто любовная лирика. Говоря о «Чертополохе», Н. Н. Заболоцкий подчеркивает: «Здесь просвечивают и космическая, и батальная темы, а речь-то идет о цветах чертополоха, которые, однако, входят в состав чудного „тела“ природы и, соответственно, способны в стихотворении к самым фантастическим проявлениям и метаморфозам» [15, с. 517]. Однако стихотворение написано под впечатлением от личной драмы – в этот период, по словам Н. Н. Заболоцкого, сына и биографа Н. А. Заболоцкого, поэт переживает разрыв с женой, Екатериной Васильевной. До

этого момента стихов, посвященных именно любви, Заболоцкий не писал, хотя этот концепт, как мы указали выше, так или иначе отражался в его лирике. Поэт тяжело переносит влюбленность жены в другого мужчину, эти чувства отразились в стихотворении «Чертополох»:

*И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз* [4, с. 281].

Метафора «стена чертополоха» становится иносказательным изображением недопонимания, угасания любви и разлуки. Выражение «клинообразный шип» также является метафорой, актуализирующей для читателя связь с устойчивым выражением «разбить сердце». Образ любимой создан в стихотворении с помощью кратких субъективно-оценочных характеристик: поэт называет любимую «радостью моей» и из всего внешнего облика выделяет лишь «взор ее неугасимых глаз». Эпитеты «печальный» и «прекрасный», характеризующие свет глаз любимой, завершающие стихотворение, передают горечь разлуки и неугасшие чувства поэта.

Стихотворение «Признание» (1957) не только одно из самых узнаваемых для читателя, но и было переложено на музыку, став романсом. В. Н. Корнилов отмечал: «Это замечательный стих и по силе чувства, и по лирической обнаженности, и как должна быть счастлива та женщина, которой он посвящен. Позднее я ее часто видел – она жила по соседству, – и, встречая ее, я всякий раз удивлялся ее несходству с этим стихом...» [16, с. 707]. Некоторые исследователи и критики, например Е. П. Грот [17], считают, что данное стихотворение посвящено России, соответственно, проникнуто любовью к Родине. Однако большинство исследователей склоняются к тому, что стихотворение посвящено женщине.

Текст открывается рядом эпитетов, выраженных краткими причастиями: «Зацелована, околдована, / С ветром в поле когда-то обвенчана, / Вся ты словно в оковы закована, / Драгоценная моя женщина!» [4, с. 282]. Здесь снова возникает

мотив поцелуя, но краткое страдательное причастие «зацелована» сочетается уже не с лексемами «сирены» и «девки», как это было в «Столбцах». Здесь поэт использует лексемы «драгоценная» и «женщина», которые становятся репрезентантом концепта «любовь». Вторая строфа продолжает восторженную характеристику, данную предмету любви. Концепт «любовь» получает здесь лексическое воплощение в виде ряда однородных прилагательных и причастий: «Не веселая, не печальная, / Слово с темного неба сошедшая, / Ты и песнь моя обручальная, / И звезда моя сумасшедшая» [4, с. 282]. Неожиданным в этом ряду становится эпитет «сумасшедшая». Он указывает на смятение в душе героя, вызывает у читателя тревожные ассоциации. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря», большинство реакций на стимул «сумасшедший» имеют отрицательную коннотативную окраску: «дом» (29 реакций), «псих» (6), «дурак» (3), «больница» (1), «ведьма» (1) и другие [9].

Любимая женщина названа поэтом здесь «горькой» и «милой», очи охарактеризованы как «тяжелые». Эти эпитеты создают неоднозначное представление об образе женщины, возникают ассоциации с мучительной любовью. Но в последней строфе поэт однозначно называет женщину «красавицей». Такая оценочная характеристика представляется ему самой подходящей, ведь герой в нее влюблен.

Заключение

Таким образом, концепт «любовь», являясь одним из ключевых в творчестве Н. А. Заболоцкого, трансформируется на протяжении творческого пути поэта. На раннем этапе концепт проявляется в виде неожиданных репрезентантов и призван подчеркнуть порочность, развратность и бездуховность изображаемого в «Столбцах» мира. В зрелом творчестве поэта средства репрезентации концепта «любовь» и его содержание изменяются вместе с картиной мира автора и представляют любовь как возвышенное чувство, отражающее его разные грани, часто акцентируя подтексты и стимулируя возникновение ассоциативных рядов в сознании читателя использованием различных стилистических средств.

Список источников

1. Мосейчук Т. В. Концепт «любовь» в концептуальной картине мира Н. Заболоцкого // Куляшоўскія чытанні: материалы Международной научно-практической конференции, Могилев, 27–28 апреля 2011 года. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2011. С. 201–204.
2. Туктангулова Е. В. Репрезентация художественного концепта «любовь» в позднем творчестве Н. А. Заболоцкого // Современные языки в динамике и взаимодействии: материалы II Междунар. науч. форума, посвящ. 90-летию Удмуртского гос. ун-та, Ижевск, 27 сентября 2021 года. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2022. С. 204–208.

3. Исаева О. В. Содержание концепта «красота» и средства его лексического выражения в лирике Н. А. Заболоцкого // Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой и 30-летию научного направления): материалы Всерос. науч. семинара, Томск, 20 января 2023 года / под общ. ред. С. М. Карпенко. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2023. С. 135–142.
4. Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
5. Степанов Н. Л. Николай Заболоцкий (1903–1958) // Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. С. 5–28.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. 443 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (дата обращения: 29.07.2023).
7. Словарь русского языка (малый академический словарь): в 4 т. Т. 2: К–О / Академия наук СССР, Ин-т рус- языка; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. 736 с.
8. Кекова С. В. Николай Алексеевич Заболоцкий. 1903–1958. Поэтический мир Н. Заболоцкого // Сохранившие традицию: Н. Заболоцкий, А. Тарковский, И. Бродский: учеб. пособие (по страницам литературной классики). Саратов: Лицей, 2003. С. 3–51. URL: <https://loshch.livejournal.com/37448.html> (дата обращения: 12.06.2023).
9. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: в 2 т. М., 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 27.07.2023).
10. Словарь русского языка (малый академический словарь): в 4 т. Т. 3: П–Р / Академия наук СССР, Ин-т рус- языка; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. 752 с.
11. Булюбаш А. Ю. Способы языкового означивания перцептивного модуса «осознание» в поэтической речи Н. А. Заболоцкого // Культура и цивилизация. 2017. Вып. 2, № 1А. С. 340–351.
12. Воробьева Т. А. Тютчевские реминисценции в поэзии Н. А. Заболоцкого // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 44–46.
13. Жолковский А. К. Загадки «Знаков зодиака» // Н. А. Заболоцкий: pro et contra / сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лошилов. СПб.: РХГА, 2010. С. 867–910.
14. Фоменко И. В. «Последняя любовь» Н. Заболоцкого: семантика заглавия // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 134–138.
15. Заболоцкий Н. Н. Мир Заболоцкого // Н. А. Заболоцкий: pro et contra / сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лошилов. СПб.: РХГА, 2010. С. 513–533.
16. Корнилов В. Н. Неужто некуда идти?.. (Заболоцкий) // Н. А. Заболоцкий: pro et contra / сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лошилов. СПб.: РХГА, 2010. С. 701–710.
17. Грот Е. П. Николай Заболоцкий // Н. А. Заболоцкий: pro et contra / сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лошилов. СПб.: РХГА, 2010. С. 350–354.

References

1. Moseychuk T. V. Kontsept “lyubov” v kontseptual’noy kartine mira N. Zabolotskogo [The concept of “love” in the conceptual picture of the world by N. Zabolotsky]. *Kulyashoyskiya chytanni: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Mogilev, 27–28 aprelya 2011 goda*. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2011. Pp. 201–204 (in Russian).
2. Tuktangulova E. V. Reprezentatsiya khudozhestvennogo kontsepta “lyubov” v pozdnem tvorchestve N. A. Zabolotskogo [Representation of the artistic concept “love” in the late work of N. A. Zabolotsky]. In: *Sovremennyye yazyki v dinamike i vzaimodeystvii: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 90-letiyu Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, Izhevsk, 27 sentyabrya 2021 goda* [Modern languages in dynamics and interaction: materials of the II International scientific forum, dedicated 90th anniversary of the Udmurt State University, Izhevsk, September 27, 2021]. Izhevsk, Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2022. Pp. 204–208 (in Russian).
3. Isaeva O. V. Soderzhaniye kontsepta “krasota” i sredstva yego leksicheskogo vyrazheniya v lirike N. A. Zabolotskogo [The content of the concept of “beauty” and the means of its lecture expression in the lyrics of N. A. Zabolotsky]. In: *Kommunikativnaya stilistika teksta: itogi i perspektivy (k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora N. S. Bolotnovoy k 30-letiyu nauchnogo napravleniya): materialy Vserossiyskogo nauchnogo seminar, Tomsk, 20 yanvarya 2023 goda* [Communicative stylistics of the text: results and prospects (for the anniversary of Doctor of Philology, Professor N. S. Bolotnova and the 30th anniversary of the

- scientific direction): materials of the All-Russian Scientific Seminar, Tomsk, January 20, 2023]. Under the general editorship of S. M. Karpenko. Tomsk, TSPU Publ., 2023. Pp. 135–142 (in Russian).
4. Zabolotskiy N. A. Stolbtsy i poemys 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza [Pillars and Poems 1926–1933. Poems of 1932–1958. Poems of different years. Prose]. *Sobraniye sochineniy: v 3 tomakh* [Collected works: in 3 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. Vol. 1. 655 p. (in Russian).
 5. Stepanov N. L. Nikolay Zabolotskiy (1903–1958) [Nikolay Zabolotskiy (1903–1958)]. *Stolbtsy i poemys 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza* [Columns and poems 1926–1933. Poems 1932–1958. Poems from different years. Prose]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. Vol. 1. Pp. 5–28 (in Russian).
 6. Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, Grand: FAIR-Press Publ., 1999. 443 p. (in Russian). URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (accessed 29 July 2023).
 7. *Slovar' russkogo yazyka (malyy akademicheskyy slovar')*. V 4 tomakh. Tom 2. K – O [Dictionary of the Russian language (Small Academic Dictionary). V. 4 volumes. Volume 2. K – O]. Edited by A. P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. 736 p. (in Russian).
 8. Kekova S. V. Nikolay Alekseevich Zabolotskiy. 1903–1958. Poeticheskiy mir N. Zabolotskogo [Nikolay Alekseyevich Zabolotskiy. 1903–1958. The poetic world of N. Zabolotskiy]. *Sokhranivshiy traditsiyu: N. Zabolotskiy, A. Tarkovskiy, I. Brodskiy: uchebnoye posobiye (Po stranitsam literaturnoy klassiki)* [Those who preserved the tradition: N. Zabolotskiy, A. Tarkovsky, I. Brodsky: a textbook (on the pages of literary classics)]. Saratov, Litsey Publ., 2003. Pp. 3–51 (in Russian). URL: <https://loshch.livejournal.com/37448.html> (accessed 12 June 2023).
 9. Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar'*. V 2 tomakh [Russian associative dictionary]. Moscow, 2002 (in Russian). URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (accessed 27 July 2023).
 10. Evgen'yeva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka (malyy akademicheskyy slovar')*. V 4 tomakh. Tom 3. P–R. 3-e izd. [Dictionary of the Russian language (Small Academic Dictionary). In 4 vol. Vol. 3. P–R]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. 752 p. (in Russian).
 11. Bulyubash A. Yu. Sposoby yazykovogo oznachivaniya pertseptivnogo modusa “osyazaniye” v poeticheskoy rechi N. A. Zabolotskogo [Methods of linguistic meaning of the perceptual mode “touch” in N. A. Zabolotskiy’s poetic speech]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2017, vol. 2, no. 1A, pp. 340–351 (in Russian).
 12. Vorob'yova T. A. Tyutchevskiy reministsentsii v poezii N. A. Zabolotskogo [Tyutchev’s Memoirs in N. A. Zabolotskiy’s Poetry]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2009, no. 3 (22), pp. 44–46 (in Russian).
 13. Zholkovskiy A. K. Zagadki “Znakov zodiaka” [Riddles “Signs of the zodiac”]. In: *N. A. Zabolotskiy: pro et contra*. Comp. T. V. Igosheva, I. E. Loshchilov. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2010. Pp. 867–910 (in Russian).
 14. Fomenko I. V. “Poslednyaya lyubov” N. Zabolotskogo: semantika zaglaviya [“The Last Love” by N. Zabolotskiy: semantics of the title]. *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2007, no. 2 (5), pp. 134–138 (in Russian).
 15. Zabolotskiy N. N. Mir Zabolotskogo [The world of Zabolotskiy]. In: *N. A. Zabolotskiy: pro et contra*. Comp. T. V. Igosheva, I. E. Loshchilov. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2010. Pp. 513–533 (in Russian).
 16. Kornilov V. N. Neuzhto nekuda idti?.. (Zabolotskiy) [Is there really nowhere to go?.. (Zabolotskiy)]. In: *N. A. Zabolotskiy: pro et contra*. Comp. T. V. Igosheva, I. E. Loshchilov. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2010. Pp. 701–710 (in Russian).
 17. Grot E. P. Nikolay Zabolotskiy [Nikolay Zabolotskiy]. In: *N. A. Zabolotskiy: pro et contra*. Comp. T. V. Igosheva, I. E. Loshchilov. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2010. Pp. 350–354 (in Russian).

Информация об авторе

Исаева О. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Isaeva O. V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 02.08.2023; accepted for publication 26.09.2023

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-111-121>

Концепция божественного промысла в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»

Светлана Владимировна Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, t-svet2007@yandex.ru

Аннотация

На рубеже XVIII–XIX вв. история, которая традиционно рассматривалась как часть литературы, искусства, обретает статус науки. В это время интенсивно развиваются такие ее отрасли, как философия истории, источниковедение и др., формируется научная методология изучения и описания прошлого. Гоголевское понимание истории сближается по меньшей мере с двумя утвердившимися в исторической науке первой трети XIX в. концепциями: библейским историзмом и всеобщей историей. Исходным представлением для обеих является постулат о действии Божественного Промысла в земном бытии отдельного человека и всего человечества. В картине мира Гоголя идея о Промысле утвердилась довольно рано и нашла отражение в исторической публицистике, письмах и художественных сочинениях. Христианская концепция Божественного Промысла прочитывается в художественной системе повести «Тарас Бульба», определяя ее хронотопическую и мотивную организацию, систему персонажей. Цель – определить особенности историософской концепции Гоголя и авторские стратегии ее художественного воплощения в повести «Тарас Бульба». Материалом исследования послужили художественные, публицистические сочинения Гоголя, а также его эпистолярный материал анализируется в религиозно-философском и историко-литературном аспектах. По результатам исследования сделан вывод о специфике историософских воззрений Гоголя, в том числе о воплощенной в «Тарасе Бульбе» художественной историософии. В поэтике «Тараса Бульбы» идея Божественного Промысла прослеживается не только на концептуальном уровне, но также в мотивном комплексе и хронотопической организации. Мотивный комплекс «Тараса Бульбы» включает следующие семантические звенья: воля Божия и свободная воля человека, ситуация выбора, поиск своего места/предназначения, исполнение человеком своего долга как проявление свободного послушания Богу и др. Для хронотопа повести характерно соединение разных временных планов, что позволяет автору показать историю как целостную систему, указав на причины событий и на их последствия, а также представить исторический процесс и земное бытие человека в векторе Божественного Промысла. Изображая прошлое России, Гоголь акцентирует внимание на том, что «каменная ткань» большой истории сплетается из «нитей биографических» частных историй, что исторический процесс есть результат диалога свободной воли человека и Божественного Промысла. Для «Тараса Бульбы» характерна многоплановая и подвижная оптика изображения, в фокусе которой оказываются и эпохальные события национальной истории, и личные истории отдельных персонажей, включающие подробности описания их внутреннего мира.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Тарас Бульба», историософия, Божественный Промысел, библейский историзм, всеобщая история, мотив свободы выбора, мотив поиска собственного предназначения

Для цитирования: Бурмистрова С. В. Концепция Божественного Промысла в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 111–121. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-111-121>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The concept of divine providence in N. V. Gogol's story "Taras Bulba"

Svetlana V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru

Abstract

At the turn of the XVIII–XIX centuries, history, which was traditionally considered as part of literature, art, acquires the status of science. At this time, its branches such as philosophy of history, source studies, etc. are intensively developing, a scientific methodology for studying and describing the past is being formed. Gogol's understanding of history approaches at least two concepts established in the historical science of the first third of the XIX century: biblical historicism and universal history. The initial idea for both is the postulate about the action of Divine providence in the earthly existence of an individual and all mankind. In Gogol's picture of the world, the idea of Fishing was established quite early and was reflected in historical journalism, letters and works of art. The Christian concept of Divine providence is also read in the artistic system of the story "Taras Bulba", defining its chronotopic and motivic organization, the system of characters. To determine the features of Gogol's historiosophical concept and the author's strategies of its artistic embodiment in the story "Taras Bulba". The research material was Gogol's artistic and journalistic works, as well as his epistolary. The material is analyzed in religious-philosophical and historical-literary aspects. According to the results of the study, a conclusion is made about the specifics of Gogol's historiosophical views, including the artistic historiosophy embodied in "Taras Bulba". In the poetics of "Taras Bulba", the idea of Divine providence can be traced not only at the conceptual level, but also in the motivic complex and chronotopic organization. The motivic complex of "Taras Bulba" includes the following semantic links: the will of God and the free will of man, the situation of choice, the search for one's place/destiny, the fulfillment of one's duty as a manifestation of free obedience to God, etc. The chronotope of the story is characterized by a combination of different time plans, which allows the author to show history as an integral system, pointing out the causes of events and their consequences, as well as to present the historical process and the earthly existence of man in the vector of Divine Providence. Depicting the past of Russia, Gogol focuses on the fact that the "stone fabric" of great history is woven from the "threads of biographical" private stories, that the historical process is the result of a dialogue between the free will of man and Divine providence. "Taras Bulba" is characterized by a multifaceted and mobile optics of the image, which focuses on both epochal events of national history and personal stories of individual characters, including details of the description of their inner world.

Keywords: N. V. Gogol, "Taras Bulba", historiosophy, Divine providence, biblical historicism, universal history, the motive of freedom of choice, the motive of the search for one's own destiny

For citation: Burmistrova S. V. Kontseptsiya Bozhestvennogo Promysla v povesti N. V. Gogolya "Taras Bul'ba" [The concept of divine providence in N. V. Gogol's story "Taras Bulba"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 111–121 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-111-121>

Введение

Современные исследователи называют «Тараса Бульбу» «вершиной прозы» Гоголя, поясняя, что в этой повести писатель осуществил «синтез различных эпических традиций» [1, с. 30], что в ней он реализовал «основные принципы реалистического письма», позволившие выйти к глубокому психологизму, к «художественной типизации, подробной и зримо наглядной обрисовке деталей быта» [2, с. 56]. Представляется, что «Тараса Бульбу» можно назвать одним из лучших творений Гоголя еще и потому, что в нем воплотилась философия истории писателя, которая приобрела отчетливые очертания в 1830-х гг. Работа над первой редакцией повести (1833–

1835) совпала с периодом наиболее интенсивного увлечения Гоголя историей. В это время он написал около десятка статей по вопросам философии истории и преподавания исторических дисциплин: «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «О движении народов в конце V века», «О малороссийских песнях», «Отрывок из истории Малороссии» и др. По отношению к повести эти статьи можно рассматривать как ближайший по содержанию и по времени контекст, проясняющий художественную историософию писателя.

Выраженное в них понимание истории сближается по меньшей мере с двумя наиболее популярными концепциями, утвердившимися в исто-

риогрaфии первой трети XIX в. Во-первых, с библейским историзмом, в рамках которого земное бытие человека и мира рассматривается в векторе Божественного Промысла, а также осмысливается в финалистической логике, т. е. земная история человечества имеет начало (грехопадение) и конец (второе пришествие Христа), между которыми находится событие, определяемое как «поворотная ось всемирной истории» [3, с. 27], – Боговоплощение. Идея Божественного Промысла утвердилась в картине мира Гоголя довольно рано, что отмечалось многими исследователями. Например, К. В. Мочульский утверждал, что уже в молодости Гоголь верил, что его «ведет Божественный Промысл», верил «в особое... попечение о нем Промысла Божия» [4, с. 11]. В то же время следует заметить, что веру в Божественный Промысл Гоголь связывает не только со своей собственной судьбой, но и с историей всего человечества. Примечательно в этом отношении письмо к А. О. Смирновой от 23 декабря 1850 г. Отвечая на сетования Смирновой по поводу религиозной и политической деградации современного общества, Гоголь выражает твердую уверенность в благодати Божественного Промысла: «Много развеивается холодного, безнравственного по белу свету. Много прорывается отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по видимому, как мыши, все твердые основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падает волос с главы, что Он превосходит все неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он – высший разум, превыше всех наших ежеминутно ошибающихся умозаключений, – так станет вдруг ничтожно и низко все, чем мы смущаемся» [5, с. 383]. Заметим, что в этом отрывке достаточно явно выражена святоотеческая интонация в трактовке Божественного Промысла. В отличие от западной концепции предопределения, сводящей к минимуму свободу выбора и свободу воли личности, в учении Святых отцов о спасении отвергается какой бы то ни было детерминизм и фатализм в отношениях между Богом и человеком и, напротив, подчеркивается их диалогический характер. Гоголь также обращает внимание своей собеседницы на то, что, с одной стороны, все в жизни человека и в мироздании происходит по воле милосердного Бога, а значит, все служит ко спасению, а с другой – Бог готов изменить Свою волю по молитве/слову праведного человека.

Наряду с библейским историзмом большую роль в формировании историософских взглядов Гоголя сыграла концепция всеобщей истории, которая стала активно разрабатываться во второй

половине XVIII в. в европейской, прежде всего немецкой, историогрaфии¹ и к 1820-м гг. сложилась в полноценную научную теорию. Ее сторонники описывали историю через такие категории, как процесс, целостность, единство, и были сосредоточены на изучении вопросов о взаимодействии национального и универсального, взаимосвязи частной истории отдельного человека и истории человечества и др.

О повышенном интересе Гоголя к всеобщей истории свидетельствуют его письма и публицистика, его научные проекты и преподавательская деятельность. Так, в начале 1834 г., когда Гоголь намеревался получить должность профессора истории в Киевском университете, он подготовил для «Журнала Министерства народного просвещения» статью «План преподавания всеобщей истории», в которой изложил свое понимание истории и методов ее преподавания. Специальную статью (включена в сборник «Арабески») Гоголь посвятил немецким историкам – Шлецеру, Миллеру и Гердеру, внесшим, с его точки зрения, огромный вклад в развитие исторической науки: писатель называл их великими зодчими всеобщей истории [7, с. 319]. Известно также, что с начала 1833 г. Гоголь вынашивал замысел написания всеобщей истории и всеобщей географии «в трех... томах, под названием Земля и Люди» [8, с. 205]. Около полутора лет (с июля 1834 по декабрь 1835 г.) Гоголь читал лекции по всеобщей истории в Петербургском университете. Наконец, всеобщая история была одной из постоянных тем в его переписке с публицистом и ученым М. П. Погодиным, преподававшим исторические дисциплины в Московском университете и ставшим для писателя своего рода консультантом по вопросам истории.

Гоголевское понимание всеобщей истории вписывается в русло сложившейся научной традиции, которую писатель связывает главным образом с немецкой (геттингенской) исторической школой. Так, на книгу Шлецера «Представление всеобщей истории» (1772), впервые изданную в России в 1791 г., Гоголь ссылаясь в своей статье «Шлецер, Миллер и Гердер», отмечая, что, несмотря на ее небольшой объем, она «принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы» [7, с. 320]. У Шлецера Гоголь отметил ряд положений, которые, по его мнению, открывают новые горизонты в понимании всеобщей истории. Писатель ставил ему в заслугу то, что он «первый почувствовал идею об одном

¹ В отечественных журналах 1820-х гг. писали, что всеобщая история «обязана... новым светом и новой жизнью» А. Л. Шлецеру, представителю геттингенской школы [6, с. 117].

великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы», а также то, что он силился «разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира» [7, с. 319]. Мысль о «великом целом» и единстве в истории, вероятно, представлялась Гоголю крайне важной. Неслучайно она повторяется и в другой его работе: в рецензии 1836 г. на книгу М. П. Погодина «Исторические афоризмы». В ней он дает русскому историку ту же характеристику, что и Шлецеру в статье из «Арабесок», отмечая, что Погодин «первый у нас сказал, что „история должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить биографию этого человека через все степени его возраста“» [9, с. 481]. Перифразы из шлецеровой книги Гоголь также использует в своем «Плане преподавания всеобщей истории», где утверждает, что задача всеобщей истории состоит в том, чтобы «все народы мира... соединить... в одно стройное целое... в одну единицу» [10, с. 272], чтобы осмыслить все события мира как звенья одной цепи. Грандиозность задач всеобщей истории, по-видимому, впечатляла и самого Гоголя. Он полагал, что справиться с написанием всеобщей истории сможет только хорошо подготовленный ученый, образ которого писатель попытался смоделировать все в той же статье «Шлецер, Миллер и Гердер»: «Мне кажется, – отмечает он, – что, если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростью Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю» [7, с. 322].

Разделяя идею о целостности и единстве мировой истории, Гоголь отмечал, что всеобщая история «не есть собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана». При этом связь между историями народов и событиями мира, подчеркивал писатель, не «должно принимать в буквальном смысле», она не есть «видимая, вещественная связь». «Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной истории человечества, перед которой и государства и события – временные формы и образы! – Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями Промысла, которые так непостижимо на нем означились» [10, с. 272]. Иными словами, изучение истории, с точки зрения Гоголя, дает возможность приблизиться к пониманию тайны Божественного замысла о человеке и мире. Следует отметить, что рассуждения о роли

всемирной истории в постижении «чудесных путей Провидения» [11, с. 41] содержатся также и в «Представлении всеобщей истории» Шлецера.

Идею о многомерности исторического процесса, соотносящегося не только с земной, но и с духовной реальностью, писатель подчеркивал и в своей рецензии на «Исторические афоризмы» Погодина. Не случайно, что из многочисленных погодинских афоризмов Гоголь сосредоточивается прежде всего на его высказывании о двух планах истории: земном и Божественном, индивидуальном и всеобщем: «Каждый человек действует для себя, по своему плану, а выходит общее действие, исполняется другой высший план, и из суровых, тонких, гнилых нитей биографических сплетается каменная ткань истории» [9, с. 482]. Вероятно, под этим афоризмом мог бы подписаться и сам Гоголь, отождествляя, как и Погодин, «высший план» с Божественным Промыслом.

Стремление обозначить события «со всеми своими следствиями» [10, с. 273] актуализировало в историософии Гоголя вопрос об источниках исторического знания. По мере развития историографии диапазон представлений об эмпирической базе исторического знания постоянно менялся. В течение долгого времени главным носителем информации о прошлом выступал официальный документ, извлеченный из архива (летопись, хроника и т. п.), т. е. только текстовая база. Однако в середине XIX в. к категории исторических источников стали относить материально-предметные артефакты (скульптура, архитектура и др.). Классические для современной науки представления об исторических источниках впервые сформулировал И. Дройзен [12]. Кроме того, серьезное внимание обратили на частные письменные свидетельства (личную переписку, мемуары, записки), а также на фольклор, литературные и философские сочинения. Если в современном источниковедении использование фольклора в качестве документа эпохи явление привычное, то в первой половине XIX в. далеко не все профессиональные историки считали допустимым обращаться к фольклору как к источнику информации о прошлом.

Гоголь предпочитал широкую трактовку исторических источников, полагая, что любой источник, взятый сам по себе, фрагментарен и не может претендовать на исчерпывающую характеристику. В реконструкции прошлого значимыми для писателя выступают и официальные исторические документы (летописи, указы и др.), и документы фольклорного/литературного происхождения (народные песни, крылатые выражения и др.). В связи с этим представляют интерес две

его статьи – «Отрывок из истории Малороссии» и «О малороссийских песнях». Обе они посвящены истории Малороссии и обе опубликованы в одном номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1834 г., что весьма показательно. Дело в том, что в основе этих публикаций лежат разные по характеру и происхождению исторические источники. При составлении «Отрывка из истории Малороссии», который мыслился автором как глава будущего большого исследования¹, использованы научные труды известных историков – Г. де Боплана [13], Д. Н. Бантыш-Каменского [14], а также летописи. В письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. Гоголь упомянул «летописи Конисского, Шафонского, Ригельмана», утверждая, что из источников, названных адресатом, он не знает всего две, и попросил у него выписки из неопубликованных летописей [8, с. 243]. Позже он использовал также сведения из летописей Грабянки и Самовидца. Основой для статьи «О малороссийских песнях» послужили фольклорные источники. С точки зрения Гоголя, песни для Малороссии выполняют почти ту же функцию, что и летописи. Более того, песни, полагал Гоголь, гораздо более универсальны, чем летописи, так как дают представление не только об истории, но и о быте, характере, поэзии народа: «песни для Малороссии – все: и поэзия, и история, и отцовская могила» [15, с. 169]. Иными словами, Гоголь предпочитает использовать разноплановые источники, что позволяет ему составить более объемное представление о прошлом.

Материал и методы

Материалом исследования послужили художественные, публицистические сочинения Гоголя, а также его эпистолярный. Материал анализируется в религиозно-философском и историко-литературном аспектах.

Результаты и обсуждение

Свое понимание истории Гоголь воплощает не только в научно-публицистическом, но и в художественном творчестве. Примечательно, что между публицистическим дискурсом 1830-х гг. и «Тарасом Бульбой» обнаруживаются прямые переклички. Так, в статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь пишет об историческом предназначении Запорожской Сечи, которое видится ему в спасении Европы от уничтожения:

¹ Проект большого исторического исследования так и остался нереализованным. В 1835 г. эта статья, но уже под другим названием («Взгляд на составление Малороссии») была опубликована в сборнике «Арабески».

«Уже известно всем из истории, как их (казаков. – С. Б.) вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть». Позднее эти строки писатель полностью перенес во вторую редакцию «Тараса Бульбы» (1841), что указывает не только на значимость данного наблюдения, но и на специфику жанровой природы повести. Художественное начало сочетается в ней с публицистическим, которое становится не только знаком прямого авторского присутствия, но и создает эффект двойной перспективы в оценке прошлого: с позиции изображаемой эпохи (время персонажей) и с позиции XIX в. (время автора).

Специфику хронотопа в «Тарасе Бульбе» в значительной степени определяет историософская концепция Гоголя. Автор сознательно соединяет в повести разные временные планы, что позволяет ему показать историю как целостную систему, указав на причины событий и на их последствия, а также представить исторический процесс в векторе Божественного Промысла. Гоголевская свобода в обращении с историческими датами объясняется также связью «Тараса Бульбы» с традициями героического эпоса, в частности с исторической песнью. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, изображаемым «в эпосе „макрособытия“... в реальной жизни обычно соответствует целая серия локальных событий (скажем, сражений и войн), происходивших на протяжении весьма длительных периодов времени» [16, с. 14–15]. Формально хронотоп повести привязан к истории главного героя и охватывает последние годы его жизни. Однако если строго ориентироваться на обозначенные в повести временные вехи, то становится очевидно, что в ней отражается несколько исторических событий, происходивших в реальной действительности на протяжении длительных периодов времени, а герой живет как бы в трех веках. Так, в повести содержится указание на XV в., когда, как отмечает автор, могли возникнуть характеры, подобные Бульбе; во-вторых, упоминается о конце XVI в., когда зарождалась мысль об унии; наконец, описываются эпизоды сражений, относящиеся к середине XVII в. и связанные с национально-освободительным движением под предводительством Б. Хмельницкого.

С традицией героического эпоса повесть связывает и образ главного героя, который отличается предельной обобщенностью. За персонажем в героическом эпосе, по мнению Неклюдова, могут стоять «воспоминания сразу о нескольких деятелях исторического прошлого» [16, с. 15]. В образе Тараса Бульбы исследователи обнаруживают несколько исторических и литературных

прототипов: атамана Даниила Апостола (1654–1734), Тараса Федоровича, Конашевича-Сагайдачного, Палея, Самуся и других лидеров казачества, имена которых Гоголь почерпнул из рукописных летописей, легенд, малороссийских песен [17, с. 87]. Среди литературных прототипов Бульбы можно назвать героев из незавершенных исторических романов Гоголя начала 1830-х гг.: полковника Глечика и Тарасу Острицу.

Как представляется, эпическое начало в повести дает возможность автору не только создать масштабную картину прошлого, но и посмотреть на историю в духовно-нравственном аспекте. Концепция Божественного Промысла скрепляет все религиозные смыслы повести. Конечно, Гоголь не дает в «Тарасе Бульбе» математически выверенной формулы Божественного Промысла, он лишь высвечивает его непостижимые «таинственные пути». При этом Гоголю важно показать, что «каменная ткань» большой истории сплетается из «нитей биографических» частных историй, что исторический процесс есть результат диалога свободной воли человека и Божественного Промысла. Поэтому для «Тараса Бульбы» характерна многоплановая и подвижная оптика изображения, в фокусе которой оказываются и эпохальные события национальной истории, и личные истории отдельных персонажей, включающие подробности описания их внутреннего мира.

Изображая казаков, Гоголь сосредоточивается не только на описании их внешних примет и окружающего быта, но и на характеристике их мировоззренческих установок. В связи с этим заметим, что один из наиболее частых вопросов, звучащих среди, казалось бы, малообразованных и невоспитанных казаков, это вопрос о смысле жизни. При этом осмысленное существование казаки видят в том, чтобы защищать веру и обычаи. Заметим, что об этом Гоголь также писал в статье «Взгляд на составление Малороссии», отмечая, что главная цель казацкого сообщества – «воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей» [18, с. 167].

Вопрос о смысле жизни в «Тарасе Бульбе» – это одновременно и вопрос о нравственном выборе. Мотив выбора – один из ключевых в повести, он сопрягается с мотивом свободы воли. Мотив свободы выбора конкретизируется в повествовании посредством антитезы «свое» – «чужое». В связи с этим интересны наблюдения В. Ш. Кривоноса, который отметил, что художественное пространство повести четко разделено на сферы «своего» и «чужого», что соответствует, по мнению ученого, средневековой модели мира. В сфере «своего» оказываются Сечь как «своего рода

мужская обитель», русская душа, православная вера. В пространстве «чужого» располагается Польша, женское начало, инославная вера [19, с. 66]. Соглашаясь в целом с выводами ученого, заметим, что оппозиция «свое» – «чужое» обнаруживает в повести дополнительные смыслы, если рассматривать ее в контексте мотива Божественного Промысла. В этом случае в сфере «своего» оказывается человеческая воля, сопряженная с волей Божественной, а в сфере «чужого» – онтологически чуждые богоподобной природе человека греховные страсти, производящие в его душе раскол и ослабляющие его волю. Именно в таком модуле антитезы «свое» – «чужое» соотносится с изображенными в повести двумя типами личности: раб Божий – человек, живущий по воле Господа (Тарас, Остап), и раб страстей – человек, утративший свободу из-за подчинения греху (Андрей).

В понимании Гоголя жить в Промысле прежде всего означает понять и принять свое предназначение, свое персональное место в мире, «свою дорогу», которая в итоге должна привести его к спасению. Проблема «своего места» – одна из наиболее значимых в художественной антропологии писателя. Кроме того, это одна из сквозных тем в его эпистолярной литературе. Например, в письме А. С. Данилевскому от февраля 1843 г. Гоголь пытается донести до своего бывшего школьного товарища мысль о том, что человеку крайне необходимо выяснить, как ему обрести свой путь: «нет человека, который бы не был создан и определен к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу» [20, с. 176]. Эти же мысли он развивает и в своем письме к матери, написанном примерно в то же время: «Нет бесполезного человека в мире, и горе тому, кто не откроет, на что он полезен, и не молит Бога о том, чтоб уяснил и открыл ему очи увидеть полезность свою. <...> Человек призван в мир, стало быть, он нужен миру. Человек поставлен на этом месте, а не на другом, стало быть, он нужен на этом месте, а не другом» [20, с. 216–217].

По мнению И. А. Виноградова, понимание смысла собственного предназначения рождает в казаках «ощущение причастности к общему плану мироздания» [21, с. 595]. Если Тарас и его старший сын вполне определились со своим предназначением, которое видится им в защите православия от неверных, то для Андрия найти свое место и сделать свободный выбор оказывается проблематичным. Не случайно сюжетная линия этого героя включает мотивы блуждания, ослепления. Так, описывая киевский период его

жизни, автор сообщает, что он часто «бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева... Иногда он забирался и в улицу аристократов... где жили малороссийские и польские дворяне» [22, с. 315] и где он впервые увидел дочь польского воеводы. Андрий выбирает пространство «уединенного закоулка», семантика которого в русской литературе традиционно связывается с духовным заблуждением (например, в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского: «Пока Ракин будет думать о своих обидах, он всегда будет уходить в переулок») [23, с. 487]. В «Тарасе Бульбе» топос закоулка символизирует еще и духовное одиночество Андрия («бродил один... в уединенном закоулке»). Неудовлетворенность героя своим местом в жизни, своим казацким предназначением объясняет его сначала подсознательное стремление к поиску чего-то другого, чужого. Осознанно эту неудовлетворенность он выразит во время свидания с польской красавицей в осажденном Дубно, когда, не сумев ответить на ее речи, он, как замечает автор, «вознегодовал на свою казацкую натуру» [22, с. 354]. Пространственные перемещения Андрия по городским закоулкам сопряжены с ситуацией мысленного блуда. Например, во время философских диспутов в духовной академии он предавался «горячим мечтам» о женщине, но, как отмечает повествователь, предавался тайно, поскольку «в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать казаку о женщине и любви, не отведав битвы» [22, с. 315]. Мечтами о прекрасной полячке он наслаждался и по дороге в Сечь, о которой, казалось бы, только и должен грезить каждый молодой казак, впервые туда направляющийся. Но Андрий внутренне не готов принять свое предназначение, не расположен войти в казацкое братство, он ищет что-то другое. Так, сравнивая двух братьев, автор замечает, что Андрий вроде бы, как и Остап, «кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам» [22]. В образе Андрия, несомненно, прочитывается библейский архетип блудного сына.

«Другие чувства», т. е. инаковость Андрия, позволяют говорить, что его образ воплощает нехарактерную для средневекового мира идею отъединенности, идею персонализма. Андрий противопоставляется соборному казацкому миру, Сечи, которая олицетворяет в повести дом, куда «с радостью возвращались казаки», семью, основанную не столько на кровном, сколько на духовном родстве. В основе казацкого братства и в основе самого существования Сечи лежит, по мнению И. А. Виноградова, вера в Бога [21, с. 595]. Конечно, казаки по-своему понимают веру в Бога. Она отождествляется у них не столь-

ко с церковной жизнью (т. е. с регулярной молитвой, участием в богослужениях), которая, однако, ими не отрицается. Так, в повести сказано, что «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови», но в то же время, замечает повествователь, «слышать не хотела о посте и воздержании» [22, с. 324]. Вера для казаков – это прежде всего исполнение долга, который понимается ими как защита православия и хранение товарищества. Вера в Бога имеет у казаков деятельный характер, поскольку предполагает жертвенное служение Отечеству и братству. В этом смысле вера в Бога становится также свидетельством того, что казаки живут в Промысле Божиим, поскольку Священное Писание говорит, что дороже всего в очах Божиих жертвенная любовь и что нет выше заповеди о любви. Отношения внутри казацкого братства могут быть прочитаны с проекцией на формулу св. Аввы Дорофея, когда, объединяясь с ближними на духовной основе, человек соединяется с Богом. Сочинения преп. Аввы Дорофея Гоголь знал и читал, о чем свидетельствует, например, его записная книжка 1841–1846 гг., где есть такое примечание: «Авва Дорофей, иногда смотреть» [24, с. 659].

Квинтэссенцией мотива духовного родства становится речь Тараса о товариществе. Эта речь разворачивается в нескольких контекстах. Во-первых, в контексте антитезы «свое» – «чужое»: настоящее товарищество есть только в Русской земле; «породниться родством по душе, а не по крови может один только» русский человек. Во-вторых, в евангельском контексте: слово Тараса о святых узах товарищества – это проповедь о любви, которая делает человека способным положить «душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Неслучайно обращение Тараса к товарищам завершается словами о смерти. Следует заметить, что речь Бульбы примыкает к эпизоду так называемого приобщения казаков к «заповедному вину», которое он берег на случай, если настанет «великая минута» [22, с. 377]. Данная сцена содержит литургические аллюзии, позволяющие осмыслить духовное единение казаков в контексте евангельских представлений о жертвенной любви агапэ. Кроме того, в этих эпизодах становится осязаемым вектор Божественного Промысла в жизни казаков. Выслушав слово Тараса о товариществе в Русской земле, о жертвенной любви, казаки, как сообщает автор, «сильно задумались», но задумались они не о «корысти и военном прибытке... но задумались они, как орлы, севшие на вершинах каменистых гор... Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдаль судьбу свою» [22, 378–379].

Примечательно, что казаки, задумавшиеся о судьбе, сравниваются автором с орлами, с птицами, что аллегорично соотносится с евангельским повествованием о благом Промысле, в котором вводится образ птиц, чтобы подчеркнуть, что Господь печется абсолютно о всех своих созданиях, тем более о человеке: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо лучше ли их?» (Мф. 6:26). Обращает на себя внимание указание на бескорыстие казаков: предстоящее сражение они воспринимают не как возможность «военного прироста», но как возможность послужить Отчизне и товариществу, т. е. как возможность проявить в своей жизни высший тип любви. Если после речи Тараса казаки только задумались о «чернеющей вдали судьбе», то в акте торжественного и всеобщего винопития они засвидетельствовали о своей готовности положить душу свою за друзей своих, т. е. исполнить волю Божию.

Именно поэтому изображение смерти казака на поле брани содержит не только описание его физических страданий, но и описание его перехода в вечность. Кроме того, гибнущий в бою казак продолжает думать о товарищах, обращая к ним свои последние слова. Так, в речи смертельно раненного атамана Кукубенко прозвучали слова о товарищах, о Боге и о Русской земле: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при ваших глазах, товарищи! Пусть же после нас живут лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» [22, с. 386]. О братской любви, побеждающей смерть, как об утешении для умирающего в кругу товарищей казака Гоголь писал также в статье «О малороссийских песнях»: «умирающий казак лежит... среди девственной природы и собирает все силы, чтобы не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей... Увидевши их, он насыщается и умирает» [15, с. 170]. Описание смерти казака Кукубенко представлено в повести в традициях христианской иконографии, которая предполагает изображение на одной плоскости двух планов: земного и вечного, когда, например, душу умершего праведника/мученика принимает сам Господь. Так, о смерти Кукубенко сообщается: «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. „Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу... хранил и берегал Мою Церковь“» [22, с. 386–387]. Иными словами, мотив Божественного Промысла организует в «Тарасе Бульбе» повествование не только о земной истории персонажей, но и об их участии/спасении в вечности.

Еще более насыщенной библейскими реминисценциями о Божественном Промысле представлена в повести сцена казни Остапа. Говоря о предстоящих муках Остапа, автор использует образ чаши: «Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу». Этот образ отсылает к евангельскому образу чаши страданий, где также актуализирован мотив воли Божией: «Отче! если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42). С гефсиманским молением Христа к Отцу Небесному исследователи связывают также ситуацию обращения Остапа к отцу перед самой своей кончиной: «И упал он с силою и выкрикнул в душевной немощи: „Батко! Где ты? Слышишь ли ты все это?“ – „Слышу!“ – раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул» [22, с. 407]. Действия Тараса Бульбы в этом эпизоде, по мнению И. Виноградова, выражают волю Самого Бога [21, с. 600].

Верность долгу, жертвенная любовь осмысляются в повести как знак сопричастности человека Божественной воле и залог вечной жизни, а также как результат его свободного выбора. В этом плане интересна ситуация выбора Андрия. В исследовательской литературе [19] отмечалось, что Андрий не совсем по доброй воле совершил предательство, так как якобы был насильственно зачарован, околдован красотой полячки. Действительно, сюжетная линия этого персонажа включает мотивы неволи, зачарованности, но они, скорее, призваны подчеркнуть идею о пленении человека собственными греховными страстями. Андрий – это раб страстей, которые он тайно и по собственной воле лелеял в своей душе. Кроме того, он изначально тяготился своей казачьей судьбой, ему было скучно и неудобно в казачьем братстве, он подсознательно искал другого пути. Поэтому судьбу Андрия нельзя рассматривать как воплощение предопределения или как результат насильственного очарования «чужим». Его выбор вполне осознанный и не вызывает в нем сожаления. Примечательно, что признание Андрия в любви женщине есть одновременно акт отречения от всего «своего»: от своего прошлого, от любви к своему отцу, к своим товарищам и к своей Отчизне, а также от того, кто определил ему в Отчизне Украину, т. е., по сути, в этой сцене он декларирует свое богоотступничество. При этом Гоголь подчеркивает, что если Андрий отрекается от Бога, то Бог не отрекается от него. У героя до конца сохраняется возможность выбора, о чем свидетельствуют многочисленные ситуации-предсказания, предзнаменования, знаки Божественного присутствия

в его жизни. Это и кипарисовые образа, которые мать прислала своим детям как раз накануне предательства Андрия. Это и пророческие слова Тараса, остановившие Андрия в момент его перехода во вражий стан. Это и смерть Андрия от руки земного отца, который, предав смерти сына, тем самым не отрекся от него. Кроме того, в аспекте вечности такая кончина может рассматриваться как искупление греха предательства, дающее надежду на спасение души в вечности.

Трагическая судьба Андрия, не выдержавшего соблазна «чужим», проецируется на судьбу Малороссии, которая в силу географического фактора находилась в ситуации непрекращающегося искушения западными ценностями, что грозило ей отречением от всего «своего» и в результате гибелью.

Заключение

Таким образом, обращение к разноплановым историческим источникам (научным, фольк-

лорным и др.) позволило Гоголю создать в повести многомерный образ прошлого, а также осуществить жанровый синтез нескольких эпических традиций (исторической повести, исторической песни и др.). Диалектика историософской мысли Гоголя определяется концепцией Божественного Промысла, который действует как в судьбе отдельных людей, так и в развитии большой истории. Исторический процесс в представлении Гоголя есть результат диалога свободной воли человека и Божественного Промысла. Наиболее отчетливо концепция Божественного Промысла воплощается в сюжетной, хронологической организации повести, а также в мотивном комплексе, который включает следующие семантические звенья: воля Божия и свободная воля человека, ситуация выбора, поиск своего места/предназначения, исполнение долга как проявление свободного послушания Богу и др.

Список источников

1. Васильев С. А. Традиции отечественного литературного религиозно-философского эпоса в произведениях Н. В. Гоголя // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2009. № 1. С. 30–42.
2. Минералов Ю. И. О двух редакциях «Тараса Бульбы» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М., 2009. № 1. С. 55–79.
3. Перов Ю. В., Сергеев К. А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена. СПб.: Наука, 2000. С. 5–53.
4. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачёва. М.: Республика, 1995. 607 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / сост., подгот. текстов и комм. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 624 с.
6. Биография Шлёцера: пер. с нем. // Северный архив. 1826. № 14–15. С. 113–119.
7. Гоголь Н. В. Шлёцер, Миллер и Гердер. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 816 с.
8. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834 / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 392 с.
9. Гоголь Н. В. Исторические афоризмы Михаила Погодина // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 816 с.
10. Гоголь Н. В. О преподавании всеобщей истории // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 744 с.
11. Шлёцер А. Л. Представление всеобщей истории / пер. с нем. А. Барсова. М.: Университетская тип. В. Огорокова, 1791. 268 с.
12. Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. 582 с.
13. Боплан Г. де. Описание Украины / пер. с фр. Н. Устрялов. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 179 с.
14. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: в 3 т. Т. 2. М.: Тип. Семёна Селивановского, 1830. 470 с.
15. Гоголь Н. В. О малороссийских песнях // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 816 с.

16. Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе // Шаги/Steps. 2015. Т. 1, № 2. С. 7–22.
17. Денисов В. Д. К вопросу об исторической основе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. 2010. № 137. С. 84–94.
18. Гоголь Н. В. Взгляд на составление Малороссии // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 816 с.
19. Кривонос В. Ш. Повести Гоголя: Пространство смысла. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. 442 с.
20. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 12: Переписка 1842–1844 / сост., подг. текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 704 с.
21. Виноградов И. А. Комментарии. Неизвестный «Миргород» // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / сост., подг. текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. С. 570–630.
22. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / сост., подготовка текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. С. 303–413.
23. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Э, 2016. 1056 с.
24. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки / сост., подг. текстов и ком. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 968 с.

References

1. Vasil'yev S. A. Traditsii otechestvennogo literaturnogo religiozno-filosofskogo eposa v proizvedeniyakh N. V. Gogolya [Traditions of the Russian literary religious and philosophical epic in the works of N. V. Gogol]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo – Vestnik of Gorky Literary Institute*, 2009, no. 1, pp. 30–42 (in Russian).
2. Mineralov Yu. I. O dvukh redaktsiyakh “Tarasa Bul’by” [About two editions of “Taras Bulba”]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo – Vestnik of Gorky Literary Institute*, 2009, no. 1, pp. 55–79 (in Russian).
3. Perov Yu. V., Sergeev K. A. “Filosofiya istorii” Gegelya: ot substantsii k istorichnosti [Hegel’s “Philosophy of History”: from Substance to Historicity]. In: Gegel’ G. V. F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Translation from German by A. M. Woden. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. Pp. 5–53 (in Russian).
4. Mochul’skiy K. V. Dukhovnyy put’ Gogolya [Gogol’s Spiritual Path]. In: Mochul’skiy K. V. *Gogol’. Solov’yov. Dostoyevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Compilation and afterword by V. M. Tolmachev. Moscow, Respublika Publ., 1995. 607 p. (in Russian).
5. Gogol’ N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 17 tomakh. Tom 15: Perepiska. 1848–1852* [The complete collection of works and letters: in 17 volumes. Volume 15: Correspondence. 1848–1852]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel’sstvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 624 p. (in Russian).
6. Biografiya Shlyotsera. Perevod s nemetskogo [Biography of Schletzer. Translation from German]. *Severnyy arkhiv*, 1826, no. 14–15, pp. 113–119 (in Russian).
7. Gogol’ N. V. *Shlyotser, Miller i Gerder* [Schletzer, Miller and Herder]. In: Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. Tom 7: Yunosheskiye opyty. Pervonachal’nyye redaktsii* [Complete Works and Letters: in 17 volumes, volume 7]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel’sstvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 816 p. (in Russian).
8. Gogol’ N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 17 tomakh. Tom 10: Perepiska. 1820–1834* [The complete collection of works and letters: In 17 volumes. Volume 10: Correspondence. 1820–1834]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel’sstvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 392 p. (in Russian).
9. Gogol’ N. V. *Istoricheskiye aforizmy Mikhaila Pogodina* [Historical aphorisms of Mikhail Pogodin]. In: Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. Tom 7: Yunosheskiye opyty. Pervonachal’nyye redaktsii* [Complete Works and Letters: in 17 volumes, volume 7]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel’sstvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 816 p. (in Russian).
10. Gogol’ N. V. *O prepodavanii vseobshchey istorii* [About teaching universal history]. In: Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. Tom 6. Vybrannyye mesta iz perepiski s druz’yami. Dukhovnaya proza. Kritika. Publitsistika*

[Complete Works and Letters: in 17 volumes, volume 6. Selected places from correspondence with friends. Spiritual prose. Criticism. Publicism]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 742 p. (in Russian).

11. Shlyotser A. L. *Predstavleniye vseobshchey istorii* [Representation of universal history]. Translation from German by A. Barsov. Moscow, Universitetskaya tipografiya V. Okorokova Publ., 1791. 268 p. (in Russian).
12. Droyzen I. G. *Istorika* [The historian]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 582 p. (in Russian).
13. Boplan G. de. *Opisaniye Ukrainy* [Description of Ukraine]. Translation from French by N. Ustryalov. Saint Petersburg, Tip. Karla Krayya Publ., 1832. 179 p. (in Russian).
14. Bantysh-Kamenskiy D. N. *Istoriya Maloy Rossii*: v 3 tomakh. Tom 2 [The History of Little Russia: in 3 volumes. Volume 2]. Moscow, Tip. Semena Selivanovskogo Publ., 1830. 470 p. (in Russian).
15. Gogol' N. V. O malorossiyskikh pesnyakh [About songs of Malorossia] In: Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. Tom 7: Yunosheskiye opyty. Pervonachal'nyye redaktsii* [Complete Works and Letters: in 17 volumes, volume 7]. Comp., preparation of texts and com. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 816 p. (in Russian).
16. Neklyudov S. Yu. Epos v mirovoy literature [Epic in world literature]. *Shagi*, 2015, no. 2, vol. 1, pp. 7–22 (in Russian).
17. Denisov V. D. K voprosu ob istoricheskoy osnove povesti N. V. Gogolya "Taras Bul'ba" (1835) [On the question of the historical basis of N. V. Gogol's story "Taras Bulba" (1835)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Yazykoznanie i literaturovedeniye – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2010, no. 137, pp. 84–94 (in Russian).
18. Gogol' N. V. Vzglyad na sostavleniye Malorossii [A look at the compilation of Malorossia]. In: Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. Tom 7: Yunosheskiye opyty. Pervonachal'nyye redaktsii* [Complete Works and Letters: in 17 volumes, volume 7]. Comp., preparation of texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 816 p. (in Russian).
19. Krivonos V. Sh. *Povesti Gogolya: Prostranstvo smysla* [Gogol's Novellas: The Space of Meaning]. Samara, SGPU Publ., 2006. 442 p. (in Russian).
20. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*: v 17 tomakh. Tom 12: Perepiska 1842–1844 [The complete collection of works and letters: in 17 volumes. Volume 12: Correspondence. 1842–1844]. Comp., prepared texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 704 p. (in Russian).
21. Vinogradov I. A. Kommentarii. Neizvestnyy "Mirgorod" [Comments. Unknown "Mirgorod"]. In: Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*: v 17 tomakh. Tom 1: Vechera na khutore bliz Dikan'ki; Tom 2: Mirgorod [The complete collection of works and letters: in 17 volumes. Volume 1: Evening on a farm near Dikanka; Volume 2: Mirgorod]. Comp., prepared texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. Pp. 570–630 (in Russian).
22. Gogol' N. V. Taras Bul'ba [Taras Bul'ba]. In: Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*: v 17 tomakh. Tom 1: Vechera na khutore bliz Dikan'ki; Tom 2: Mirgorod [The complete collection of works and letters: in 17 volumes. Volume 1: Evening on a farm near Dikanka; Volume 2: Mirgorod]. Comp., prepared texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 664 p. (in Russian).
23. Dostoevskiy F. M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow, E Publ., 2016. 1056 p. (in Russian).
24. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*: v 17 tomakh. Tom 9: *Vypiski iz tvoreniy Svyatykh Otsov. Kanony i pesni tserkovnyye. Slovari. Zapisnyye knizhki* [Complete Works and Letters: in 17 vol., vol. 9. Extracts from the works of the Holy Fathers. Canons and songs of the church. Dictionaries. Notebooks]. Comp., prepared texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 968 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Академия Троице-Сергиева лавра, Сергиев Посад, 141300).

Information about the author

Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Spiritual Academy (Holy Trinity Lavra of St. Sergius), Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 28.06.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 82.09

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-122-131>

Пьеса В. Масса и Н. Эрдмана «Орфей в аду» на музыку оперетты Ж. Оффенбаха

Валентина Егоровна Головчинер¹, Екатерина Федоровна Леванова²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *vgolovchiner@gmail.com*

² *catrine_levanova@mail.ru*

Аннотация

Сегодня имя драматурга Николая Робертовича Эрдмана широко известно в мировом театральном пространстве прежде всего как имя автора двух пьес для драматического театра «Мандат» и «Самоубийца». Написанные в 1925 и 1928 гг., они получили самую высокую оценку деятелей отечественного театра, но были запрещены Главным репертуарным комитетом в начале 1930-х гг. и только в конце 1980-х гг. опубликованы на родине автора. С той поры они преимущественно и являются объектом внимания отечественных литературоведов. О произведениях, созданных Н. Эрдманом в разные годы с соавторами, в том числе для музыкальных театров, мало кто знает. Они большей частью не изданы, и вследствие этого не попадали в поле зрения исследователей. До сих пор не опубликованный текст пьесы В. Масса и Н. Эрдмана на музыку оперетты Ж. Оффенбаха «Орфей в аду» впервые стал предметом литературоведческого исследования. История Орфея и Эвридики издавна интересовала композиторов, художников, но первыми в явно комической разработке представили ее композитор Ж. Оффенбах и его либреттисты. В травестировании главных персонажей древней истории, ее сюжетных ситуаций французские авторы середины XIX в. были сосредоточены на морально-бытовых сторонах частной жизни высоких персон. Создавая свой текст на музыку Ж. Оффенбаха, русские драматурги развивали ее травестийную выразительность в диалогах драматического действия и представляли в комической истории героев с мифологическими именами нарастающие тенденции мировой политической реальности рубежа 1920–30-х гг. Приведенный материал позволяет предположить в опыте пьесы В. Масса и Н. Эрдмана для музыкального театра «Орфей в аду» разработку известного сюжета по линии условно-метафорической линии отечественной эпической драмы, начатую «Мистерией-буфф» В. Маяковского (1918), получившую развитие в 1930–40-х гг. в пьесах-сказках Е. Шварца, в 1970–80-х гг. – в «комических фантазиях» Г. Горина и др.

Ключевые слова: Ж. Оффенбах, «Орфей в аду», либретто, оперетта, общественное мнение, В. Масс, Н. Эрдман, травестия, пьеса, диалог, действие, чужой сюжет, эпическая драма

Для цитирования: Головчинер В. Е., Леванова Е. Ф. Пьеса В. Масса и Н. Эрдмана «Орфей в аду» на музыку оперетты Ж. Оффенбаха // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 122–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-122-131>

Russian text “Orpheus in Hell” by V. Mass and N. Erdman in relation to the libretto of Offenbach’s operetta

Valentina E. Golovchiner¹, Ekaterina F. Levanova²

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vgolovchiner@gmail.com*

² *catrine_levanova@mail.ru*

Abstract

Today, the name of the playwright Nikolay Robertovich Erdman is widely known in the world theatrical space, primarily as the name of the author of two plays for the drama theater “Mandate” and “Suicide”. Written in 1925 and 1928, they received the highest appraisal of the figures of the national theater, but were banned by the Main Repertory Committee in the early 1930s and only in the late 1980s were published in the author’s homeland. Since then, they have been predominantly the object of attention of domestic literary critics. Few people know about the works created by Erdman in different years with co-authors, including for musical theaters. For the most part, they have not been published, and as a result, they did not fall into the field of view of researchers. The still unpublished text of the play by V. Mass and N. Erdman to the music of the operetta Orpheus in Hell by J. Offenbach became the subject of literary research for the first time. The story of Orpheus and Eurydice has long been of interest to composers and artists, but the composer J. Offenbach and his librettists were the first to present it in a clearly comic development. In travestyng the main characters of ancient history, its plot situations, French authors of the mid-

nineteenth century focused on the moral and everyday side of the private life of high-ranking people. Creating their text to the music of J. Offenbach, Russian playwrights developed its travesty expressiveness in the dialogues of action, represented in the comic history of heroes with mythological names the growing trends in world political reality at the turn of the 1920s–1930s.

Keywords: J. Offenbach, “Orpheus in Hell”, libretto, operetta, public opinion, V. Mass, N. Erdman, travesty, play, dialogue, action, image of the burgomaster

For citation: Golovchiner V. E., Levanova E. F. P'yesa V. Massa i N. Erdmana “Orfey v adu” na muzyku operetty Zh. Offenbakha [Russian text “Orpheus in Hell” by V. Mass and N. Erdman in relation to the libretto of Offenbach’s operetta]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 122–131 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-122-131>

Введение

Три пьесы на музыку известных в жанре оперетты композиторов – «Боккаччио» (Ф. Зуппе), «Прекрасная Елена» и «Орфей в аду» (Ж. Оффенбаха) были написаны В. Массом и Н. Эрдманом в 1930–1931 гг. и поставлены в Ленинграде. Шли на сцене они недолго, хотя могли бы в условиях репертуарного голода музыкальных театров серьезно их обогатить. Этого не случилось. Шквал организованных критических статей осенью 1931 г. по поводу «Прекрасной Елены» предшествовал их запрещению. Годы творческой зрелости Н. Эрдмана пришлось на время «личной власти Сталина», и это практически лишило его возможностей реализации своего таланта в полную силу. Художник работал в разные годы с разной интенсивностью. Работал, несмотря ни на что, в том числе давал новую жизнь целому ряду классических произведений оперетты.

В аспектах нашей темы стоит отметить, что Н. Эрдман, по данным авторов «Основных дат жизни и творчества...», по одному разу писал *русские тексты* к произведениям таких общепризнанных авторов оперетт, как Ф. Эрве, Ф. Зуппе, И. Штраус, К. Милликер, и трижды обращался к творчеству создателя жанра – Ж. Оффенбаха. О самом первом таком случае – об оперетте «Мадам Оршидюк» – нам известен только факт премьеры в 1922 г. [1, с. 514]. Осуществленная В. Е. Головчинер и Д. Фридманом публикация «русского текста» «Прекрасной Елены» [2, с. 200–245] и обстоятельства его театральной судьбы в первом приближении представлены там же в примечаниях к этой публикации [2, с. 245–246], затем изложены подробнее [3].

Материал и методы

Материалом исследования послужили два текста – либретто оперетты «Орфей в аду» Ж. Оффенбаха на французском языке, опубликованное его драматургом Г. Кремье отдельным изданием в 1860 г. [4], и пьеса В. Масса и Н. Эрдмана на русском языке с тем же названием, написанная в 1931 г. [5, с. 1–68]. В ходе исследования были использованы сравнительно-

исторический, типологический методы анализа литературного произведения, а также возможности теоретической и описательной поэтики. В качестве вспомогательного привлекался ценностно-семиотический подход.

Результаты и обсуждение

Прежде чем приступить непосредственно к изложению результатов исследования, следует отметить тот факт, что по отношению к текстам для оперетт В. Масса и Н. Эрдмана мы осознанно не употребляем обычный в ситуациях обсуждения опер и оперетт термин «либретто», полагая, что названные авторы создавали пьесы – полноценные драматические произведения. Либретто в переводе с итальянского значит «книжечка». Посетители оперных и балетных спектаклей в разных странах с конца XVII в. получали из такой *книжечки* информацию о содержании арий и хоровых партий, не всегда понятных в вокальном исполнении, тем более если их язык был для слушающих чужим. Тексты с описанием спектакля в функции своеобразной «суфлерской» подсказки для зрителей – либретто – с XIX в. стали широко использоваться в театральной практике [6, с. 84].

Приведем фрагмент подобного изложения содержания оперетты Ж. Оффенбаха «Орфей в аду», написанного В. Г. Ядовым. Он характерен для либретто как жанра, как типа такого текста вообще. Его разместила ежедневная иллюстрированная театральная газета «Обозрение театров», приглашая своих читателей посетить 4 августа 1907 г. новый летний театр «Русская опера». Вот как представлена здесь первая сцена оффенбаховского «Орфея в аду»: «Плутон под видом пастуха Аристида влюбляет в себя Эвридику, жену музыканта Орфея. После внезапной ее смерти он снова превращается в Плутона и погружается с Эвридикой в свое подземное царство. Вернувшийся Орфей по огненной надписи на двери их хижины с радостью узнает, что он свободен от брачных уз, и хочет бежать к любимой им нимфе, но является Общественное Мнение и заставляет его идти жаловаться к Юпитеру на

Олимп» [7]. Г-н Ядов составил свой текст в духе общепринятой формы либретто, предельно «высушив», лишив предлагаемую для посещения вещь главной ее прелести и сущности – пародийно-современной и трагической составляющей, того, что позволило признать именно «Орфея в аду» Ж. Оффенбаха первой европейской опереттой.

Издавая расширенный текст либретто «Орфея в аду» отдельной книгой, Г. Кремье так сообщал первую пародийно заостренную информацию о главных героях с именами античных персон: оба живут в «хижинах» и оба, представляя себя, по сути, рекламируют свою деятельность: «„Aristée, marchand de miel, en gros et au détail“. A gauche, au premier plan, la cabane d'Aristée sur laquelle on peut lire l'enseigne: „Orphee, directeurdel'orphéon de Thèbes, leçons au mois et au cachet“»¹ [4, с. 10].

Пародийность ощутима в представлении Аристея – Плутона, хозяина подземного царства, торгующего медом, но в большей степени – Орфея. Три достаточно прозаических способа зарабатывать на жизнь явно противоречат традиции восприятия героя как вдохновенного музыканта и поэта-певца в древнегреческом мифе, а также и в многочисленных интерпретациях комплекса орфических идей в мировой культуре.

В современном русском изложении либретто оффенбаховской оперетты об Орфее ирония проявляется в подчеркнуто плеонастическом (чрезмерном) количестве определений, игровом повторении некоторых из них². В них проговаривается то, что должно быть увидено героями или услышано зрителями: «изящная и легкомысленная песенка», «Орфей, плененный изящной фигурой, играет на скрипке страстную мелодию», «их дуэт изящен и лукав, пленительно легок»,

«предсмертные куплеты „Как сладостно я умираю“ звучат нежно и просветленно»...

Ирония авторов французского либретто³, работавших в союзе с композитором, в начале увертюры направлена как на однообразие красот предшествующей оперы специальными акцентами в описании ландшафта – это был постоянный предмет пародирования в опереттах Оффенбаха, так и на зрителей с их ожиданием в спектакле именно таких красот. Ирония ощутима в наличии вывесок-надписей, представляющих персонажей с именами героев античных мифов информацией об их «деятельности» в форме рекламы.

Но прежде всего ирония французского либретто связана с образом Общественного Мнения, совершенно невозможным в мифе и в его прежних оперных интерпретациях. Фигура в женском облике (во французском языке «общественное мнение» женского рода) явно трагедизирует хор древнегреческой драмы как рода литературы: он не мог влиять на решения и поступки героя. Общественное Мнение либреттистов Ж. Оффенбаха, появляясь из храма с кнутом (здесь очевидна ирония в несоответствии храма и кнута), подчиняет Орфея своей воле. Причем вмешивается она исключительно в сферу частных, семейно-бытовых отношений – отслеживает «мелкие грешки» и наказывает за них.

Moi, je fais mieux: j'agisme moi-même,
et, prenant part à l'action,
de la palme ou de l'anathème
je fais la distribution.

Que prenne garde à
moi la femme qui voudrait tromper son époux!⁴
[4, с. 11].

Показательны акценты в либретто середины XIX в. именно на бытовом плане ситуаций – *крупные грехи* остаются вне поля зрения Общественного Мнения, они *ненаказуемы*, но за *мелкие проступки* ни мужу, ни жене от нее не скрыться.

Трагедийное смещение главных акцентов и мифа и предшествующей оперной традиции ощутимо проявляется и в образе заглавного героя. «История о преданной любви и всевластии искусства многократно становилась важной вехой в эволюции оперного театра. Вслед за „Эвридикой“ Я. Пери (1600) в том же году свою „Эвридику“ создает Д. Каччини (1602). Первой оперой

¹ «Аристей, торговец медом, оптом и в розницу». Справа на первом плане хижина Орфея с надписью: «Орфей, директор музыкальной академии Фив, уроки курсом и репетиторство». (Здесь и далее перевод Е. Ф. Левановой.)

² «Эвридика, собирая цветы, поет изящную и легкомысленную песенку „Чье сердце растрогает рана“. Она кладет букет к двери своего возлюбленного Ариста. В эту минуту ее замечает Орфей и, плененный изящной фигурой, играет на скрипке страстную мелодию. Узнав жену, он затевает с ней ссору. Их дуэт изящен и лукав, пленительно легок. Ссорящиеся супруги уходят, а с другой стороны появляется Арист с пасторальной песней (ее мелодией началась увертюра). Оказывается, Орфей просил Плутона помочь ему избавиться от Эвридики, и Плутон, переодевшись пастухом, явился для этого на землю. Возвращается Эвридика. Арист целует ее, и она умирает. Предсмертные куплеты „Как сладостно я умираю“ звучат нежно и просветленно. Пастух превращается в Плутона и с Эвридикой на руках проваливается. Входит Орфей и видит на своих дверях прощальную надпись, которую успела сделать Эвридика. Он счастлив, но перед ним возникает Общественное мнение и требует, чтобы Орфей шел на Олимп молить Юпитера вернуть ему жену. Орфей подчиняется. Буфонный марш-дуэт Орфея и Общественного мнения „Честь, тебя честь призывает“ завершает картину». (Содержание либретто Г. Кремье и Л. Галеви излагается по тексту книги Л. В. Михеевой и А. А. Ореловича [8].)

³ Начинать работать над ним Г. Кремье и К. Галеви, второй от работы отказался в процессе написания первого акта по причине отъезда в Алжир [12, с. 363].

⁴ За крупные грехи я не наказываю,
но за мелкие проступки от меня не скрыться!
Пусть остерегается меня женщина,
которая обманет своего мужа,
и остерегается также муж,
который поднимет руку на свою жену!

первого классика оперы К. Монтеверди становится опять-таки „Орфей“ (1607) и первой оперой С. Ланди, зачинателя римской оперы, оказывается „Смерть Орфея“ (1619), а позднее оперу „Орфей“ пишет в Риме Л. Росси (1647). Начало следующей эпохи в истории оперы ознаменовано реформаторским произведением К. В. Глюка „Орфей и Эвридика“ (1762)» [8, с. 35]. При всех особенностях каждого названного произведения утверждался вслед за мифом талант певца и поэта, которого сила любви повела за возлюбленной, помогла преодолеть преграды между мирами, покорить своим искусством владык подземного царства.

В варианте оперетты Ж. Оффенбаха директор консерватории и урокодатель с именем Орфей занят пошлыми интрижками и в самый радостный для него момент избавления от Эвридики, уже не любимой и не любящей его жены, подчиняется такому прозаически приземленному персонажу, как Общественное Мнение: он отправляется по ее требованию за женой в иной мир. Уже это, как и многое другое, в решении «Орфея в аду» Ж. Оффенбахом предполагало дальнейшую трагедию. В. Масс и Н. Эрдман приняли эстафету.

Отметим ряд моментов, сближающих авторов «Орфея в аду» середины XIX в. и начала 1930-х гг. И первый – это активное использование в больших театральных формах выразительного потенциала комических форм, приемов народного театра, балагана. «Театр Оффенбаха можно охарактеризовать как новый, модернизированный вариант старого ярмарочного театра. Он... полностью сохраняет его традиции, уходящие буквально вглубь столетий... Основные буффонные и пародийные приемы, широко используемые... Оффенбахом, а также импровизационная стихия, беспредельно господствующая во французской оперетте, непосредственно отталкиваются от палерояльского фарса и ярмарочных театров»; «Оффенбах начинает свою деятельность с репертуара, соединяющего традиции ярмарочного театра с кафе-концертными номерами», – констатировал в истории оперетты М. Янковский [9, с. 35–36, 40].

Начало творческой деятельности В. Масса и Н. Эрдмана определялось в кругу идей балетмейстера-новатора 1920-х гг. Н. М. Фореггера с его интересом к малым формам народного театра. Расцвету таланта Эрдмана-драматурга способствовал режиссер В. Мейерхольд, который обозначил поиски путей обновления современного театра в своих теоретических статьях «Театр (к истории и технике театра)» (1908), «Балаган» (1912).

В связи с нашим материалом можно размышлять и о таких его особенностях, соотносимых с народным творчеством, как коллективность создания текста и вариативность бытования. В обоих

случаях – и французском, и русском – авторы совместно разрабатывают известный сюжет. В результате работы трех французских авторов (начинали работать над либретто при участии композитора два драматурга) травестийно-пародийную разработку в оперетте получил широко известный и не раз получавший новое воплощение миф об Орфее. По сути, вариант – новое драматургическое переложение известной истории, придуманной авторами оперетты, уже утвердился в широком сознании. Совместными усилиями В. Масса и Н. Эрдмана известная уже во многих вариантах история обрела новую форму и новое содержание.

Самостоятельность и оригинальность «Орфея в аду» как художественного текста русских авторов изначально и с очевидностью проявились в целом ряде аспектов: во-первых, в преобразовании информирующей основы французского либретто¹ в действие пьесы как произведение драматического рода литературы – в диалоги; во-вторых, в принципиально новой разработке для современного сознания темы Общественного Мнения; а также, в-третьих и в-четвертых, в игровом насыщении текста репризами современного политического содержания, комическим обыгрыванием знаковых событий, материалов современной советской прессы², узнаваемых строк и реминисценций из текстов известных

¹ Там, где не хватало материала либретто (давалась только схема «травестированного» образа), там их дополняла импровизация великолепных оффенбаховских актеров, и герои давно прошедших времен ото дня ко дню, от спектакля к спектаклю все больше и отчетливее вводят элементы, идущие от современности» (9, с. 47).

² Протицируем фрагмент из «божественных» диалогов на Олимпе пьесы 1931 г.

ДИАНА. Можете себе представить. Иду это я по опушке нашей священной рощи. Помните, там за просекой страшное такое место: налево – озеро, направо – редакция газеты «Таймс». Ну, конечно, тишина. Иду. Впереди – Трезорка. Вдруг как зашумит... Гляжу – вылетает из окна редакции совершенно дикая утка. Вылетает и кричит: „Демпинг, демпинг, демпинг!“ Я, конечно, вскидываю двустволку. Бах, бах, Оффенбах! Она вверх. Трезорка за ней. Она от него. Я за ним. Опять бах. Она порх. Трезор – скок. Я – вбок. Утка – кувырк. Подбегаю – бумажная. Из газетной бумаги.

ЮПИТЕР. Ну, пошла врать. Прямо не богиня-охотница, а Тургенев какой-то. Такие записки охотника каждый день сочиняет, что уши вянут.

ВЕНЕРА. Что же дальше, Дианочка?

ДИАНА. Расстроилась я, конечно. Иду, заворачиваю мимо озера, вдруг над озером кто-то кружит. Гляжу – малярный комар. Что тут делать? Прячусь за дерево. Прицеливаюсь. Только он на меня хотел броситься, я – бах, бах, Оффенбах! Попадаю ему прямо в лоб. Зашатался комар. Тут Трезор – скок. Комар – вбок. Я – бах, комар – трах. Подбегаю....

ЮПИТЕР. Довольно! Невозможно больше слушать! Ну и фантазия у этой богини-охотницы! Знаешь, Диана, если бы ты жила в Париже и сотрудничала в эмигрантских газетах, тебе бы там цены не было [5, с. 23–24].

русских поэтов (последнее – интересная и большая тема, достойная отдельного исследования; приведем только один пример¹).

Отличия русского варианта «Орфея в аду» от французского в этом отношении, можно сказать, заявлены с самого начала. В либретто оперетты Оффенбаха как часть будущего спектакля выделялась увертюра, и в ней прежде всего акцентировались визуальные детали – широкая природная панорама («Сельская местность вокруг Фив. Поля пшеницы, усыпанные цветами...»); указываются храм, очертания города). Сцена сначала пуста – дается возможность познакомиться с расположением на ней важных для увертюры объектов, потом появляются пастухи и пастушки, пародийно-идиллически звучит пение их хора:

Voici la douzième heure que chacun tourne en sademeure

Allons, rentrons nos blancs moutons² [4, с. 10].

Французское либретто предъявляет по очереди одного за одним и группами множество лиц: Читателя с репликами в функциях ремарки, Секретаря совета с информацией о его деятельности; из храма (это фиксирует ремарка) выступает Общественное Мнение, чтобы известить о том, кого и за что она наказывает. После этого она возвращается в храм, сопровождаемая хором стариков. Все это предшествует появлению жены Орфея – Эвридики, ждущей свидания с пастухом Аристом (который окажется Плутоном), потом выходит и Орфей.

Из перебранки мужа с женой становится ясно, что они поглощены своими интрижками, давно надоели друг другу, в их диалоге возникает слово «развод». Но еще до явления Общественного Мнения как персонажа Орфей сообщает жене,

¹ С удовольствием покидая с Плутоном мужа и, соответственно, землю, Эвридика поет прощальную арию с явно узнаваемыми для современников В. Массе и Н. Эрдмана строками из двух стихотворений С. Есенина. В искусной поэтической контаминации авторов пьесы об Орфее и Эвридике они получают явно комические обертоны с привкусом пародии как в сторону героини, которая явно мелодраматизирует ситуацию, так, отчасти, и в сторону грешившего этим недавно ушедшего поэта. Эвридика поет: «Пришла пора покинуть землю, / Ну что ж, любимые, ну что ж, / Как ласку новую приемлю / Я эту гробовую дрожь, / Я эту гробовую дрожь. / Гори, звезда моя, не падай, / Роняй холодные лучи, / Ведь за кладбищенской оградой / Живое сердце не стучит, / Живое сердце не стучит» (падает на колени) [5, с. 15]. Сравним у Есенина в стихотворении «Цветы мне говорят прощай»: «Цветы мне говорят – прощай, / Головами склоняясь ниже, / Что я навеки не увижу / Ее лицо и отчий край. / Любимая, ну, что ж! / Ну, что ж! Я видел их и видел землю, / И эту гробовую дрожь // Как ласку новую приемлю». В есенинском тексте: «Гори, звезда моя, не падай. / Роняй холодные лучи. / Ведь за кладбищенской оградой / Живое сердце не стучит».

² Вот и двенадцатый час, вернемся домой. Давайте приведем наших белых овечек.

что от решительного шага в их отношениях его удерживает зависимость от «общественного мнения», боязнь потерять «общественную репутацию». Кульминация сцены и завязка сюжета середины XIX в. – вмешательство в отношения семейной пары Ариста-Плутона, забравшего Эвридику, к общему удовольствию, в свое подземное царство. Орфей не успевает вкушать радости освобождения от жены: появляется Общественное Мнение с хором. «Она» хочет заставить Орфея восстановить «узы» брака, требует отправиться за Эвридикой: Viens! c'est l'honneur qui t'appelle³ [4, с. 31].

В. Массе и Н. Эрдман резко сокращают количество лиц на сцене, начинают текст своего «Орфея» сразу первым действием, а его – предельно краткой ремаркой. «Великосветский курорт Аркадия. Группы отдыхающих на курорте дам и мужчин в полугреческих, полусовременных костюмах» [5, с. 1]. Здесь номинируется не географическое название места действия (Фивы), а название курорта, предполагающего определенный состав присутствующих на сцене; важны не лица, а две «группы» особей в не случайно одинаково характеризующих костюмах. Существительные предваряются прилагательными с подчеркнута иронической функцией: курорт «великосветский», костюмы *полукакие-то* – «полугреческие», «полусовременные». Эти слова создают основание для снижающей контаминации в характеристике курортников как фигур «получего-то»: *не действующие* лица – «отдыхающие». Слово «хор», кроме специфической для музыкального искусства номинации, может восприниматься как указание на отсутствие индивидуального, личностного проявления.

«Дозволенные речи» – восхищение хора отдыхающих удобствами курорта как будто предназначены для чьего-то слуха⁴. И этот *кто-то* тут же и появляется. Авторская ирония в самопрезентации сразу вводится неправильным ударением, которого требует ритм первого двустопия (господа – бургомистр^а). Из восьми первых строк его выступления шесть закачиваются внушающей, утверждающей рифмой «да»⁵. И он тут

³ «Иди! честь зовет тебя».

⁴ ХОР ОТДЫХАЮЩИХ.

Жить на курорте наслаждение / Здесь все приводит в восхищение... / Недаром любит сей курорт / Античных граждан высший свет. / В Элладе места лучше нет [5].

⁵ БУРГОМИСТР. Примите, господа, / Привет бургомистр^а. / На страже я всегда. / И, если где беда, / Порядок без труда / Я водворю быстро. / И верьте, господа, / Служить вам рад всегда.

ХОР. Нам ваша искренность мила / И нас в волнение привела... / Восторгом нашим нет числа, / Честь бургомистру и хвала [5, с. 1].

же получает заверение хора в полном согласии/подчинении. Но «искренность» и хора, и Бургомистра ставится под сомнение одинаково пустым звучанием четырех одинаковых окончаний: «Нам ваша искренности мила... ла-ла-ла».

После недолгого обмена ритуальными стихотворно-вокальными любезностями с хором Бургомистр переходит на прозу. Комическая путаница – игра омонимами (греки – национальность и гречка – крупа) в обращении к курортникам может иметь свою цель – отвлечь отдыхающих от важности последующей информации о других должностях, которые позволяют Бургомистру «без труда» «водворять порядок». В двух первых предложениях прозаического обращения он сообщает, что занимает три должности. Во втором столь же кратком, но более комическом (в этом случае сатирическом) и косноязычном предложении омонимически запутывается в употреблении слова «лицо» (ну что он за лицо? Нет у него лица, он функция – следуют названия должностей...) и проговаривается – нечаянно, сам того не понимая, дает истинную оценку собственной персоны. В устном произнесении предлог *под* и следующее за ним слово *лицо* в творительном падеже сливаются, приглушенное *и* может восприниматься как *е*: он дважды называет себя *подлецом* и объясняет это тем, что он «власть».

БУРГОМИСТР. Дорогие греки, гречихи, то есть гречанки и гречники, то есть грешники, то есть я хотел сказать греченята. Я приветствую вас как бургомистр, полицмейстер и председатель правления лучшего во всем мире курорта «Аркадия». Здравствуйте.

ВСЕ. Ура!

БУРГОМИСТР. В моем лице вы встречаетесь лицом к лицу с тем лицом, от лица которого я выступаю. Когда я говорю о лице, от лица которого я выступаю, то *под лицом* я подразумеваю себя. Почему я подразумеваю себя *под лицом*? Потому что я власть. Вот. Здравствуйте.

ВСЕ. Ура!

БУРГОМИСТР. Дорогие сливки нашего общества. Может быть, вы не заметили, что на нашем курорте, как и во всем нашем античном мире, очень хорошо жить.

1 ОТДЫХАЮЩИЙ. Представьте себе, действительно, не заметили.

БУРГОМИСТР. Ну, так вот, я ставлю вас совершенно официально в известность, что на нашем курорте жить очень хорошо!

ДАМА. Ну, вот видишь, я тебе говорила, что здесь очень хорошо жить, вот и господин полицмейстер говорит, что хорошо!

БУРГОМИСТР. Я не буду скрывать от вас, что те элементы, которые вопят о кризисе античного мира, о непрекращающейся биржевой лихорадке и возрастаю-

щей безработице, говоря на высоком языке дипломатов, просто сукины дети.

1 ОТДЫХАЮЩИЙ. Неправда, я этого не говорил.

БУРГОМИСТР. Кризис капитализма? Здравствуйте. Прежде всего какая же мы капиталистическая страна? Сколько у нас капиталистов? Маленькая горсточка. Остальные все нищие. ...Кризис нам ничем не грозит, пока у нас есть религия, пока у нас есть незыблемая мораль и пока наши семейные устои священны. Жена как частная собственность и бог как общее достояние – вот те два кита, на которых прочно держится наше античное благополучие [5, с. 2–3].

Речь Бургомистра – главы администрации, полицмейстера, осуществляющего охрану и безопасность в интересах администрации, а также председателя правления курорта с соответствующим экономическим обеспечением в одном лице – у русских авторов явно перформативна и двунаправлена. Во-первых, как предполагает организация текста в драме, она функциональна на уровне компетенции персонажей – их взаимодействия. Трижды обращенное к отдыхающим утверждение «на нашем курорте, как и во всем нашем античном мире, очень хорошо жить» рассчитано на внушающий эффект¹: оно произносится человеком не очень хорошо владеющим родным языком, но сосредоточившим в своих руках власть. И каждый период его речи ритуально заключается общим – «хоровым» «ура».

Одна из дам, зная своего сомневающегося мужа – 1 отдыхающего, обращаясь к нему, повторяет еще раз дословно слова «господина полицейского» (теперь он назван прежде всего в этом качестве). И 1 отдыхающий теперь уже молчит. Это «говорящее» молчание диалогической природы: он явно уклоняется от ответа. А потом, когда непосредственно к нему никто не обращался (он в диалог не включался, следовательно, не может быть ни в чем заподозрен), оправдывается: «Неправда, я этого не говорил».

Всего две реплики этого персонажа, выделившегося на какой-то момент из хора, и один случай – минус-прием – его молчание как реакция на все более наступательный тон Бургомистра выразительно демонстрируют результат пропаганды, проводимой Бургомистром-полицмейстером. Если нужный образ мыслей даже и не

¹ Авторы точно уловили нарастающую тенденцию отечественной пропаганды, которая с очевидностью использовала суггестивные повторяющиеся слов. Она с очевидностью проявилась, например, в тексте, написанном в 1936 г. В. Шмидтгофом: «Эх, хорошо в Стране Советской жить! / Эх, хорошо Страной любимым быть! / Эх, хорошо Стране полезным быть, / Красный галстук с гордостью носить! Знай один лишь ответ, боевой наш привет: / Будь готов! Будь готов!».

вполне утвержден, то человек, у которого могут быть вопросы, молчит и ведет себя, как все в хоре. Авторы русского «Орфея» тонко чувствуют природу диалога драмы и блестяще используют его возможности.

Процитированный монолог обнаруживает явно двунаправленную природу. Энергия речи Бургомистра непосредственно обращена к сознанию курортников (что соответствует компетенции драматического персонажа, его воздействию на другого/других). Но в этой речи отчетливо ощущим и активный авторский месседж как проявление авторской компетенции. Игровая, комическая организация отдельных компонентов речи на тонком уровне словесной организации русского текста, как бы помимо сознания говорящего персонажа, от авторов обращена непосредственно к сознанию воспринимающих читателей/зрителей. Это они в соотношении и осмыслении прямых и косвенных значений слов – в контексте – должны почувствовать в монологе Бургомистра-полицмейстера угрозу («порядок без труда» он «водворяет быстро»); понять, каким на самом деле лицом – «подлецом» тот как лицо власти является, осознать, что стоит за оговоркой о «неперебегающей биржевой лихорадке» и чего стоит «прочность античного благополучия», если оно держится на «двух китах»: жене в качестве «частной собственности и боге как общем достоянии».

Травестия известного мифа об Орфее и Эвридике в оффенбаховском варианте с очевидностью реализуется в том, что развитие событий определяется не испытанием высокого чувства любви супругов, а их очевидной нелюбовью и радостью расставания. Она покидает мужа самым экстремальным способом: оказывается сначала в объятиях «другого» и, соответственно, сразу в царстве Плутона. Требование Общественного Мнения Орфею вернуть жену, восстановить семью в оперетте французов оказалось невыполнимо. Их Орфей не сумел выполнить условие – не оглянуться на пути из подземного царства, и превращенная Юпитером в вакханку Эвридика осталась отплясывать с ним канкан на балу в царстве Плутона. Морально-этический план истории развивался в середине XIX в. на уровне бытовых анекдотов, фельетонов из жизни известных парижан. Интерес к ним зрителей «дополняла импровизация великолепных оффенбаховских актеров» [10, с. 47] и, конечно, музыка Ж. Оффенбаха.

Русская версия «Орфея» в условно-метафорической форме фиксировала реалии политической жизни 1920-х – начала 1930-х гг. Это определило специфический тип ее организации. Задолго до актуализации понятия «парабола» в

искусстве и искусствоведении XX в. по спирали развивающееся действие пьесы Массы и Эрдмана обнаруживало параболическую природу.

Термин «парабола» актуализировался в отечественном литературоведении во второй половине XX в.¹ В переводе с греческого слово «парабола» значит «сравнение», его издавна и прочно связывают в европейской культуре с понятиями притчи, иносказания. Этих форм в чистом виде литература последних веков дает немного; гораздо больше поводов размышлять о притчевости, иносказательности, параболичности. Основание думать о параболичности дает такая организация истории в прозе или в драме, которая развивается как бы по кривой. То удаляясь от основной фабульной линии, то приближаясь к ней, параболическая организация позволяет заметить ответвления от главного направления событий, акцентирует внимание на относительно самостоятельных ситуациях, соотносимых параллельных планах, деталей изображения, акцентированных повторами. Параболичность актуализирует обратные связи в поэтике текста, требует мысленного возвращения к предыдущему и параллельно происходящему, побуждает к сопоставлению компонентов².

Повторы ситуаций, отдельных фрагментов текста с семантическим сдвигом особенно заметны в «Орфее» русских авторов в сценах с очевидно социальными акцентами. Как было отмечено, восторг хора отдыхающих удобствами и развлечениями курорта Аркадия выражался явно в расчете быть услышанным. Эта ситуация оказывается аналогичной притворному восхищению Плутона Олимпом, куда он явился для отчета перед Юпитером за нарушение правил поведения богов – за пребывание на земле и похищение земной женщины. Плутон заранее демонстрирует высшему божеству свою верноподданническую лояльность³.

Еще более показателен для осмысления параболической природы действия другой эпизод. Аналогом перебранки между Орфеем и Эвриди-

¹ Думается, определенную роль в этом сыграло московское издание пятитомного «Театра» Б. Брехта в 1963–1967 гг. и работы о творчестве этого драматурга. Пьесе 1941 г. «Добрый человек из Сычуани» автор определил как «пьеса-парабола». Она стала широко известна в Москве после дипломного спектакля студентов Щукинского училища по этой пьесе, постановленного Ю. Любимовым в 1963 г. Этим спектаклем в 1964 г. обозначено начало истории Театра на Таганке.

² В статье о параболе в «Словаре тетра» П. Пави называет использовавших ее в пьесах в конце 1930-х – 50-е гг. Б. Брехта, М. Фриша, Ф. Дюрренматта [11, с. 216–217].

³ «Как тут экзотично, / Уютно, прилично, / восторг, просто восторг. / Дивный чертог, / прекрасный сад, / Простор и свет, / Аромат. / На несколько миль / Строго выдержан стиль...» [5, с. 37].

кой на земле в первом действии представлен скандал богов на Олимпе во втором действии. В нем главенствует та же тема отношений героев обоого пола за пределами семьи и решается так же – на уровне бытового выяснения: кто кого любит – не любит, кто с кем, кому и когда изменял. Но скандал у богов выглядит грандиознее и едва не переходит в революцию. Как ее знак прозвучали первые слова «Марсельезы», но тут же о революции забыли: боги быстро переключились на обсуждение информации о появившейся в их рядах красивой земной женщине.

Масс с Эрдманом вводят в события на Олимпе эпизод, параболически связанный с «укрошением» 1 отдыхающего из первой сцены (которого не было и не могло быть в либретто французов). В эпизоде *русского текста* на Олимпе в функции этого персонажа более подробно представлен герой другого уровня – бог Аполлон. Он решительно формулирует политические обвинения в адрес Юпитера, хочет поднять в глазах небожителей свой авторитет как политического деятеля, борца с властью Юпитера: «Зарвавшийся самодержец, диктатор, тиран. Как бог и социал-демократ... устрою ему революцию». Но с каждым вопросом Юпитера он меняет интонацию вызова на все более извиняющуюся и, наконец, заканчивает словословием в адрес «Божественного повелителя»¹.

Особого внимания достойно и собственно драматургическое решение аналогичных сцен, игра объемами реплик. В первом эпизоде 1 отдыхающий в начале пьесы после одной своей крат-

кой реплики сомнения умолкает. Зато активностью и многословием здесь отличается речь Бургомистра: он наступает, не давая никому слова сказать, и 1 отдыхающий, едва подавший голос, уже смят. Он молчит. Соотносимый случай на Олимпе при общем направлении развития эпизода отмечен контрастом объемов высказываний разных сторон, особенно очевидным в соотношении с первым. Чем более пространно и решительно начинает свои обвинительно-протестующие речи Аполлон, тем более явно нарастает энергия грозы-угрозы в предельно кратких, односложных вопросах Юпитера. Как всплески рядом сверкающей молнии, они быстро обращают Аполлона и всех только что возмущавшихся богов в бегство.

Эффект параболической организации действия в пьесе закрепляет самая сильная позиция – финальное завершение истории Эрдмана и Масса в ее соотнесенности и с греческим мифом, и с предшествующими оперными вариантами, и, что особенно важно, с либретто оффенбаховской оперетты. Последняя меняла в прошлом трагический пафос мифа на комический, дарила всем главным героям желаемое: покидал не только ад, но и ненавистную жену Орфей; превращенная в вакханку Эвридика доставалась Юпитеру, история завершалась веселым пением и канканом богов.

В варианте соавторов русского текста 1931 г. спор за Эвридику двух богов – Плутона и Юпитера – решает и силу власти демонстрирует «неожиданно появившийся» Бургомистр. Косноязычный, что-то порой мямливший, уступающий в энергии и настойчивости своей жене в первой сцене пьесы, он в финальном распоряжении предстает реальной силой и властью, превосходящей даже власть Юпитера на земле и под землей. В последнем своем явлении Бургомистр многословен, предельно сконцентрирован, четок, уверен в себе. Он слова не дает никому сказать: «порядок без труда он водворяет быстро». И, что показательно, трижды в последней небольшой реплике звучит приказ всем «молчать»: рот разрешается открывать только для того, чтобы «петь гимн».

БУРГОМИСТР (появляется неожиданно). Молчать. Это что еще за беспорядок такой? Прекратить моментально. Боги – к богам, черти – к чертям, Эвридика – к Орфею.

ЮПИТЕР. Но...

БУРГОМИСТР. Молчать. Кто здесь бургомистр, вы или я? Кто кого создал по образу и подобию своему? Вы нас или мы вас? Молчать. ...Мы вас создали для того, чтобы держать в повиновении народ, а не для того, чтобы

¹АПОЛЛОН. Надоело. Как он смеет. Это просто негодяй, зарвавшийся самодержец, диктатор, тиран. Как бог и социал-демократ, я не могу с этим смириться. Я сейчас устрою ему революцию. Я его обличу, я ему выскажу все, что у меня накопилось.

ЮПИТЕР. Аполлон!

АПОЛЛОН. Господин бог богов. Я должен вам заявить, что ваш режим – гнусное издевательство над божественным достоинством ваших подданных.

ЮПИТЕР. Что?

АПОЛЛОН. Я хочу сказать, что ваш образ правления не вполне отвечает принципам свободы и демократии...

ЮПИТЕР. Как?

АПОЛЛОН. Я полагаю, ваше олимпийское величество, что вы немного, если можно так выразиться, недоучитываете интересов, то есть в некотором роде допускаете небольшую ошибку.

ЮПИТЕР. Повторите.

АПОЛЛОН. Божественный повелитель. Как покровитель искусств и социал-демократ, я позволю себе заметить, что установленный вами режим – образец парламентарности, лояльности и разумной свободы. Ура!

ЮПИТЕР. Пшел вон отсюда!

АПОЛЛОН. Рад стараться. (Убегает.)

ЮПИТЕР (богам). Пшли вон. Объявляю перерыв на обед... (БОГИ разбегаются.)

ЮПИТЕР. А еще боги. Вот и обращайся с ними по-божески [5, с. 28].

вы тут оперетку разыгрывали. Молчать. Пойте гимн. Пойте гимн, вам говорят.

ФИНАЛЬНЫЙ ХОР [5, с. 68].

Значение финального требования отменить «оперетку» и «петь гимн» закрепляет параболичность поэтики пьесы, расширяет смысловое поле ее текста. Размыкая приватную историю французской оперетты – *мелких проступков* мужей и жен, богов и героев, завершающая команда Бургомистра как фигуры власти обращена к сознанию читателей/зрителей с их актуальным социальным опытом. В травестийной выразительности пьесы В. Массы и Н. Эрдмана концентрируются нарастающие тенденции узнаваемой политической реальности за пределами истории героев с мифологическими именами.

Заключение

С опорой на опыт развития европейской и отечественной драмы 1920–40-х гг. мы полагаем возможным размышлять о явно ощутимой стратегии усиления условно-метафорических форм в автор-

ских разработках известных сюжетов целым рядом русских авторов. Стремление отойти от внешнего жизнеподобия, острее поставить общечеловеческие проблемы быта и бытия между Первой и Второй мировыми войнами реализовалось в искусстве по-разному и, думается, особенно заметно в двух направлениях. Одно характеризуется интересом художников к выявлению общего в индивидуальном опыте человеческой жизни, другое связано с исследованием поведения многих и разных лиц, подобно одному в социуме.

Приведенный материал позволяет предположить в опыте пьес В. Массы и Н. Эрдмана для музыкального театра на примере «Орфея в аду» разработку известного сюжета по условно-метафорической линии эпической отечественной драмы, обозначенной в советское время «Мистерией-буфф» В. Маяковского (1918), получившей развитие в пьесах-сказках 1930–40-х гг. Е. Шварца («Голый король», «Тень», «Дракон»), в «комических фантазиях» 1970–80-х гг. Г. Горина («Забыть Герострата!», «Тиль», «Тот самый Мюнхгаузен») и др.

Список источников

1. Гутерц А., Фридман Дж. Основные даты жизни и творчества Николая Робертовича Эрдмана // Эрдман Николай. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 513–523.
2. Масс В., Эрдман Н. Прекрасная Елена // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 7 (109). С. 200–245.
3. Головчинер В. Е. «Прекрасная Елена» – проблема идентификации «ленинградского» текста В. Массы и Н. Эрдмана // Театрон, Санкт-Петербург. 2013. № 1. С. 43–52.
4. Cremieux M. H. Orphee aux enfers. Opera-buffon in deux actes. Paris Labrairenouvelle, 1860. 113 p.
5. Масс В., Эрдман Н. Орфей в аду: [Рукопись]: оперетта-феерия: в трех действиях / музыка Ж. Оффенбаха; Ленинградский обллит. Лит. «Б» № 1078. Л.: [б. и., б. г.]. 68, [1] л. (Из личного архива профессора В. Е. Головчинер).
6. Traubner R. Operetta. A theatrical history. Routledge. New York. 2003. 472 p.
7. Ядов В. Г. Обзор театров // Ежедневная иллюстрированная театральная газета. Суббота. 4 авг. СПб., 1907. № 162. С. 4. URL: [http://full.sptl.spb.ru/ORIRK/OBOZRENIE_TEATROV/ot_1907_n_162\(04.08\).pdf](http://full.sptl.spb.ru/ORIRK/OBOZRENIE_TEATROV/ot_1907_n_162(04.08).pdf) (дата обращения: 11.03.2023).
8. Миньон Ч., Цзюнь Л. Истоки европейской оперы // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 1. С. 33–38.
9. Янковский М. Оперетта. Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. Л.; М.: Искусство. 1937. 456 с.
10. Михеева Л. В., Орелович А. А. В мире оперетты. URL: <https://ru-operetta.livejournal.com/33579.html> (дата обращения: 12.03.2022).
11. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. С. 216–217.
12. Wells W. B. The Modern French Drama. Boston, 1896. 510 p.

References

1. Guterts A., Fridman Dzh. Osnovnyye daty zhizni i tvorchestva Nikolaya Robertovicha Erdmana [The main dates of the life and work of Nikolai Robertovich Erdman]. In: *Erdman Nikolay. Pesy. Intermedii. Pisma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov* [Erdman Nikolay. Plays. Sideshows. Letters. Documentation. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. P. 513–523 (in Russian).
2. Mass V., Erdman N. Prekrasnaya Elena [Beautiful Elena]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2001, vol. 7 (109), pp. 200–245 (in Russian).

3. Golovchiner V. E. “Prekrasnaya Elena” – problema identifikatsii “leningradskogo” teksta V. Massa i N. Erdmana [“Beautiful Elena” – the problem of identification of the “Leningrad” text by V. Mass and N. Erdman]. *Teatron*, 2013, no. 1, pp. 43–52 (in Russian).
4. Cremieux M. H. *Orphee aux enfers. Opera-buffon in deux actes*. Paris Labrairenouvelle, 1860. 113 p. (Russ. ed.: Kremye M. Kh. Orfey v adu. Opera – buff v dvukh aktakh. Parizh. Novaya biblioteka Publ., 1860. 113 p.)
5. Mass V., Erdman N. *Orfey v adu [Orpheus in Hell]: [rukopis']*: operetta-feeriya: v trekh deystviyakh. Muzyka Zh. Offenbakha; Leningradskii oblit. Lit. “B” No. 1078. L. 68 (From the personal archive of Professor V. E. Golovchiner) (in Russian).
6. Traubner R. *Operetta. A theatrical history*. Routledge. New York, 2003. 472 p. (Russ. ed.: Traubner. R. Operetta. Istoriya teatra. Rutledzh. New York, 2003. 472 p.)
7. Yadov V. G. Obozreniye teatrov [Theatrical review]. *Ezhednevnyaya illiustrirovannaya teatral'naya gazeta*. Subbota. 4 avgusta. Saint Peterburg, 1907, no. 162. P. 4 (in Russian). URL: [http://full.sptl.spb.ru/ORIRK/OBOZRENIE_TEATROV/ot_1907_n_162\(04.08\).pdf](http://full.sptl.spb.ru/ORIRK/OBOZRENIE_TEATROV/ot_1907_n_162(04.08).pdf) (accessed 11 March 2022).
8. Minyu Ch., Tszyn L. Istoki Evropeyskoy opery [Origins of European opera]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2010, no. 1, pp. 33–38 (in Russian).
9. Yankovskiy M. *Operetta. Vozniknoveniye i razvitiye zhanra na Zapade i v SSSR* [Operetta. The emergence and development of the genre in the West and in the USSR]. Leningrad – Moscow, Iskustvo Publ., 1937. 456 p. (in Russian).
10. Mikheyeva L., Orelovich A. *V mire operetty* [In the world of operetta] (in Russian). URL: <https://ru-operetta.livejournal.com/33579.html> (accessed 12 March 2022).
11. Pavi P. *Slovar' teatra* [Theater Dictionary]. Moscow, Progress. Publ., 1991. Pp. 216–217 (in Russian).
12. Wells W.B. *The Modern French Drama*, Boston, 1896. 510 p.

Информация об авторах

Головчинер В. Е., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Леванова Е. Ф., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Golovchiner V. E., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Levanova E. F., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 22.06.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 82:801.6

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне

Елена Александровна Полева¹, Вера Олеговна Липовка²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *velipovka@yandex.ru*

² *poleva@tspu.edu.ru*

Аннотация

В центре нашего внимания произведения Ю. Я. Яковлева, востребованные в школьном литературоведении, обладающие воспитательным потенциалом, однако недостаточно исследованные литературоведами. Обзор статей, посвященных рассказам писателя о Великой Отечественной войне, позволяет выделить их общие особенности: центральными являются мотив памяти и прием ретроспекции, обеспечивающие смычку двух временных пластов – 1940-х и 1960-х гг.; значимость диалогов персонажей разных поколений, внимание к внутреннему миру человека. *Цель* статьи – исследовать тему памяти и своеобразие межпоколенческого диалога в двух практически не исследованных ранее рассказах Юрия Яковлева 1970-х гг., посвященных Великой Отечественной войне. Литературный материал («Девочки с Васильевского острова», «Память») интерпретирован с опорой на структурно-семиотический метод исследования. Писатель использует ряд художественных приемов: ретроспекцию, соположение двух пространственно-временных планов (война и современность), в центре – пара персонажей «ребенок – взрослый» или «ребенок – ребенок», первый представляет послевоенное поколение и является носителем знания о войне или инициирует получение этого знания, а второй – имеющий непосредственный опыт войны/блокады. Ю. Яковлев раскрывает идею духовного родства, нерушимой связи фронтового и послевоенных поколений. Ребенок у Яковлева является хранителем памяти и транслятором знаний о войне. Для того чтобы погибшие продолжили жить в памяти своих духовных потомков, необходимы личные усилия, проявление настойчивости и храбрости.

Писатель наследует некоторые черты «лейтенантской прозы» (лаконизм повествования, внимание к внутреннему миру персонажа, соединение лиризма, психологизма и натурализма). Вместе с тем есть отличия, что обусловлено временем создания текстов – 1970-е гг. Изображение событий 1940-х гг. опосредовано сознанием и воображением персонажей-детей, родившихся уже после войны, а значит, не могущих быть непосредственными свидетелями или носителями военного опыта. Эта особенность позволяет трактовать рассказы Ю. Яковлева в контексте концепции «постпамяти», обоснованной М. Хирш.

Ключевые слова: литература для детей, Ю. Яковлев, Великая Отечественная война, тема памяти, воспоминания, связь поколений

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2023-0007, тема «Использование образовательного потенциала артпедагогики для развития практик гражданско-патриотического воспитания школьников, включая цифровые форматы».

Для цитирования: Полева Е. А., Липовка В. О. Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 132–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev's stories about the Great Patriotic war

Elena A. Poleva¹, Vera O. Lipovka²

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ *poleva@tspu.edu.ru*

² *velipovka@yandex.ru*

Abstract

The focus of our attention is on the works of Yu. Ya. Yakovlev, which are in demand in school literary studies, have educational potential, but are insufficiently studied by literary critics. A review of articles devoted to the writer's

stories about the Great Patriotic War allows us to highlight their common features: central are the motif of memory and the technique of retrospection, providing a “link” of two time layers – the 1940s and the present (for the characters); the importance of dialogues of characters of different generations, attention to the inner world of characters. The article explores the theme of memory and the peculiarity of intergenerational dialogue in the works of Yuri Yakovlev of the 1970s, dedicated to the Great Patriotic War. The literary material (“Girls from Vasilievsky Island”, “Memory”) is interpreted based on the structural-semiotic research method. The writer uses a number of artistic techniques: retrospection, the juxtaposition of two space-time planes (war and modernity), in the center – a pair of characters “child-adult” or “child-child”, the first represents the post-war generation and is the bearer of knowledge about the war or initiates the acquisition of this knowledge, and the second – having direct experience of wars/blockades. Yu. Yakovlev reveals the idea of spiritual kinship, the unbreakable bond of the front-line and post-war generations. In order for the deceased to continue to live in the memory of their spiritual descendants, personal efforts, work and courage are needed to preserve knowledge about the war, loyalty to friendship. The analysis of the stories makes it clear that the writer inherits some features of the “lieutenant’s prose” (laconism of narration, attention to the inner world of the character, reliance on documentarism, a combination of lyricism, psychologism and naturalism). At the same time, there are differences due to the time of the creation of texts – the 1970s. The depiction of the events of the 1940s is mediated by the consciousness and imagination of the characters-children born after the war, which means they cannot be direct witnesses or bearers of military experience. This feature allows you to interpret the stories of Yu. Yakovlev in the context of the concept of “post-memory”, justified by M. Hirsch.

Keywords: literature for children, Yu. Yakovlev, the Great Patriotic war, the theme of national memory, recollections, communication of generations

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, project number: QZOY-2023-0007, topic “Use of the educational potential of art pedagogy for the development of practices of civic-patriotic education of schoolchildren, including digital formats.”

For citation: Poleva E. A., Lipovka V. O. Dialog pokoleniy i tema pamyati v rasskazakh Yuriya Yakovleva o Velikoy Otechestvennoy voyne [The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev’s stories about the Great Patriotic war]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 132–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

Введение

Тема Великой Отечественной войны, войдя в литературный процесс в 1940-х гг., не теряла своей актуальности для писателей второй половины XX в., востребована и в начале XXI в. Тексты о войне значимы и в современном литературном образовании, так как они дают возможность не только изучать художественные особенности произведений, созданных в конкретные историко-культурные эпохи, но и осмысливать гражданско-патриотическую позицию персонажей, повествователя, автора, конкретизировать представления о патриотизме, проявляемом в поступках и словах субъектов речи.

Как отметил Р. Ю. Федоров, сегодня наблюдается «возрождение востребованности наследия советской детской литературы на фоне дефицита новых духовно-нравственных ориентиров художественного творчества, рассчитанного на подрастающие поколения» [1, с. 73]. Слова исследователя подтверждаются пересмотром списков произведений, обязательных к изучению в школе с 2023 г., возвращением в программу классиков советской литературы. Отдельная задача учителя – включение в круг чтения подростков книг, созданных с учетом их возрастных особенностей.

Однако именно произведения о Великой Отечественной войне, написанные детскими писателями в советский период, актуализируемые сегодня в школьной практике, недостаточно изучены литературоведчески.

В центре нашего внимания проза обозначенного тематического направления, созданная Юрием Яковлевичем Яковлевым (Ховкиным, 1922–1995) для детей. Литературная биография писателя-фронтовика началась в конце 1940-х гг. с поэзии [2], а рассказы о Великой Отечественной войне в основном написаны в 1960-х – начале 1980-х гг. («Погонщик слона», «Девочки с Васильевского острова», «Реликвия», «Девушка из Бреста», «Балерина политотдела», «Память», «Иван-Виллис», «Зимородок», «Помните Гришу!», «Как Сережа на войну ходил» и др.) и ориентированы на поколения детей-читателей, уже на четверть века и больше отдаленных от трагических событий.

Книги Ю. Яковлева в советские годы издавались большими тиражами, ряд произведений был экранизирован; сам он, как отметила О. Н. Челюканова, «автор сценариев к пятнадцати полнометражным художественным фильмам и ряду мультипликационных» [3, с. 94]. Несмотря на

популярность в советскую эпоху и неослабевающее внимание учителей к его прозе сегодня [4–9], творчество Ю. Яковлева мало изучено. Однако с середины 2010-х гг. наблюдается интерес литературоведов к его наследию, в том числе и прозе о войне. В частности, отдельные аспекты поэтики ряда рассказов интерпретированы в докторской диссертации О. Н. Челюкановой [3]; на материале рассказа «Иван-Виллис» ею анализируется сочетание рационального и эмоционального в отображении темы Великой Отечественной войны, обозначается мотив двойничества и его своеобразие (старая фронтовая машина выступает товарищем и двойником своего владельца) [10]. Интересные литературоведческие наблюдения о приемах раскрытия темы войны в рассказе «Тяжелая кровь» приведены в методической статье Н. И. Горобец: автор анализирует семантику заглавия, функцию перволичного повествования, монологов и диалогов, образ матери, вынужденной пережить казнь своих «сыновей» [11, с. 174–180].

И. Г. Минералова, П. Ш. Цуруева, анализируя рассказ Ю. Яковлева «Где стояла батарея», отмечают значимость фигуры персонажа-рассказчика, который благодаря памяти о войне обеспечивает «смычку» двух времен – 1940-х и современности: «Соположение времен, сведение военного и мирного времени на крыльце школы, создает условно-фантастический образ, когда эти времена оказываются в одной точке пространства практически одновременно» [12, с. 71].

Рассказу «Балерина политотдела», экранизированному в 1980 г. Наумом Бирманом на основе сценария, созданного самим писателем (фильм «Мы смотрели смерти в лицо») [13], посвящена статья Л. В. Тихомировой. Исследователь отмечает такие значимые и для нашего исследования особенности прозы Ю. Яковлева о войне, как использование документальной основы для сюжета, диалог двух поколений, актуализация памяти о войне. «Автор использует прием диалога с персонажем в качестве диалога с молодым юным поколением», – отмечает Л. В. Тихомирова [14, с. 306].

Вышеназванные исследования освещают отдельные вопросы проблематики и поэтики произведений Ю. Яковлева. В отличие от них в статье Р. Ю. Федорова основной акцент делается на мировоззрении писателя, на осмыслении биографических данных и высказываний Ю. Яковлева, проясняющих его писательскую позицию и даже миссию: «Личная трагедия писателя, связанная с войной (его мама погибла в блокадном Ленинграде. – Е. П., В. Л.), оказала большое влияние на формирование его мировоззренческих ориентиров. ... в отличие от многих других писателей тех

лет, в произведениях Юрия Яковлева о войне почти отсутствуют описания батальных сцен и образы плакатных героев. Вместо них, одним из первых в советской литературе, Яковлев обратился к трагедиям простых беззащитных людей, ставших своеобразными мучениками войны» [1, с. 68–69]. Р. Ю. Федоров убедительно обосновывает экзистенциальную основу коллизий в произведениях писателя и приходит к выводу: «...его произведения сегодня можно назвать своеобразным „экзистенциализмом детства“. В них автор уделяет особое внимание тем моментам, когда маленький человек начинает искать ответы на основополагающие философские жизненные вопросы или впервые оказывается перед определенным нравственным выбором» [1, с. 69].

Материал и методы

Учитывая литературоведческий контекст изучения прозы писателя, для анализа избраны практически не исследованные рассказы «Девочка¹ с Васильевского острова» (1970) и «Память» (1974). В поэтике этих произведений, как и во многих других, соположены два временных пласта: современность и Великая Отечественная война. Тексты схожи и тем, что в центре повествования – пара персонажей, один из которых непосредственно пережил опыт войны, а второй – ребенок послевоенного времени, что позволяет автору показать страшные события прошлого в восприятии потомков, детей мирного времени, которыми война может быть воспринята только опосредованно (через общение со старшим поколением, артефакты). При общем сходстве не возникает автоповторов. В рассказе «Девочка с Васильевского острова» героини – сверстницы-подростки: Валя Зайцева, живущая в Ленинграде в 1960-х гг., и ушедшая из жизни после блокады Таня Савичева. В центре системы персонажей рассказа «Память» девочка-ученица и завуч школы Антонина Ивановна, партизанившая в годы войны.

Выявить художественные приемы раскрытия межпоколенческого диалога и авторскую концепцию памяти в рассказах – цель этой работы. В исследовании применяется структурно-семиотический анализ сюжета, повествования, художественного пространства и времени, образов персонажей.

Результаты и обсуждение

В рассказе «Девочка с Васильевского острова» (1970) повествование ведется от первого ли-

¹ В разных изданиях встречаются варианты написания первого слова названия в единственном и множественном числе: «Девочка» или «Девочки». На наш взгляд, концептуально точнее множественное число, однако здесь указываем вариант, используемый в издании, по которому осуществляется цитирование текста.

ца – девочки Вали Зайцевой, которая называет себя подружкой Тани Савичевой, автора знаменитого блокадного дневника. В завязке сохраняется интрига: Валя точно описывает место жизни (Ленинград, Васильевский остров, Вторая линия, здания), но не обозначает время. Эпиграф к рассказу из дневника Т. Савичевой, слова Вали о дружбе с Таней, с которой они еще и «соседки» [15, с. 84], вначале позволяют предполагать, что время сюжетных событий – 1940-е, годы блокады. Однако уже во втором абзаце Валя обмолвилась о несовпадении времени жизни ее и Тани: «Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете...» (здесь и далее курсив наш. – Е. П., В. Л.) [15, с. 85]. Итак, рассказ – о дружбе двух девочек, которые ни разу не встречались и принадлежат разным поколениям.

Ю. Яковлев использует прием «текст в тексте», приводя цитаты из Таниного дневника и «заставляя» ребенка послевоенного поколения переписывать их. Получается, рассказ состоит из текстов двух девочек (письменного и устного), непосредственно описывающих события своей жизни, свои чувства. Блокадный текст стал документом эпохи, хранилищем памяти о преступлениях фашистов и героизме ленинградцев, а текст современного подростка фиксирует значимое субъективное переживание своей сопричастности трагической национальной истории, самоидентификацию через отношения дружбы с девочкой, погибшей из-за блокады Ленинграда. Валя использует местоимение «мы», находит множество деталей, роднящих ее с Таней: «Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь», «Мы одноклассники. Обе с Васильевского острова», «У нас все общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок», «У нас даже почерк одинаковый!» [15, с. 85, 86]. Валя Зайцева¹ видит в Тане нравственный идеал, поэтому соизмеряет свои привычки и поступки со знаниями о жизни Савичевой. Для современного подростка важны устремления погибшей сверстницы стать учительницей, она готова с Таней играть, петь, гулять, совершенствовать ораторские навыки: «Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живет хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?» [15, с. 88].

Принципиально важно для Ю. Яковлева, что не взрослый, а сам ребенок не просто устанавливает связь с прошлым, но и делает его настоя-

щим, живым, значимым. Эта способность отличает ребенка от шаблонно мыслящего взрослого, что подчеркивается в повествовании. Валя возмущена и удивлена непониманием и недоверием взрослых к ее словам о дружбе с Таней: «До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит „нет“, если мы дружим?» [15, с. 86].

У Ю. Яковлева Валя через погружение в текст погибшей сверстницы и воображение как бы «помнит» о том, чему она не была свидетелем, что узнала из рассказов, текстов, артефактов: «Но я все про нее знаю. Мне рассказывали» [15, с. 85]. Такая трактовка автором мотива памяти отсылает к стихотворению А. Твардовского «Я убит подо Ржевом» (1945), где лирический субъект фактически становится голосом убитых на войне и завещает живым жить полностью, нравственно и счастливо. Валя за погибшую Таню пишет слова ее дневника на памятнике, за нее и для нее стремится к достижению мечтаний, осмысленных как общие с Савичевой (стать учительницей, научиться петь, например). Но еще ближе яковлевская концепция памяти к формуле, выраженной в том же году, что и написан рассказ, Р. Рождественским в тексте «За того парня» (1970). Если лирический герой А. Твардовского – носитель опыта войны, то лирический герой Р. Рождественского, как и персонаж рассказа Ю. Яковлева, отдален от событий войны более чем на двадцать лет:

Даже не был я знаком
с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..» [16].

Однако отсутствие личной связи парадоксально не мешает помнить за не вернувшегося с войны солдата:

Что-то с памятью моей
стало:
все, что было не со мной,
помню [16].

Причем эта память и установка жить «на земле доброй / За себя и за того парня» связана с морально-нравственным императивом: «Но иначе жить нельзя...» [16].

И литературный, и социально-психологический феномен возникновения памяти о том, что было в прошлом за пределами личного опыта, в исследовательской литературе получил терминологическое обозначение «постпамять». Изучена и роль ребенка в трансляции знания о войне посредством постпамяти. М. Хирш отмечает, что «поколение после» помнит/знает о трагических событиях прошлого «на таком глубинном и эмоциональном уровне, что сами становятся словно бы полноправными воспоминаниями. Связь

¹ Ю. Яковлев использует провокативно не подходящую поведению героини фамилию: Зайцева – храбрая девочка.

постпамяти с прошлым осуществляется, таким образом, не через воспоминание, но через потребность и желание, за счет привлечения воображения, проективных и творческих механизмов» [17, с. 5].

Валя в рассказе Ю. Яковлева не только детально воспроизводит в воображении образ жизни Тани, отчасти воплощает то, о чем мечтала подруга, но и соотносит со своей жизнью, фиксирует несовпадение обстоятельств жизни. Это позволяет понять характер сразу двух персонажей и сопоставить два пространственно-временных образа Ленинграда: начала 1940-х и конца 1960-х гг., когда создавался мемориальный комплекс в память о героическом стоицизме детей во время блокады. Переключка, диалог времен выстраивается Ю. Яковлевым через ряд мотивов, которые смыкают историю разных поколений и проявляют экзистенциальную связь Вали Зайцевой с Таней Савичевой. Прежде всего это мотивы еды/голода, холода и смерти.

Мотив еды вводится в завязке, в первых абзацах. На первый взгляд, Валя упоминает незначительные детали своей жизни – рассказывает о хомячке, который живет у нее под кроватью: «Набьет полные щеки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит черными пуговками...» [15, с. 84]. Однако эта частность задает значимую тему соотношения сегодняшнего сытого дня с временем блокады. Валя описывает пространство, где прошло детство Тани, где стояла *булочная*. Но предназначенное для счастливой жизни пространство Ленинграда оказывается наполнено смертью, а устремления самой Тани – петь, учиться и учить – невыполнимы из-за фашистов.

Валя не ела весь день, чтобы ощутить, что испытывала Таня, однако девочка понимает, что ее опыт с блокадным несопоставим: «Голод – когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце – все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает» [15, с. 86]. Через детали блокадного быта («...раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти» [15, с. 87]), воображенные маленькой девочкой, раскрывается трагедия целого народа, боль и отчаяние, которые, однако, не смогли сломить дух жителей осажденного города.

Мотив голода неразрывно связан с мотивами холода и смерти. Если испытать чувство голода, какое пережили блокадники, Валя не может, то погружение в состояние холода и переживания смерти близких возникает во время переписывания дневника Тани на бетонных стенах: «Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано: „Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.“».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И, если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

– Давайте ваш бетон. Буду писать» [15, с. 86].

Процесс увековечивания памяти в бетоне оказался тяжелым не только физически («Писать было трудно», «У меня плохо получалось»), но и морально («Я очень устала писать слово „умер“», «„Я допишу“, – ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз» [15, с. 87]). Процесс преодоления боли и отчаяния современным подростком носит экзистенциальный смысл: происходит сближение двух поколений, живущих в разное время, но незримо связанных друг с другом.

Автором проводится параллель между юными представителями военного и послевоенного поколений, и вторые оказываются достойными преемниками первых. Валя увековечивает память не только о подруге, но и о всех детях, погибших в блокадном Ленинграде, выводя на бетоне строки из знаменитого дневника Тани Савичевой¹.

В памятнике «Цветок жизни» материализованы память о жертвах войны, долг и ответственность живых перед мертвыми. Но для Яковлева важнее продление жизни погибших силами памяти и воображения представителей будущих поколений, поэтому Валя, закончив писать текст дневника, не просто отвечает на последнюю фразу дневника «Осталась одна Таня», а горячо оспаривает ее: «И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: „Почему одна? А я? У тебя же есть подруга – Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. <...> Слышишь, Таня Савичева?“» [15, с. 88].

Символично, что у Вали не получается зачеркнуть фразу: опыт блокадников зафиксирован в бетоне, увековечен, так как историю переписать нельзя и невозможно вычеркнуть из памяти трагическое прошлое.

Отдельного внимания заслуживает специфика речи персонажей. Текст дневника краток, в нем использованы парцеллированные конструкции,

¹ Траурный курган «Дневник Тани Савичевой», входящий в мемориальный комплекс «Цветок жизни» (по Дороге жизни, на Ржевке), был открыт в 1975 г., тогда как рассказ был опубликован раньше – в 1970 г. Не располагая фактами, предположим, что Ю. Яковлев был знаком с планами увековечить дневник и проектом памятника, так как в рассказе довольно точно описывается его внешний вид – записи из дневника на отдельных бетонных стенах.

короткие фразы, что передает состояние умирающей от голода девочки, переживающей смерти близких. Речь Вали передает ее взволнованность и из-за сопереживания Тане, и из-за желания убедить окружающих (и читателей), что ее дружба с Таней – не вымысел, а правда. Синтаксически это выражается в использовании многоточий. Фразы обрываются, возникают паузы, свидетельствующие о волнении, сочувствии, сбое ритма, дыхания: «Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. <...> Ее убили фашисты. Не пулей, не снарядом – голодом. Не все ли равно, чем убивают. Может быть, пулей не так больно, как голодом?..» [15, с. 85].

Ребенок, сопереживая, понимает, что героизм противостояния фашизму не сводится к военным действиям: «Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девочек и мальчишек, которые так навсегда и остались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней» [15, с. 88]. Структура постпамяти помогает современному ребенку идентифицировать себя с детьми военного времени.

В этом рассказе проявляется (актуализованная и в других произведениях Ю. Яковлева) мысль о долге детей последующих поколений воплотить те мечты, которые не смогли ребята, погибшие в годы Великой Отечественной войны. Однако дело не только в осознании долга потомков перед павшими. Основным мотивом Валиных действий является дружба, которая может быть только при взаимной поддержке друг друга. Память о Тане помогает Вале справиться с бытовыми трудностями (постоять за себя, не отступить от своего замысла). Судьба Тани задает ценностные ориентиры и помогает осознать, что счастливая жизнь современных подростков, представителей послевоенного времени, была бы невозможной без духовного стоицизма девочек и мальчиков, не сдавшихся фашистам. Но и Валя нужна Тане, так как, помня о ней, дружа с ней, Валя делает ее живой. «А дружат ведь только с живыми» [15, с. 88] – эта предфинальная фраза рассказа аккумулирует авторский замысел и подтверждает мысль М. Хирш, что «постпамять тогда становится опытом восстановления и преобразования, когда мы вспоминаем о прошлом, сталкиваясь с нашим будущим» [17].

В рассказе «Память», как и в «Девочке...», Ю. Яковлев деавтоматизирует восприятие произведений о Великой Отечественной войне, где, как

правило, знания о войне передаются от старшего поколения к младшему, и взрослые являются носителями, хранителями и трансляторами воспоминаний. У Ю. Яковлева «черноголовая» девочка, родившаяся в послевоенное время, откуда-то знала о событиях в Орше, случившихся задолго до ее рождения (работа партизан-подростков в тылу). Не участник Великой Отечественной войны, а его потомок напоминает о прошлом, помогает завучу Антонине Ивановне вспомнить военные годы, ранение, спасшее юной Тоне жизнь – вместо нее на задание пошла и погибла Лида Демеш.

Повествование ведется от третьего лица, но большая часть рассказа – диалог девочки и завуча. Общение ребенка и взрослого обеспечивает «смычку времен и поколений» [18, с. 325]. Благодаря «воспоминаниям» девочки и завуча хронотоп рассказа усложняется: наряду с современностью появляется пространство и время войны. Причем в процессе разговора его участники так глубоко погрузились в прошлое, что современность отступила на второй план: фразу ученика «В-в-вас директор з-з-зовет!» [19, с. 252] Антонина Ивановна и ученица не слышат, никак на нее не реагируют.

Воспоминания завуча о своем участии в партизанском отряде переданы через метафору сложного, «трудного» пути: «Черноголовая как бы взяла за руку пожилую учительницу и привела ее в покосившийся сарай с крышей из ржавого, отслужившего железа»; «Теперь она настойчиво прокладывала дорогу в свое прошлое...» [19, с. 249, 250]. Именно благодаря этому пути происходит внутреннее изменение образа Антонины Ивановны: из завуча, «строгой наставницы» она вновь превращается в участницу военных событий, 15-летнюю партизанку Тоню Кулакову. Метаморфозы в образе завуча повествователь подчеркивает рядом деталей: меняется голос (вначале «ее голос прозвучал гулко и раскатисто», а затем, когда она стала вспоминать, «ее голос прозвучал задумчиво, приглушенно, словно донесся из Лидиной сараюшки»; «нерешительно сказала завуч...» [19, с. 250, 251]), манера поведения: вначале проявляются доведенные до автоматизма реакции завуча на ученика, но затем пробуждаются эмоции, свидетельствующие о глубоких переживаниях («почти механически спросила завуч», «Антонина Ивановна слегка покраснела», «подтвердила Антонина Ивановна и опустила голову» [19, с. 250, 251]).

Несмотря на то что рассказ «Память» реалистический, Ю. Яковлев использует в повествовании необъяснимое рационально допущение: «черноголовая» в деталях, нюансах «помнит» то, что помнить не может, то, что случилось с Тоней

и ее погибшей подругой Лидой до ее рождения. Можно предположить, что в семье девочки кто-то из старшего поколения (упоминается дедушка) являлся носителем знания и передал его ей. Но вопрос, откуда ребенок доподлинно знает события жизни этих подростков-партизан 1940-х гг., совсем не освещается в повествовании, поэтому для завуча и, вероятно, для читателей в знании ученицы есть элемент тайны: «Девочка вспоминала то, чего она в силу своего возраста не могла помнить, и как бы задавала учительнице наводящие вопросы» [19, с. 249–250]. То есть Ю. Яковлев вновь фактически описывает явление постпамяти, которая, указывая на прошлое, «меняет настоящее: делает присутствие прошлого ключом к повседневности» [20, с. 72]

Ученица и учительница как бы меняются ролями: девочка задает наводящие вопросы, чтобы учительница вспомнила то, что забыла, что не актуализировано в ее сознании (когда «черноголовая», начиная разговор, напоминает о Лиде Демеш, Антонина Ивановна спрашивает, из какого она класса, т. е. соотносит это имя не с прошлым, а с настоящим). Девочка возвращает учительницу и к чувству вины, и к долгу памяти: «На какое-то мгновение ей показалось, что обо всем, что в годы войны происходило в Орше, она впервые узнает со слов своей ученицы. И оттого, что маленькая ученица так уверенно ориентируется в ее военном прошлом, пожилая учительница почувствовала себя защищенной от *разрушительной силы забвенья*» [19, с. 250]. Магистральная в прозе Ю. Яковлева (кроме названных выше, об этом рассказ «Помните Гришу!») мысль о необходимости сохранения, оживления памяти о каждом погибшем во время войны, о людях, героически противостоявших фашистам, памяти, которая стирается в потоке повседневной жизни даже у переживших войну: «Теперь, когда заболит старая рана, вспоминаешь не о войне, а о поликлинике, – рассеянно сказала учительница» [19, с. 253].

«Черноголовая» – центральный персонаж, однако имя ее не названо, детали ее жизни неизвестны, а образ дан несколькими штрихами: когда рисует, отправляет «кисточку в рот», а вокруг рта остаются «следы всех красок ее небогатой палитры» [19, с. 248], ходит в танцевальный кружок, как когда-то, до войны, Лида Демеш. С одной стороны, эта девочка, лишенная индивидуализированных черт, воплощает новое поколение детей в целом, она – связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. С другой стороны, ее образ сливается с обликом погибшей Лиды – так Ю. Яковлев утверждает миссию новых поколений жить и за себя, и за погибших.

Дети поколения послевоенного времени могут в своих судьбах воплощать мечты, развивать в себе присущие ушедшим таланты. Это, по мысли Ю. Яковлева, делает гибель людей не напрасной. А благодарный ребенок нового поколения – не только носитель постпамяти, но и ее катализатор в других, хотя помнить о войне тяжело, трудно.

Девочка одновременно и пробуждает чувство вины у Антонины Ивановны, и выступает ее адвокатом, снимает вину оставшейся в живых перед погибшей Лидой, и делает это настойчиво, эмоционально, что проявляется в ее речи (повторы, многоточия, вопросы, восклицания). Причем прямая речь персонажей перемежается с фрагментами от третьего лица, предающими общие для девочки и завуча мысли, состояния: «Кому погибать? Как ответить на этот бесконечно трудный вопрос? Тем более что погибнуть должна была Тоня, Антонина Ивановна.

Вместо привала наступил самый *трудный* участок пути. <...>

– Вы не пришли, и Лида сама понесла записочку к партизанам.

И попала в засаду... <...>

– Вы не пришли, потому что были ранены. Раненые не могут ходить... Вы были ранены...

Антонина Ивановна молчала. Тогда девочка дотронулась до руки учительницы.

– Вы же были... были!.. <...>

Наконец-то ей удалось убедить Антонину Ивановну, что она была ранена» [19, с. 252–253].

Сюжетная ситуация раскрывает авторскую идею памяти о Великой Отечественной войне, новое поколение оказывается способно на соучастие, на диалог на равных: «Теперь разговор строгой наставницы и ученицы напоминал встречу двух бывалых людей, когда один помогает вспоминать другому, и две человеческие памяти сливаются в одну» [19, с. 251]; «Антонина Ивановна и не заметила, как вместо „знаешь“ сказала „помнишь“» [19, с. 250].

В рассказе «Память» «война из события истории превращается в переживание личности» [21, с. 9], причем экзистенциальное переживание, сохранение памяти о событиях прошлого – то, что ценностно значимо для персонажа-ребенка и связано со смыслом существования. Военные события, восстановленные «черноголовой» девочкой, еще не рожденной в эпоху Великой Отечественной войны, помогают не только вспомнить о происходящем непосредственной участнице партизанского сопротивления, но и испытать чувство вины живых перед павшими – за забвение.

Отметим принципиальную для Ю. Яковлева установку на закрепление в своих произведениях памяти о реальных героях войны, причем героя-

ми являются не только те, кто отличился в боях, но и те, кто своей жизнью, поступками, верой в победу сопротивлялся фашизму. В рассказах «Девочка с Васильевского острова» и «Память» внетекстовыми персонажами являются ленинградка Таня Савичева и партизанившая в Белоруссии Лида Демеш. В послесловии к сборнику рассказов «Самая высокая лестница» Ю. Яковлев пишет о «Памяти»: «В этом рассказе очень мало вымышленного. И все, что связано с маленькой белорусской пионеркой Лидией Демеш, – правда» [22, с. 41]. Автор акцентирует внимание на храбрости девочек, на их силе духа, достойном принятии ими испытаний и даже смерти: «Когда Лиду вели на расстрел, она крикнула: „Передайте маме, что меня ведут на расстрел!“» [19, с. 253].

По мнению М. Хирш, постпамять является структурой меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта [17, с. 17]. По версии Ю. Яковлева, такая «транспоколенческая» память необходима новым поколениям.

Так как Ю. Яковлев обращается к теме Великой Отечественной войны в годы оттепели и постоттепельный период, нами учитывается соответствующий литературный контекст и общая специфика военной прозы этих лет. Анализируемые рассказы написаны в 1970-х гг., когда жанр лирической фронтовой повести/рассказа не просто сложился, а уже начал переживать трансформацию [23, с. 180]. Н. Л. Лейдерман отметил характерные черты «лейтенантской прозы»: отказ от монументализма, соединение в поэтике лиризма, психологизма и натурализма, внимание к быту войны и простому солдату, героизму «среднего» человека, к вопросам нравственного выбора [23, с. 162–180]. Писатели «окопной правды» использовали перволичное повествование либо приемы и формы передачи внутреннего мира человека (внутренние монологи, текст в тексте и пр.); при этом, по словам В. Г. Моисеевой, «лаконизм и лапидарность стиля, характеризующая психологию героя-рассказчика, в наибольшей степени соответствуют и материалу изображаемой действительности. Избранная писателем форма повествования и стиль в единстве создают в произведении лирическую тональность и эффект документалистической достоверности» [24, с. 63]; в основе сюжета – документальный или автобиографический материал [23, 24].

Последующие трансформации военной прозы, в 1970-х гг., связаны с усилением «философской нагруженности сюжета, образов» [24, с. 64], экзистенциальной проблематики, острой постановкой вопроса о выборе в пограничной ситуации, ярко выразившейся, например, в творчестве

В. Быкова. Если «общая» литература о Великой Отечественной войне в конце 1960–70-х гг. тяготеет к романизации, «к эпической полноте» (курсив Н. Л. Лейдермана. – Е. П., В. Л.) [23, с. 180], то в детской литературе данного периода повесть и рассказ на эту тему остаются основными жанрами.

Вместе с тем детская литература, как и «взрослая», сохраняет в 1970-х гг. установку на «исповедальность, лирико-психологическое осмысление внутреннего мира подростка, углубленное внимание к думанью о будущем и настоящем растущего человека, автопсихологизм» [3, с. 85]; «обостряется интерес к осмыслению таких категорий, как нравственность, внимание к субстанциональным проблемам, к вопросам человека о смысле жизни, назначении личности, ее взаимодействии с окружающим, а главное – о поисках истины и правды» [3, с. 97].

Заключение

Проанализированные рассказы Ю. Яковлева вписываются в основные тенденции развития литературы 1970-х гг. Писатель, с одной стороны, наследует черты, характерные для «лейтенантской прозы» (соединение лиризма, психологизма с натурализмом в описании быта военного времени, внимание к внутреннему миру персонажа, к вопросам самоопределения, экзистенциального по своей сути, опора на воспоминания и документальные свидетельства), с другой стороны, в его рассказах прослеживаются черты военной прозы уже постоттепельной поры: на первый план выходит персонаж – духовный потомок фронтовиков; война – не непосредственный опыт центрального героя, а воображаемый, восстанавливаемый в сознании через механизмы постпамяти. Ю. Яковлев вводит принципиально новые по сравнению с предшествующей детской литературой о войне сюжетные ходы, приемы, направленные на решение задач преодоления межпоколенческого разрыва в понимании событий Великой Отечественной войны, сохранения ценности памяти о трагическом прошлом.

Как отмечает Т. Воронина, для художественной передачи событий войны, блокады Ленинграда в 1970–80-е гг. характерно сочетание «соцреалистического канона» и экзистенциальной прозы [25]. Это суждение правомерно и по отношению к текстам Ю. Яковлева.

Система персонажей, особенности сюжетной и пространственно-временной организации рассматриваемых произведений Юрия Яковлева направлены на передачу чувства единения современного 1960–70-м гг. поколения с поколением, пережившим войну, ответственности перед

современниками и потомками за сохранение исторической памяти.

Рассказать о «тихих» подвигах погибших во имя того, чтобы остальные жили, — экзистенциальная миссия писателя. Утверждение правды прошлого в настоящем, по мысли Ю. Яковлева, —

это необходимый, хотя и «трудный путь» ответов на очень «трудные вопросы». При этом именно ребенок у Ю. Яковлева парадоксальным образом оказывается проводником и (или) спутником взрослого в мир воспоминаний о военном времени.

Список источников

1. Фёдоров Р. Ю. Духовно-нравственные ориентиры творчества писателя Юрия Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85), ч. 1. С. 67–73.
2. Фоменко Л. Н. Юрий Яковлев: очерк творчества. М.: Детская литература, 1974. 128 с.
3. Челюканова О. Н. Художественный и внутрилитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х гг. XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 412 с.
4. Оводенко Ю. В. Осмысление рассказа Юрия Яковлева «Тяжелая кровь». VIII класс // Литература в школе. 2016. № 6. С. 37–38.
5. Политова И. Н. Уроки нравственности: рассказ «Баваклава» Юрия Яковлева // Литература в школе. 2019. № 10. С. 10–11.
6. Алексеева Н. В. «Благородное сердце Васи». Урок-размышление по рассказу Ю. Я. Яковлева «Рыцарь Вася». URL: <https://urok.1sept.ru/articles/508961> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Лазарева Г. В. Урок внеклассного чтения по рассказу Ю. Яковлева «Рыцарь Вася». URL: <https://urok.1sept.ru/articles/591377> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Агафонова А. В. Урок литературы «Людей неинтересных в мире нет...» (по рассказу Ю. Яковлева «Багульник»). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/612055> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Бурова А. Ю. Эйдос-конспект по рассказам Ю. Яковлева: анализ методического опыта // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0»: сб. статей. Томск, 2021. С. 24–29.
10. Челюканова О. Н. Конфликт рационального и эмоционального в произведениях Ю. Яковлева // Православие и русская литература: сб. ст. / отв. ред. Б. С. Кондратьев. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 227–230.
11. Горобец Н. И. Методические приемы постижения художественного стиля речи курсантами ближнего зарубежья (на примере рассказа Ю. Яковлева «Тяжелая кровь») // Военное образование в XXI веке: проблемы преподавания русского языка и дисциплин специальности в иностранной аудитории: к 120-летию Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. Межвузовская научно-практическая конференция. 12 ноября 2020 года: сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. В. Бугорской. СПб.: Р-КОПИ, 2020. С. 174–180.
12. Минералова И. Г., Цуруева П. Ш. Семантика и символика образа школы в прозе о Великой Отечественной войне: Б. Рахманин, Ю. Яковлев // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Алексея Федоровича Лосева. Ярославль, 2021. С. 64–72.
13. Пессяников К. Д. Особенности преобразования художественного текста второго ряда в литературный сценарий (на материале повести Ю. Яковлева «Балерина политотдела») // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 565–567.
14. Тихомирова Л. В. «Балерина политотдела» Ю. Яковлева: исторический контекст и нравственная основа // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов междунар. науч. конф. / науч. ред. Н. Ю. Желтова. Тамбов: Дер-жавинский, 2021. Вып. 10. С. 302–307.
15. Яковлев Ю. Я. Последний фейерверк: повести и рассказы. М.: Детская литература, 1989. 158 с.
16. Рождественский Р. За того парня. URL: <https://www.culture.ru/poems/42688/za-togo-parnya> (дата обращения: 18.06.2023).
17. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
18. Артамонова В. В., Куликова И. М. Репрезентация темы «Детство и война» в русской прозе второй половины XX – начала XXI в. // Научный альманах. 2015. № 12-3 (14). URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.320.pdf> (дата обращения: 18.06.2023).
19. Яковлев Ю. Рассказы и повести. М.: Детская литература, 2020. 268 с.
20. Степанова М. М. Памяти памяти: Романс. 5-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2021. 408 с.
21. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (43). URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/12/06-24.pdf> (дата обращения: 18.06.2023).
22. Яковлев Ю. Я. Самая высокая лестница. Рассказы и повести. М.: Детская литература, 1974. 256 с.
23. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 1. С. 162–180.

24. Моисеева В. Г. Слова «великие» и «простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «военной» прозы второй половины XX века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 58–72.
25. Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

References

1. Fedorov R. Y. Dukhovno-nravstvennyye oriyentiry tvorchestva pisatelya Yuriya Yakovleva [Spiritual and moral guidelines of the work of the writer Yuri Yakovlev]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 7 (85), p. 4, pp. 67–73 (in Russian).
2. Fomenko L. N. *Yuriy Yakovlev: ocherk tvorchestva* [Yuri Yakovlev: essay on creativity]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1974. 128 p. (in Russian).
3. Chelyukanova O. N. *Khudozhestvennyy i vnutriliteraturnyy sintez v razvitii russkoy detskoy i yunosheskoy prozy 50–80-kh gg. XX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Artistic and intraliterary synthesis in the development of Russian prose for children and youth in the 50–80s. XX century. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 412 p. (in Russian).
4. Ovodenko Yu. V. Osmysleniye rasskaza Yuriya Yakovleva “Tyazhelaya krov”. VIII klass [Comprehension of Yuri Yakovlev’s story “Heavy Blood”. VIII class]. *Literatura v shkole*, 2016, no. 6, pp. 37–38 (in Russian).
5. Politova I. N. Uroki nravstvennosti: rasskaz “Bavaklava” Yuriya Yakovleva [Lessons of morality: the story “Bavaklava” by Yuri Yakovlev]. *Literatura v shkole*, 2019, no. 10, pp. 10–11 (in Russian).
6. Alekseyeva N. V. “Blagorodnoye serdtse Vasi”. Urok-razmyshleniye po rasskazu Yu. YA. Yakovleva “Vityaz’ Vasya” [“Vasya’s noble heart”. Lesson-reflection based on the story of Yu. Ya. Yakovlev “Knight Vasya”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/508961> (accessed 20 March 2023).
7. Lazareva G. V. Urok vneklassnogo chteniya po rasskazu Yu. Yakovleva “Vityaz’ Vasya” [Extracurricular reading lesson based on the story by Yu. Yakovlev “Vityaz Vasya”]. *Izdatel’skiy dom “Pervoye sentyabrya”* [Publishing House “First of September”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/591377> (accessed 20 March 2023).
8. Agafonova A. V. Urok literatury “Net na svete neinteresnykh lyudey...” (po povesti Yu. Yakovleva “Bagul’nik”) [Literature lesson “There are no uninteresting people in the world...” (according to the story of Yu. Yakovlev “Ledum”)]. *Izdatel’skiy dom “Pervoye sentyabrya”* [Publishing House “First of September”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/612055> (accessed 20 March 2023).
9. Burova A. Yu. Eydos-konspekt po rasskazam Yu. Yakovleva: analiz metodicheskogo opyta [Eidos-compendium based on the stories of Yu. Yakovlev: analysis of methodological experience]. *Mezhdunarodnyy nauchno-obrazovatel’nyy forum “Pedagogika XXI veka: vyzovy i resheniya”. Mezhdunarodnaya konferentsiya “Prioritety i strategicheskiye napravleniya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya na vysote 4.0”: sbornik statey* [International scientific and educational forum “Pedagogy of the XXI century: challenges and solutions”. International conference “Priorities and strategic directions for the development of teacher education at a height of 4.0”: a collection of articles]. Tomsk, 2021. Pp. 24–29 (in Russian).
10. Chelyukanova O. N. Konflikt yestestvennogo i emotsional’nogo v proizvedeniyakh Yu. Yakovleva [The conflict of the natural and the emotional in the works of Yu. Yakovlev]. *Pravoslaviye i russkaya literatura: sbornik statey*. Red. B. S. Kondrat’ev [Orthodoxy and Russian literature: collection of articles. Ed. B. S. Kondratiev]. Arzamas, Arzamas branch of UNN Publ., 2019. Pp. 227–230 (in Russian).
11. Gorobets N. I. Metodicheskiye priyomy postizheniya khudozhestvennogo stilya rechi kursantami blizhnego zarubezh’ya (na primere rasskaza Yu. Yakovleva “Tyazhelaya krov”) [Methodical methods of comprehension of the artistic style of speech by cadets of the near abroad (on the example of Yu. Yakovlev’s story “Heavy Blood”)]. In: *Voyennoye obrazovaniye v XXI obnaruzhil: problemy prepodavaniya russkogo yazyka i distsipliny spetsial’nosti v inostrannoy vystavke: k 120-letiyu Voennoy akademii material’no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni generala armii A. V. Khrulyova. Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. 12 noyabrya 2020 g.: sbornik nauchnykh statey* [Military education in the XXI discovered: the problems of teaching the Russian language and the discipline of a specialty in a foreign exhibition: on the 120th anniversary of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khruleva. Interuniversity scientific and practical conference. November 12, 2020: collection of scientific articles]. Under the general. ed. N. V. Bugorskaya. Saint Petersburg, R-KOPI LLC Publ., 2020. Pp. 174–180 (in Russian).
12. Mineralova I. G., Tsuruyeva P. Sh. Semantika i simbolika obraza shkoly v proze o Velikoy Otechestvennoy voyne: B. Rakhmanin, Yu. V. Yakovlev [Semantics and symbolism of the school image in prose about the Great Patriotic War: B. Rakhmanin, Yu. Yakovlev]. In: *Sintez russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kul’tury: materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Aleksey Fyodorovicha Loseva* [Synthesis of Russian and World Artistic Culture:

- Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Alexei Fedorovich Losev]. Yaroslavl, 2021. Pp. 64–72 (in Russian).
13. Pessyanikov K. D. Osobennosti preobrazovaniya khudozhestvennogo teksta v literaturnyy stsenariy (na materiale povesti Yu. Yakovleva “Balerina politotdela”) [Peculiarities of Transforming the Artistic Text of the Second Row into a Literary Script (Based on Yu. Yakovlev’s Story “Ballerina of the Political Department”)]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*, 2020, no. 2 (81), pp. 565–567 (in Russian).
 14. Tikhomirova L. V. “Balerina politotdela” Yu. Yakovleva: istoricheskiy kontekst i moral’naya osnova [Yu. Yakovleva’s “Ballerina of the Political Department”: Historical Context and Moral Basis]. In: *Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i literatura: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 10* [Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the International scientific conference. Issue 10]. Scientific ed. N. Yu. Zheltov. Tambov, Derzhavinskiy Publ., 2021. Pp. 302–307 (in Russian).
 15. Yakovlev Yu. Ya. *Posledniy feyerverk: romany i rasskazy* [Last fireworks: novels and short stories]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989. 158 p. (in Russian).
 16. Rozhdestvenskiy R. *Za togo parnya* [For that guy] (in Russian). URL: <https://www.culture.ru/poems/42688/za-togo-parnya> (accessed 18 June 2023).
 17. Khirsh M. *Pokoleniye postpamyati: Pis’mo i vizual’naya kul’tura posle Kholokosta* [The Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow, Novoye izdatel’sтво Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
 18. Artamonova V. V., Kulikova I. M. Reprezentatsiya temy “detstvo i voyna” v russkoy proze vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka [Representation of the theme “childhood and war” in Russian prose of the second half of the 20th – early 21st centuries]. *Nauchnyy al’makh – Science Almanac*, 2015, no. 12-3 (14) (in Russian). URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.320.pdf> (accessed 18 June 2023).
 19. Yakovlev Yu. *Rasskazy i romany* [Stories and novels]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 2020. 268 p. (in Russian).
 20. Stepanova M. M. *Pamyati pamyati: Romans* [Memories of Memory: A Romance]. Moscow, Novoye izdatel’sтво Publ., 2021. 408 p. (in Russian).
 21. Kovtun N. V. Tema pamyati v sovremennoy proze o Velikoy Otechestvennoy voyne [The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War]. *Kul’tura i tekst*, 2020, no. 4 (43) (in Russian). URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/12/06-24.pdf> (accessed 18 June 2023).
 22. Yakovlev Yu. Ya. *Samaya vysokaya lestnitsa. Rasskazy i romany* [The highest ladder. Stories and novels]. Moscow, Children’s literature Publ., 1974. 256 p. (in Russian).
 23. Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-ye gody: v 2 tomakh* [Modern Russian Literature: 1950–1990s: in 2 volumes]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. Vol. 1. Pp. 162–180 (in Russian).
 24. Moiseyeva V. G. Slova “velikiye” i “prostyye” o Velikoy Otechestvennoy voyne: k evolyutsii russkoy “voyennoy” prozy vtoroy poloviny XX veka [Words “great” and “simple” about the Great Patriotic War: to the evolution of Russian “military” prose of the second half of the twentieth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 2015, no. 3, pp. 58–72 (in Russian).
 25. Voronina T. *Pomnit’ po-nashemu: sotsrealisticheskiy istorizm i blokada Leningrada* [Remember in Our Way: Socialist Realist Historicism and the Siege of Leningrad]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 280 p. (in Russian).

Информация об авторах

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Липовка В. О., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Lipovka V. O., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 22.08.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

Мотивы притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева

Оксана Анатольевна Колмакова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, post-oxygen@mail.ru

Аннотация

Предметом анализа в статье является авторская рецепция сюжета притчи о блудном сыне в творчестве современных русских писателей Л. С. Петрушевской и А. В. Королева. Материалы, использованные в исследовании: романы «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. Петрушевской и «Дом близнецов» А. Королева.

В результате исследования выявлено, что проблематика и поэтика романов «Номер Один, или В садах других возможностей» и «Дом близнецов» определяется центральной коллизией «сын – отец», реализованной посредством узловых для евангельской притчи мотивов ухода, возвращения, прощения, любви. Анализ указанных романов позволяет говорить о различных типах диалогических отношений современных писателей с евангельским текстом. Если в романе Л. Петрушевской можно наблюдать инверсию сюжета притчи, то у А. Королева притча в значительной степени символизируется. Специфика художественной интерпретации притчи о блудном сыне связана с актуализацией смыслов профанного и сакрального уровней. Профанное, десакрализованное, содержание сводится к теме внутрисемейных отношений. В каноническом христианском толковании притчи центральным ее событием является «воскресение» блудного сына, рождение в нем «нового человека». Номер Один Петрушевской открывает в себе Героя, Валентин Драго А. Королева – Личность. Евангельский мотив возвращения у современных писателей репрезентирует их индивидуально-авторские метафоры. В романе Л. Петрушевской – это обретение человеком своего идентифицирующего начала, находящегося вне материально-гедонистических ценностей. У А. Королева авторской метафорой становится возвращение человеку его субъектности, потерянной под влиянием процессов усреднения в современном массовом обществе. В целом сюжет о блудном сыне осмысливается современными авторами как модель разрешения конфликта поколений, как вмещающее глубинных сакральных смыслов, а также как средство воплощения индивидуально-авторских метафор.

Ключевые слова: современная русская проза, притча о блудном сыне, сюжет, мотив

Для цитирования: Колмакова О. А. Мотивы притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 143–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

The motives of the parable of the prodigal son in novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ House” by A. V. Korolev

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, post-oxygen@mail.ru

Abstract

The evangelical parable about the return of the prodigal son was repeatedly used as the subject of literary contemplation in the Russian classical literature of the 19th and the 20th centuries. The plot of the prodigal son parable is still popular in contemporary Russian literature. For example, the plot was originally interpreted in the novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ house” by A. V. Korolev. The central conflict “son – father” realized through key evangelical parable motifs of departure, return, forgiveness and love determine the issues raised in these works and their poetics. The analysis of these novels helps to distinguish various types of “dialogue” between contemporary writers and the evangelical text. L. Petrushevskaya inverts the plot of the parable, A. Korolev redefines the evangelical parable in a symbolic way. In general, the plot of the prodigal son parable is comprehended by the contemporary authors as a model for resolving the conflict of the generation gap, as a space for profound sacred meanings, and as a means of expressing the author’s genuine metaphor. The plot variants of the prodigal son parable explicate the meanings realized by the Gospel text on

the “profane” and deep levels. Desacralized meaning of the parable can be reduced to the issue of ideal family relationships, which the contemporary writers yearn for and are trying to portray. The deep, Christian understanding of the parable is connected to the idea of the prodigal son’s resurrection understood as a discovery of a “new man” within himself. Number One in Petrushevskaya’s novel becomes the Hero, Valentin Drago of Korolev becomes the Personality. In addition, the evangelical motif of return in the contemporary works represents the authors’ genuine metaphors. The genuine metaphor in the novel of L. Petrushevskaya is the modern person’s acquiring his/her original identity, which is not related to material and hedonistic values. A. Korolev’s genuine metaphor consists in recovering the person’s subjectivity that had been lost because of the processes of standardization in modern society.

Keywords: modern Russian prose, parable of the prodigal son, plot, motif

For citation: Kolmakova O. A. Motivy pritchi o bludnom syne v romanakh “Nomer Odin, ili V sadakh drugih vozmozhnostey” L. S. Petrushevskoy i “Dom bliznetsov” A. V. Koroleva [The motives of the parable of the prodigal son in novels “Number One, or In the Gardens of Other Opportunities” by L. S. Petrushevskaya and “Twins’ House” by A. V. Korolev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 143–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-143-151>

Введение

По мнению А. В. Чернова, сюжет о блудном сыне «изначален и определяющ» для всей мировой литературы [1, с. 152]. В. И. Тюпа и Е. К. Ромодановская указывают на две модели осмысления этого евангельского сюжета в произведениях отечественной и мировой художественной литературы. Первая модель предполагает обращение к событийной канве притчи, вторая актуализирует образ блудного сына без последовательного воспроизведения сюжета притчи [2, с. 5]. В современной русской прозе притча о блудном сыне воспроизводится в мотивно-образной структуре таких произведений, как «Лаз» (1991) В. С. Маканина, «Всех ожидает одна ночь» (1993) М. П. Шишкина, «Чапаев и Пустота» (1996) В. О. Пелевина, «Блуждающее время» (2001) Ю. В. Мамлеева, «Светопреставление» (2003) И. Ю. Клеха и др.

В евангельской притче воплощены ключевые смыслы христианского вероучения. В результате искушения плоти человек гибнет духовно; покаяние и смирение дают ему возможность вернуться к Богу; любовь Бога не имеет границ. Центральная идея притчи – восстановление нарушенной в результате грехопадения связи человека с Богом. Перечисленные смыслы важны для понимания литературного произведения с позиций всегда актуальных идей любви и милосердия. Кроме того, востребованность сюжета о блудном сыне определяется связанными с ним «вечными» темами «отцов и детей» и «нравственного выбора личности».

В структуре сюжета притчи о блудном сыне Ю. В. Шатин обнаруживает следующие смысловые компоненты: «требование младшего сына о разделе имущества – раздел – уход сына из дома – распутная жизнь – разорение и голод – работа свинопасом – просьба к отцу принять его наемником – возвращение – радость отца – пир – ропот старшего сына – мораль: „надо было радо-

ваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся“» [3, с. 36–37]. Культурологи и богословы в смысловом пространстве притчи о блудном сыне выделяют следующие оппозиции: «греховность (сына) – святость (отца)», «уход – возвращение», «раскаяние – прощение» [4–7]. Образ блудного сына, а также перечисленные сюжетно-композиционные «формулы» и их модификации подвергаются художественному осмыслению в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева.

Целью работы является анализ архетипических структур евангельской притчи о блудном сыне в романах «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. С. Петрушевской и «Дом близнецов» А. В. Королева. Проведенное исследование позволит выявить символическое значение ключевых мотивов евангельского текста, актуальных для обывденного и для христианского сознаний.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы Л. С. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» и А. В. Королева «Дом Близнецов» – тексты современной русской литературы, оригинально интерпретирующие сюжет о блудном сыне, содержащийся в Евангелии от Луки. Ведущим методом исследования является структурно-семиотический.

Результаты и обсуждение

Сюжет романа Л. С. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004) «не только символически, но и буквально движется вслед за мифом» [8, с. 196]. Обращение к мотивам притчи о блудном сыне позволяет Л. Петрушевской выйти к актуальным социокультурным смыслам. Автор прибегает к инверсии канонического сюжета евангельской притчи.

Блудным оказывается отец, который, пройдя через искушение, испытания и даже физическую смерть, возвращается наконец в родной дом, к сыну. На наш взгляд, речь следует вести именно об инверсии евангельского сюжета, а, скажем, не о прямом использовании известного античного сюжета об Одиссее и Телемахе, о котором писал критик А. Урицкий [9, с. 209]. В инверсированном виде притча о блудном сыне уже подвергалась осмыслению в «программной» повести Петрушевской «Время ночь» (1992), героиня которой, поэтесса Анна Андриановна, пишет: «Страшная темная сила, слепая безумная страсть – в ноги любимого сына вроде блудного сына упасть» [10, с. 351].

В русской литературе инверсированный сюжет блудного сына можно увидеть в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», где «выявление мотива блудного сына в сюжетной линии отца позволяет обнаружить опасное забвение тех бытийных и нравственных норм, которые выражены в библейской притче о блудном сыне» [11, с. 306]. В «Номере Один...» у Петрушевской инверсия евангельского сюжета символизирует современный мир, в котором перевернута традиционная аксиологическая шкала.

Основным средством создания художественного мира в романе является поэтика деструкции, реализуемая в таких мотивах, как «разрушение» и «деформация». Петрушевская выступает почти как писатель-реалист, обращаясь к теме плачевного положения советской науки на рубеже XX–XXI вв., когда работники НИИ получали зарплату с задержкой в полтора года, и многие из них уезжали за рубеж. Главный герой, Номер Один, является сотрудником научного института, занимающегося проблемами этнографии. Директор института по кличке Панька имеет косвенное отношение к науке и прямое – к криминальным структурам. Удивляться тому, что нечистоплотность сотрудников института стала нормой, с таким руководителем не приходится.

Положение дел в отдельно взятом НИИ Петрушевская проецирует на общую ситуацию кризиса и распада, которые характеризовали российскую жизнь в постсоветское время. Анализируя охвативший Россию процесс социальной деградации, Номер Один говорит о настоящей человеческой инволюции: «При Йоське Джугашвили был феодализм, теперь развитие рабовладельческого строя, плавно перешедший в первобытный (пещера, костер). Бомжи уже живут так и масс, переселенцы» (здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация. – О. К.) [12, с. 123]. Деградировавшему миру современной цивилизации Петрушевская противопоставляет гар-

моничный мир вымышленного малого народа энти, который изучает Номер Один. Л. Петрушевская изображает сообщество энти как утопический социум, но этой утопии грозит гибель: Юрий Кухарев, Кух, нечистоплотный коллега Номера Один, разорил святилище энти – украл аметист из глазницы статуи Царя нижнего мира, нарушив тем самым хрупкий баланс в мироздании.

Тема отцов и детей, сюжетообразующая в притче о блудном сыне, реализуется у Петрушевской в аспекте проблематики социально-деформированной реальности. Используя прием гротеска, писательница показывает ситуацию разрыва традиционных связей между поколениями. Примечательны сетования Паньки, обремененного двумя семьями: «Дачу строю предыдущему сыну. Навязалась на мою голову супруга от первого брака. Как говорится, это только считается, что вы в разводе. Отец должен помочь! А если подумать, что такое отец? А? Секунда!» [12, с. 53]. Кух пренебрежительно называет собственную мать Галькой. Номер Один ощущает себя «блудным отцом», расточившим самое дорогое – семью. «Все мысли о деньгах, но ночами напролет играл на компе. Жене не помогал. Домой шел как на каторгу, скука, скука!» [12, с. 89].

Искушением для героя стала идея компьютерного квеста «В садах других возможностей» с сюжетом путешествия по «адам всех конфессий». Мотив компьютерной игры, с которой связан образ Номера Один, символизирует инфантильность, личностную несостоятельность, т. е. адекватность этого персонажа как раз таки статусу сына. Петрушевская иронически обыгрывает незрелость своего героя, изображая, как он ревнует жену к своему собственному ребенку. Номер Один «угрожает» жене: «...Будет муж кот. Ты будешь больше ценить чем меня и не считать просто подсобной силой которая обязана и обязана все отдавать Алешке как ты все свое время и мысли Алешке а не мне. Он Алешка твой муж и твое все» [12, с. 248].

У Петрушевской изображается не только духовная гибель героя. В ее романе евангельская метафора смерти и воскресения воплощена буквально. Умерев, Номер Один оказывается в inferнальном пространстве, персонифицированном хтоническим образом Трехпалого, Царя нижнего мира. Осознав необратимость смерти, Номер Один прощается со своей женой и сыном и одновременно просит у них прощения. «...прощайте, прощайте, пора нам уходить, Анюточка, мужайся, на тебя одна одежда. Алешенька, оставляю тебя...» [12, с. 93].

Но подлинным испытанием для героя становится не мифологическая инициация через путе-

шествие в ад, а пребывание его души в другом теле – теле собственного убийцы. Номер Один забрал священный аметист у Куха, но сам оказался убитым неким Валерой, нанятым Панькой с целью завладения квартирой убитого. Чтобы Номер Один смог вернуть камень, жрец энти Никулай-оол переселяет его душу в тело Валеры. Герой со страхом понимает, что новое физическое тело влияет на его, Номера Один, речь, а значит, и на сознание: «Господи, что же это происходит! Надо говорить не „киосок“, а „киоск“, и „ездят“. А не „ездиют“, сельсовет» [12, с. 136–137].

Противоположность личностей Номера Один и Валеры показана посредством оппозиции «отец – сын». Номер Один вспоминает, что в детстве никак не мог поверить в гибель отца и «все кидался на старух, которые пришли обмывать покойника, „Я вас просто прошу, умоляю, он жив, вы видите? Уходите!“ Отца принесли из тайги. Видимых повреждений не было» [12, с. 139]. Диаметрально противоположное отношение к отцу демонстрирует Валера: «Отец смешной был. Я его зарезал. <...> Он меня тубареткой по кумполу. Я его ножом хлебным» [12, с. 163]. И тем не менее Валера – это часть Номера Один, воплощение, по выражению И. А. Ильина, «бессознательно-инстинктивной глубины души» [13, с. 231]. Личность Номера Один «впустила» в себя бандита, поскольку в ней было немало созвучного этому вторгшемуся в нее чужому я: и ценные артефакты, добытые в этнографических экспедициях, Номер Один иностранцам продавал, и заработать легкие деньги на продаже квеста мечтал, и собственным больным сыном тяготился. Однако именно вторжение Валеры, гротескно заострившее в Номере Один отрицательную сущность личности, позволило герою взглянуть на себя со стороны и критически переосмыслить имеющуюся у него ценностную иерархию.

Проведя своего героя через «все круги ада», Петрушевская заставляет его осознать необходимость нравственного очищения и искупления греха. Ранее сформировавшаяся у Номера Один материально-гедонистическая система ценностей теряет свою актуальность. «Блудный отец» осознает необходимость возвращения в родной дом, к сыну и жене, в которых только и возможна его идентифицирующая самореализация. В электронном послании жене Номер Один формулирует свое главное прозрение: «...моя люб к тебе и Алешке теперь со стороны все сильнее вы единственное что у меня мое родное <...> когда рядом и близко то все затянато запачкано бытом и все бьются друг о друга ранят, и только вдали эта люб. так горит и так тепло в груди люблю вас

люблю всех <...> я вернусь все равно» [12, с. 248]. Эти мысли героя провозглашают торжество любви, составляющей основную сущность духовной жизни человека.

Однако завершающее преобразование личности героя наступает тогда, когда он понимает, что должен выполнить свое предназначение – возвратить народу энти украденную Кухом реликвию, без которой в мире «свишет черная вечность» [12, с. 246]. Произошедшая переоценка ценностей изменяет стратегию поведения героя, переориентируя его с сиюминутного на вечное. В структуре личности Номера Один возникает надличное начало, присущее подлинному Герою, который способен «нести тяжесть всего мира на своих плечах» [14, с. 612]. Спасая реликвию энти, а вместе с ней и весь мир, Номер Один поднимается на высочайший уровень истинной любви, проявляющейся в бескорыстной жертвенности. Номер Один, «блудный отец», грешник, вырастает до образа Сына Божьего, который должен искупить грех всего человечества.

В детективном романе-антиутопии А. Королева «Дом близнецов» (2013) реализуется постмодернистская философско-эстетическая система, в основе которой – создание альтернативных версий реальности. Центральные события романа, рассмотренные сквозь призму христианской мифологии, допускают двойное, даже тройное прочтение [15]. Сюжет блудного сына интерпретирован в романе по крайней мере дважды. Примечательно, что и в критике о романе, в частности в рецензии Г. Заславского, персонажи получили культурный ярлык «блудных сыновей» [16].

Внешний сюжет в романе развивается по канонам детективного жанра. Оскар Янкель поручает частному детективу Валентину Драго отыскать своих сыновей-близнецов и известить их о возможности получения наследства матери. Чтобы выполнить поручение, Драго необходимо попасть в закрытую лечебницу «Хегевельд», владелец которой доктор Виктор Борисов, известный также как «фон Боррис», или «князь», силой, по мнению Янкеля, удерживает у себя братьев. Драго приезжает в поместье фон Борриса под видом итальянца дона Клавиго, который оказался очень похожим на русского сыщика.

Дальнейшие события романа происходят в Калининградской области, на территории бывшей Восточной Пруссии. Эта местность обладает нетипичным для России культурно-историческим и природным ландшафтом, связанным с влиянием средневековой европейской культуры – легендами о рыцарях, о «стонущем корне мандрагоры», о привидениях, обитающих в старинных замках. С одной стороны, мифологический хронотоп у

Королева выполняет сюжетообразующую функцию, позволяющую наделять предметы обыденного, профанного мира сакральными свойствами. С другой стороны, очевидна авторская десакрализующая игра с мифом.

Прежде всего автор ведет игру с мифами современного массового сознания. Эти мифы у Королева реализованы в форме традиционных суеверных рассказов (например, в историях о призрак-ке Германа Геринга, которого видели охотящимся в окрестностях «Хегевельда»), а также в обыгрывании «культовых» продуктов современного искусства. Так, персонажная пара «Брат Один и Брат Два», коррелирует образов двух братьев из притчи о блудном сыне, одновременно апеллирует к известной дилогии режиссера А. Балабанова 1997, 2000 гг. Данная аллюзия не только актуализирует целый ряд библейских сюжетов о двух братьях, в частности сюжет Каина и Авеля (имя последнего будет носить младший из близнецов Янкеля), но и работает на один из основных мотивов романа – мотив двойничества. Валентин – двойник Клавиго, в поисках братьев-близнецов Валентин встречает сестер-близнецов Магду и Герду, «Хегевельд» – «копия Рая», а сам фон Боррис «задумал стать близнецом Бога» [17, с. 175].

Отметим, что имена многих персонажей Королева вызывают библейские аллюзии. Так, называя героя «князем Виктором фон Боррисом», автор создает амбивалентный образ, сочетающий в себе как божественное начало – «Боррис» лечит «самые страшные болезни XX века» (рак, аутизм, болезнь Дауна), «поднимает людей из гроба» [17, с. 176], так и дьявольское, присущее «князю тьмы»: секретарь донна Клавиго дает Валентину совет, как «уцелеть в лапах этого черта» [17, с. 176], имея в виду фон Борриса. Среди приближенных фон Борриса – Магдалина, названная дочь князя, и его гость Соломон Зиглер.

Интертекстуальные отсылки к разным ветхозаветным и новозаветным сюжетам и образам в романе накладываются друг на друга. Композиция произведения вызывает аллюзии и с началом книги Бытия, обыгрывая семь дней творения, и со страдальным путем Христа: Валентин испытывает искушение («искус самоубийства»), умирает, воскресает. Первое предложение романа «В начале было слово...» – прямая цитата из Евангелия от Иоанна. Описание Валентина в некоторых эпизодах романа аллюзивно напоминает Христа. Так, автор сравнивает силуэт Драго, балансирующего на крышах «Хегевельда», с «распятием на кресте», а далее называет его «явлением человека в небе» [17, с. 183]. А. Королев использует серию аллюзий, последовательно отсылающих читателя сначала к «Гамлету» У. Шекспира, неоднократно

цитируемому в тексте, а затем – к одноименному стихотворению Б. Пастернака, в котором лирический герой сравнивается с Гамлетом и Христом одновременно. В финале романа произойдет наложение буквального и фигурального смыслов мотива воскресения. Фигуральный смысл воскресения связан с финалом притчи о блудном сыне, а буквальный – с образом Христа. Для автора актуально пересечение двух евангельских сюжетов в образе сына – блудного сына из притчи и Христа, сына Божьего.

В «Хегевельде» Валентина не покидает двойственное ощущение. Свое пребывание в поместье герой сравнивает с «пленом египетским» ветхозаветного Иосифа. Вместе с тем только в замке фон Борриса Драго вырастает до уровня полноценной личности. Он понимает, что «понурил раза в два, а то и в три», чувствует, что «стал силен и быстр» [17, с. 276]. Но главная перемена произошла в духовной жизни героя. Принимая участие в ежевечерних «симпозиумах» о Боге, Валентин впервые переживает интеллектуальное наслаждение, когда «не просто думает», а «ликует по поводу того, что может думать о Нем» [17, с. 83]. В своем эстетическом развитии герой также достигает небывалых высот. Он становится восприимчивым к музыке, и удивительное двухголосое пение Фарро, любимчика фон Борриса, вызывает у него «слезы эстетического восторга» и чувство «всепроницающего присутствия Бога» [17, с. 119].

Преображающее личность пространство «Хегевельда» – альтернативная реальность, утопический мир, устроенный волей человека земной аналог «Царства Небесного», в котором действует божественный закон красоты, гармонии и истины. По нашему мнению, в образе фон Борриса достаточно явственно воплощен архетип Боготца, что наиболее ярко проявляется в ипостаси героя как творца, создавшего мир «Хегевельда». Умение внушить страх, категоричность и авторитарность князя заставляют вспомнить грозного ветхозаветного Бога, устроившего Всемирный потоп, сожжение Содома и Гоморры, разрушение Вавилона и Иерусалима.

Образ «благословенной земли Хегевельд» у Королева создан согласно эстетическому канону постмодернизма и характеризуется амбивалентностью. Черты антиутопии в нем связаны с мотивом насильственного удерживания названных «гостей» фон Борриса. Утопическая сущность «Хегевельда» проявляется в его магической способности исцелять человека физически и духовно. Этим своим качеством мир замка резко контрастирует с образом пошлой и убогой современной реальности, которая нивелирует лич-

ность или физически убивает ее (подобно евангельскому блудному сыну, Валентин переживает искушение, но не плоти, а духа – искушение самоубийством, которое стало родовым проклятьем его семьи).

Антиподом «Хегевельда» в романе становится «Макдональдс» – символ современного общества потребления. На диспутах в поместье фон Борриса особое внимание уделяется трапезе. Многообразие и изящество блюд создают яркий контраст чизбургеру из ежедневного меню Валентина: «Наслаждаясь вкусом барашка, запеченного с острыми травами, Валентин вдруг с отвращением вспомнил свой обычный обед в „Макдональдсе“ напротив своего бюро в Питере. Как гадко ворочается во рту вязкая каша из хлеба и мяса, залитая слюнями майонеза...брр» [17, с. 150]. Мотив еды не случаен. А. Королев создает собственный образ рая, в котором, в отличие от канонического христианского рая, возможно не только духовное, но и телесное наслаждение. Герой должен выбрать, в какой реальности он будет существовать дальше: в той, где он «Валюн», постоянный клиент закусочной «Макдональдс», или в той, в которой он Валентин, успешно и с удовольствием играющий роль итальянского архивариуса дона Клавиго, философа-интеллектуала, тонкого ценителя искусства.

Собственно детективный сюжет «Дома близнецов» завершается после того, как Драго находит «блудных сыновей» Янкеля. Читателю открывается секрет удивительного пения Фарро на два голоса. Оказалось, что на груди этого массивного артиста, в волнах пышного жабо скрывался его младший брат. Близнецы, которых искал Драго, были сиаемскими. Однако евангельская притча не может реализоваться в сюжете Янкеля и близнецов, поскольку она искажена обывательским сознанием героя, для которого прощение отца предшествует возвращению сыновей. Излагая суть задания Валентину, Янкель заявляет: «Я... прощаю оболтусов и объявляю их наследниками» [17, с. 5]. О всепрощающей любви отца из канонического текста притчи здесь нет и речи. В притче блудный сын возвращается к отцу отнюдь не потому, что узнал, что тот его простил, а потому, что своим покаянием хочет отплатить отцу за его любовь, которая, несмотря на все прегрешения сына, не иссякает в отце. Смысл притчи, близкий к каноническому, раскрывается в сюжете братьев Фарро и фон Борриса. Лишь в поместье фон Борриса братья получили любовь духовного отца и обрели самих себя.

Противопоставляя образы двух отцов – Янкеля и фон Борриса, А. Королев раскрывает по-

верхностный и глубинный смысл притчи о блудном сыне. Еще А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель» изобразил обывательское понимание притчи: для Самсона Вырина весь ее смысл сводился к идее чисто механического возвращения «блудного дитя». Так и Янкель у Королева пытается любой ценой вернуть сыновей, придавая «служебный статус» акту прощения и совсем не упоминая о своей любви к детям. Глубинные смыслы притчи, связанные с мотивами безграничной любви отца и преображения сына, актуализируются в сюжетной линии близнецов и фон Борриса. По словам князя, «записные самоубийцы спаслись и распелись, как райская птица, чье имя Фарро» [17, с. 284]. Эпитет «райская» не случаен и также уводит к сюжету притчи, поскольку в каноническом ее толковании дом отца – это рай, Царство Небесное, а образ самого отца – воплощение ипостаси Бога-отца.

В сюжетной линии, раскрывающей душевную жизнь Валентина, притча о блудном сыне также играет важную роль. Фон Боррис пытается уговорить Драго остаться, но тот все-таки уезжает из «Хегевельда», стремясь «на волю». Однако там Валентина ждало его «родовое проклятье» – искушение самоубийством, перед которым он не смог устоять. Эпизод суицида Драго изображается автором намеренно гротескно. Символичны подробности самоубийства: недоеденный чизбургер, торчащий изо рта Валентина, и сделанная его рукой надпись на стекле, содержащая одно только слово: «Гав». Предсмертная трапеза героя, «намертво сжатый зубами, залитый кровью кусок от чизбургера» [17, с. 289], обретает символическую дьявольского причастия. «Последнее слово» самоубийцы апеллирует к истории с псами «Хегевельда», о которых рассказал Валентину фон Боррис. Эта история была последним аргументом князя в пользу избранности Валентина. Оказалось, что не все люди, попадающие в поместье, «эволюционируют» до уровня высокоразвитой личности. «Хегевельд» лишь выявляет истинную сущность человека. Доберманы-охранники прежде были людьми, но, прожив немного в «Хегевельде», обнаружили свою низменную, животную природу. Животная сущность, которую проявляет Валентин в мире «Макдональдса», – это не только характеристика представителя современного социума, но и прямая отсылка к мотиву притчи о блудном сыне, который в своем падении дошел до того, что «рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи» (Лк. 15:16) [18, с. 1109].

Второй, фантастический, финал романа завершает сюжетную линию Драго в соответствии

с евангельским текстом о блудном сыне. «Выстрелив в сердце, Валентин в счастливом ужасе понял, что уцелел. Осечка!» [17, с. 290]. Потрясенный такой удачей, Валентин спешит в «Хегевельд», туда, где его ждет отец. Символичны слова из арии генделевского Ариоданта в исполнении Фарро: «Радость царит на земле. / Мое судно, / Пережив страшную бурю, / Достигло желанного берега» [17, с. 290]. В финальных мотивах воскресения и радости автор обыгрывает слова евангельского отца, обращенные к обидевшемуся «праведному» сыну: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил» (Лк. 15:32) [18, с. 1110]. Идея пути к Богу и обретения Бога внутри себя, входящая в смысловой комплекс притчи, у Королева становится метафорой достижения человеком внутренней гармонии. Кроме того, современный писатель придает евангельской притче общечеловеческий смысл, подразумевающий обретение духовного родства, которое оказывается выше родства кровного.

Очевидно, что утопия в романе А. Королева не утверждается однозначно. В интерпретации райского пространства ключевую роль играет образ мандрагоры, которая мистифицирует каждого, попадающего в сферу ее влияния. Ребенок с диагнозом «болезнь Дауна» превращается в «Хегевельде» в «прелестную большеглазую девочку» [17, с. 67], старый пес-инвалид «бежит без коляски» [17, с. 284], а «усталый человек с мешками в синих подтеках под глазами» [17, с. 284] становится блестящим «князем», «повелительным господином». Будучи постмодернистом, А. Королев подвергает игровому разоблачению сами правила игры в утопию, сообщая читателю о том, что за «чертой благодати», т. е. за пределами «Хегевельда», выяснилось, что священная книга «Сад исполнения желаний» – это всего лишь «Пособие для цветоводов», а магический «Шлем Мандрагоры», в котором только и чита-

лась книга, – «обыкновенный бабий чулок» [17, с. 281].

И все же автор акцентирует второй, мистический финал, в котором его герой находит дом, отца и выбирает качественно новую жизнь, позволяющую человеческой индивидуальности реализоваться во всей ее полноте. По нашему мнению, тема обретения полноты человеческого существования в романе А. Королева связана также с такой актуальной проблемой современности, как восстановление субъектности человека. Субъектность подразумевает саморазвитие, самоактуализацию и самореализацию личности. В. А. Петровский называет субъектностью человека «свойство самодетерминации его бытия в мире» [19, с. 117]. В образе «человека „Макдональдса“» А. Королев воплощает проблему утраты субъектности, связанную с процессами усреднения индивидуальности в современном обществе и замкнутости современного человека на своих примитивных потребностях.

Заключение

Интерпретируя притчу о блудном сыне, современные русские авторы используют ее смысловой потенциал в двух аспектах. Первый связан со смыслами «профанного» восприятия евангельского текста и реализуется в мотивах сложных семейных отношений и нравственного выбора личности. Подлинно христианское толкование притчи состоит в идее воскресения блудного сына, осуществленного им через открытие в себе нового человека. Валентин Драго, герой романа А. Королева «Дом близнецов», становится личностью, а заглавный персонаж романа Л. Петрушевской «Номер Один...» – героем. Также евангельский мотив возвращения у современных писателей репрезентирует их индивидуально-авторские метафоры: возвращение субъектности – у Королева и обретение идентифицирующего начала – у Петрушевской.

Список источников

1. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151–158.
2. Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Инст. филологии СО РАН, 1996. С. 3–15.
3. Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. Новосибирск: Ин-т филол. СО РАН, 1996. С. 29–41.
4. Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеведческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

6. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Репр. изд. Сергиев Посад: Изд-во Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1999. 767 с.
7. Феофилакт, архиепископ Болгарский. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского на Святое Евангелие: в 4 т. Кн. 3: Евангелие от Луки. М.: Лепта, 2005. 448 с.
8. Лебедушкина О. Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. № 1. С. 190–198.
9. Урицкий А. Человеческие приключения // Дружба народов. 2005. № 7. С. 208–212.
10. Петрушевская Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Проза. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1996. 398 с.
11. Ковалева Т. Н. Мотив блудного сына в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 301–325.
12. Петрушевская Л. Номер Один, или В садах других возможностей: роман. СПб.: Амфора, 2009. 251 с.
13. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
15. Колмакова О. А., Жорникова М. Н. Христианский «код» в романе А. Королева «Дом близнецов»: когнитивный и коммуникативный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 138–144.
16. Заславский Г. Разодранный мех и ветер времени: Анатолий Королев о дельте постмодернизма, парах мандрагоры и рождении сатиры // Независимая газета. 26.02.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2015-02-26/2_persona.html (дата обращения: 29.05.2023).
17. Королев А. Дом Близнецов: роман-детектив. М.: ArsisBooks, 2016. 296 с.
18. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1995. 1376 с.
19. Петровский В. А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Высшая школа экономики, 2013. 496 с.

References

1. Chernov A. V. Arkhetip “bludnogo syna” v russkoy literature XIX veka [Archetype of the “prodigal son” in the literature of the XIX century] In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vv.* [Evangelical text in Russian literature of the XVIII–XX centuries]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994. Pp. 151–158 (in Russian).
2. Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. Slovar' motivov kak nauchnaya problema [Dictionary of motives as a scientific problem]. In: Tyupa V. I. (Ed.) *Materialy k “Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury”: ot syuzheta k motivu* [Materials to the “Dictionary of plots and motives of Russian literature”: from the plot to the motive]. Novosibirsk, Inst. Philology of the SB RAS Publ., 1996. Pp. 3–15 (in Russian).
3. Shatin Yu. V. Arkhetipicheskiye motivy i ikh transformatsiya v novoy russkoy literature [Archetypal motifs and their transformation in the new Russian literature]. In: Romodanovskaya E. K., Tyupa V. I. (Eds.) *“Vechnyye” syuzhety russkoy literatury. “Bludnyy syn” i drugiye: sbornik nauchnykh trudov* [“Eternal” plots of Russian literature. “The Prodigal Son” and others. Digest of articles]. Novosibirsk, Inst. philol. of SB RAS Publ., 1996. Pp. 29–41 (in Russian).
4. Wierzbicka A. *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 272 p. (in Russian).
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguistic and regional studies concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (in Russian).
6. Gladkov B. I. *Tolkovaniye Evangeliya. Repr. izd.* [Gospel interpretation. Repr. ed.]. Sergiev Posad, Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 1999. 767 p. (in Russian).
7. Theophylact, Archbishop of Bulgaria. *Blagovestnik ili Tolkovaniye Blazhennogo Feofilakta arkhiepiskopa Bolgarskogo na Svyatoye Evangeliiye: v 4 tomakh. Kniga 3. Evangeliiye ot Luki* [The gospel preacher or Interpretation of Blessed Theophylact Archbishop of Bulgaria on the Holy Gospel: in 4 volumes. Book. 3. The Gospel of Luke]. Moscow, Lepta Publ., 2005. 448 p. (in Russian).
8. Lebedushkina O. Pro lyudey i nelyudey [About people and non-humans]. *Druzhba narodov*, 2006, no. 1, pp. 190–198 (in Russian).
9. Uritsky A. Chelovecheskiye priklyucheniya [Human adventures]. *Druzhba narodov*, 2005, no. 7, pp. 208–212 (in Russian).
10. Petrushevskaya L. *Sobraniye sochineniy. V 5 tomakh. Tom 1. Proza* [Collected Works. In 5 volumes. Volume 1. Prose]. Kharkov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 1996. 398 p. (in Russian).

11. Kovaleva T. N. Motiv bludnogo syna v syuzhete romana I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'yeva" [The Motif of the Prodigal Son in the Plot of Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev"]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 301–325 (in Russian).
12. Petrushevskaya L. *Nomer Odin, ili V sadakh drugih vozmozhnostey: roman* [Number One, or In Gardens of Other Opportunities: the novel]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2009. 251 p. (in Russian).
13. Il'in I. A. *Religioznyy smysl filosofii* [Religious meaning of philosophy]. Moscow, AST Publ., 2003. 694 p. (in Russian).
14. Sartr Zh. P. *Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness. Experience of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p. (in Russian).
15. Kolmakova O. A., Zhornikova M. N. Khristianskiy "kod" v romane A. Korolyova "Dom bliznetsov": kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty [Christian "code" in A. Korolyov's novel "House of the twins": cognitive and communicative aspects]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2017, no. 6, pp. 138–144 (in Russian).
16. Zaslavskiy G. Razodrannyy mekh i veter vremeni: Anatoliy Korolyov o del'te postmodernizma, parakh mandragory i vrozozhdenii satiry [Torn bag and the wind of time: Anatoly Korolev about the delta of postmodernism, the pairs of mandrake and the revival of satire]. *Nezavisimaya gazeta*. 26.02.2015 (in Russian). URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2015-02-26/2_persona.html (accessed 29 May 2023).
17. Korolyov A. *Dom bliznetsov: roman-detektiv* [Twins' house: novel-detective]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2016. 296 p. (in Russian).
18. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, Bibleyskiye obshchestva Publ., 1995. 1376 p. (in Russian).
19. Petrovskiy V. A. "Ya" v personologicheskoy perspektive ["I" in a personological perspective]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2013. 496 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колмакова О. А., доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003).

Information about the author

Kolmakova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 30.05.2023; accepted for publication 26.09.2023

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-152-161>

Миромоделирующие функции топоса сада в пьесе Н. Садур «Доктор сада» (2011)

Юлия Сергеевна Красноухова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
oriental-v@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматривается пьеса современного русского драматурга Н. Садур «Доктор сада» (2011), в которой на первый план выходит описание пространства сознания героев. Пьеса, практически не попадающая в поле зрения исследователей, представляет собой интересный пример реализации художественных возможностей категории пространства. В статье анализируются миромоделирующие возможности топоса сада в пьесе Н. Садур. Доказывается, что образ сада в пьесе многослоен и реализуется на разных уровнях: культурно-символическом, реальном, социально-бытовом, природно-биологическом, на уровне пространства сознания героев. Пьеса прочитывается с двух точек зрения: как реалистическая, с социально-психологическим конфликтом, и как неомодернистская, с изображением внутреннего конфликта сознания героев. Реалистический план представляет собой описание социально-бытовой драмы героев-интеллигентов Олега Павловича и Ларисы Нежиных, оставшихся в новой стране (после 1990-х гг.) на «обочине» жизни. Они остро переживают как свой новый маргинальный статус, так и внутренние проблемы, связанные с принятием себя, своего возраста и своих отношений. Однако в «Докторе сада» автор сосредоточивается в большей степени на изучении пространства сознания героев. Введение героя-двойника, высвечивающего психологическое состояние Олега Павловича и Ларисы, является в пьесе главным средством создания модернистского мирообраза. Подчеркивается также принципиально важное значение топоса сада, представляющего собой больше, чем место действия. На основании анализа пространственной структуры пьесы делается вывод о том, что сад, являющийся одновременно и реальным пространством, в котором происходит действие, и действующим лицом, и символическим культурным топосом, становится для автора миромоделирующим средством. В заключении делается вывод о том, что неомодернистская игра с пространством позволяет выстроить художественный мир, в логике которого внешнее пространство отражает внутреннее.

Ключевые слова: современная драматургия, творчество Н. Садур, топос сада, игровое пространство

Для цитирования: Красноухова Ю.С. Миромоделирующие функции топоса сада в пьесе Н. Садур «Доктор сада» (2011) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 152–161. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-152-161>

The world-modeling functions of the garden topos in N. Sadur's play Doctor of the Garden (2011)

Yuliya S. Krasnoukhova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation oriental-v@yandex.ru

Abstract

The dramaturgy of N. Sadur belongs to the complex aesthetic system, which researchers classify as various artistic movements (absurdism, avant-gardism, magical realism, and finally, postmodernism). The article examines the play by the modern Russian playwright N. Sadur “Doctor of the Garden” (2011), in which the description of the space of consciousness of the characters comes to the fore. The play, which practically does not fall into the field of view of researchers, is an interesting example of the realization of the artistic possibilities of the category of space. It is indicated that in comparison with early works, the category of space in later plays becomes more significant. The article analyzes the world-modeling possibilities of the garden topos in N. Sadur's play “Doctor of the Garden”. The article states that the image of the garden in the play is multi-layered and is realized at different levels: cultural-symbolic, real, social, natural-biological, at the level of the characters' consciousness space. The play is read from two points of view: as a realistic one, with a socio-psychological conflict, and as a neo-modernist one, with a conflict in the consciousness of the characters: they experience an internal conflict associated with the awareness of themselves and each other. Based on the analysis of the spatial structure of the play, it is concluded that the garden, which is both a character, a real space in which the action takes place, and a symbolic cultural topos, is a world-modeling tool for the author.

Keywords: modern dramaturgy, works by N. Sadur, topos of the garden, space of the game

For citation: Krasnoukhova Yu. S. Miromodeliruyushchiye funktsii toposa sada v p'yese N. Sadur "Doktor sada" (2011) [The world-modeling functions of the garden topos in N. Sadur's play Doctor of the Garden (2011)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 152–161 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-152-161>

Введение

Исследователи считают, что современная русская драма вбирает в себя элементы различных эстетических систем и является в итоге эклектическим образованием (М. И. Громова, О. В. Журчева, О. Н. Зырянова). Драматургию Н. Садур причисляют к различным художественным направлениям (абсурдизм (Б. С. Бугров, О. Н. Зырянова), магический реализм (Е. В. Старченко), постмодернизм (Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий)). Неоднозначность определения творческой системы автора возникает потому, что проза и драма Н. Садур не встраиваются только в одну литературную традицию, внутренне сопротивляются однозначному определению. При этом в поле зрения исследователей попадают преимущественно ранние пьесы автора, поздние же остаются неизученными. Позднюю драматургию Н. Садур отличает менее резкое столкновение реального и фантастического, теперь образующее более сложную разноуровневую картину мира. Категория пространства и в ранних пьесах автора обладала большим значением, в поздних же – пространство становится более семантически наполненным.

Название пьесы Н. Садур «Доктор сада» (2011) несет для отечественного читателя две главные культурно-символические ассоциации. Первая отсылает к восприятию сада как рая, вторая – к «Вишневому саду» А. П. Чехова. Райский сад связывается с идиллическим безгрешным существованием Адама и Евы и с последующим грехопадением и изгнанием. В пьесе Чехова ставится проблема смысла существования, глубинного кризиса, охватившего всю страну и сознание современного человека. Для каждого из чеховских героев сад означает свое. Кроме того, образ сада связывается с представлениями о метафорическом саде души. Чехов развивает идею Вольтера о возделывании каждым своего сада («надо возделывать свой сад» («Кандид, или Оптимизм»): у Вольтера речь идет об активной деятельности человека по преобразованию действительности, улучшению своей жизни [1]). Исследователями (М. О. Горячева, Н. Е. Разумова и т. д.) также отмечается значение пространства в чеховской пьесе (см., например, высказывание А. Б. Хачатрян: «Если в классической драме пространство было аренной, на которой разворачива-

лось определенное действие, то теперь пространственный образ становится полноправным участником развития действия» [2, с. 124]).

В мировой культуре образ сада наполняется разнообразной семантикой и мифологизируется: это рай, Эдемский сад, возделываемое человеком идеальное пространство, уподобленное микрокосмосу. Д. С. Лихачев определяет сад как попытку «создания идеального мира взаимоотношений человека с природой» [3, с. 11]. По этой причине, пишет ученый, сад отождествляется с раем на земле как в христианском, так и в мусульманском мире: «сад всегда выражает некоторую философию, эстетические представления о мире, отношение человека к природе; это микромир в его идеальном выражении» [3, с. 11].

Сад в культуре символизирует и духовное бытие: забота о саде отождествляется с работой человека по сохранению целостности его души, запустение же сада означает потерянность человека, становится символом заброшенности мира в целом. Сад существует не сам по себе – речь идет не о саде как общественном пространстве, который также наделяется культурной семантикой, а о саде личном, являющемся частью дворянской усадьбы (личный сад приобрел культурное значение именно в составе усадьбы). Это сад-убежище, сад-дом, сад-символ, соединяющийся в памяти обитателей усадьбы с детскими воспоминаниями, счастьем, спокойствием. Дворянская усадьба, переживающая в конце XVIII – начале XIX вв. расцвет, представляет собой особый культурный слой, включающий определенные традиции, образ жизни, нравственные принципы, наконец, особого человека, впитавшего в себя эту среду [4, с. 210]. Для настоящего исследования большое значение приобретает родовая связь дворянской усадьбы и сменившей ее дачи. Краткий экскурс в историю усадебной культуры преследует цель раскрытия этой связи.

Во второй половине XIX в. создаются «усадебные» тексты И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого. В художественном сознании эпохи происходит мифологизация и сакрализация усадьбы как культурного локуса. Е. Е. Дмитриева считает, что русскую классическую литературу в целом можно охарактеризовать как усадебную [5, с. 152]. Усадебный хронотоп часто приобретает черты идиллического,

детские годы героя приравняются к райскому существованию в родовом гнезде, где время течет иначе, чем в большом мире. Защищенное пространство усадьбы, уподобленное микрокосму, дает человеку чувство безопасности и психологического комфорта. Усадьба в целом становится идеальным замкнутым миром, «счастливым пространством» [6, с. 20]. Топос усадьбы становится, по выражению В. А. Доманского, действующим лицом произведения, а события усадебной повести вписываются в «метатекст усадьбы с его знаками, кодами, не только создающими образ мира, но и выражающими концепцию бытия» [7, с. 56]. Л. Н. Летагин основной характеристикой ландшафта усадьбы называет «размытость границ рукотворности и естества – культуры и природы» [8, с. 12]. Более того, исследователь считает, что «усадьба – прежде всего форма пространственной организации жизнедеятельности, поэтому не выглядит „натяжкой“ утверждение, что русская культура в своей основе – культура усадебная» [8, с. 13]. Символизация усадьбы началась еще в XIX в., однако окончательно усадебный миф сформировался к началу XX в.¹, а в 1920–30-х гг. его существование было прервано появлением новой «социально-космополитической мифологии» [4, с. 211].

Культурные ассоциации, связанные с названием пьесы, порождают символическое предположение: речь пойдет о врачевании бытия, некоей перемене, даже сломе, о кризисе жизни. Доктор сада нужен для того, чтобы восстановить утраченный смысл существования.

Игровое пространство, которое моделируется автором, не позволяет интерпретировать пьесу в реалистическом (психологическом) ключе². Мистификация начинается уже со списка действующих лиц – их «не то два, не то три». Автором

закладывается множественность интерпретаций текста, этому подчиняется в том числе финал: остается неизвестным, что видят герои, развернув ковер. Созданный автором игровой образ мира выступает средством передачи состояния реальности. Именно образ сада, являющийся в пьесе одновременно и действующим лицом, и реальным пространством, в котором происходит действие, и символическим культурным топосом, становится миромоделирующим средством.

Образ сада многослоен и реализуется на разных уровнях пьесы: на культурно-символическом уровне, заявленном в названии и создающем культурный контекст; на реальном, социально-бытовом, на природно-биологическом уровнях (место действия) и, наконец, на уровне пространства сознания героев.

Материал и методы

Материал исследования – пьеса Н. Садур «Доктор сада» (2011). Методологическую основу исследования составляют работы по современной драме и творчеству Н. Садур С. Я. Гончаровой-Грабовской, М. И. Громовой, О. В. Журчевой, И. И. Плехановой, О. В. Семеницкой, Е. В. Старченко; исследования по художественному пространству Г. Башляра, Д. С. Лихачева. Основной метод исследования – структурно-семиотический.

Результаты и обсуждение

1. Дачный сад как реальное, бытовое и социально-историческое пространство

А. Сад на даче как реальное место действия

Действие пьесы происходит на даче, почти полностью заросшей диким, необработанным садом. В начале действия сад изображен как реалистический топос: это сад, который требует усилий для восстановления и поэтому пока бесполезен как с практической (ни выращивать новое, ни собирать уже имеющееся нельзя, пока дикий сад не будет приведен в порядок), так и с эстетической точки зрения. Для работы на даче – в саду – Олег Павлович и Лариса Нежины не приспособлены, признают свою беспомощность: им нужен *кто-то*, кто поможет, – «садовник с секатором». Лариса прямо высказывает свою неспособность встать в один ряд с «опытными деревенскими женщинами» («Да пошутила я. О, Господи! Да кто их купит-то? Кислятину нашу? Да кто меня пустит-то? Там опытные деревенские женщины. У них на табуретках и грибочки, и ягода всякая, и овощ огородный, и банки с молоком. И пучочки трав: мята, кашка, иванчай... Мята! Кашка! Иван-чай! Мята-кашка-иванчай!!! [10, с. 506]»); сравнение с ними выявляет

¹ Эпоха Серебряного века, творившая свои неомифы, не обошла стороной усадебный миф. Значение его О. А. Богданова описывает следующим образом: «...благодаря своей особой эмоционально-суггестивной природе, этот миф действует на воображение, волю и поступки людей, демонстрируя и формируя жизнетворческие стратегии патриархально-идиллической семейственности, самоотверженного служения родине, слитности с землей (природой) и народом, переживания русской национальной самобытности, а также поведенческие модели утонченной интеллектуально-эстетической созерцательности, личного благородства и бескорыстия, высокой верности долгу и поэтичного любовного чувства» [4, с. 208–210].

² На первый взгляд, пьеса производит впечатление реалистической и лишена характерных для Садур признаков фантастики (так, например, М. И. Громова отмечает, что «вне зависимости от жанра, ее [Н. Садур] художественный мир балансирует на грани реальности, узнаваемого быта и невыразимо, несказанно чудесного, мистического» [9, с. 202]).

строгую упорядоченность их Космоса (каждый пункт перечисления вырисовывает «земное» практическое существование этих женщин) и «неприкаянность» существования Ларисы. Ассоциативный ряд с фамилией очевиден: как замечает Е. В. Кудрина (Старченко) в своей статье, посвященной пьесе, Нежины – «нежные и неживые – любящие и мучающие друг друга близкие одинокие люди» [11, с. 267]. Не случайно употребляется противопоставление (любящие и мучающие), поскольку внутренние противоречия героев мешают их взаимодействию.

Б. Дача как пространство изоляции, исключенности героев из социума

Примерное время действия пьесы, определяемое контекстом, – конец 90-х гг. XX в. Герои «Доктора сада» остаются за пределами изменившегося мира и символически, и буквально. Олег Павлович – доцент, бывший университетский преподаватель – остался без работы, поскольку его университет закрыли, его жена когда-то была лаборанткой в том же университете, но теперь не работает. Из Москвы – центра жизни – они переселились на дачу, расположение которой не уточняется.

Дачный топос в некоторой степени наследует семантику усадебного, представляя собой место единения, сохранения семейной, родовой памяти, однако лишается статуса микрокосма, которым обладала усадьба: идеал сада-рая в дачном пространстве отсутствует, для него более характерны прагматизм, утилитарность. Дача размыкает нетронутость, замкнутость усадебного пространства и становится противоположностью усадьбе: это пространство временное, сезонное, дачник не вполне хозяин, а временный жилец [12, с. 161; 13, с. 221].

Оторванность от мира в данном случае проявляется отрицательно: дача – временное жилище – становится для героев местом изоляции, постоянной неустроенной жизни. Они остались вдвоем (детей у них нет) и остро переживают свою бесполезность в настоящем историческом времени. Они не смогли встроиться в новое время, оказавшись недостаточно предприимчивыми, и потеряли все, что у них было: работу, социальный статус, окружение (друзья уехали за границу), имущество (квартиру в центре «украли риэлтеры»). Автор создает двойственную неоднозначную ситуацию и, с одной стороны, выражает жалость к «маленькому человеку», попавшему под влияние обстоятельств (вспомним здесь, например, высказывание В. Розова: «Болит у Садур душа за своих человечков» [14, с. 315]), с другой – иронизирует над неспособными к действиям героями.

Герои Садур отказываются принимать настоящее, живут в воспоминаниях, в мечтах о возвращении прошлого. Воспоминания и фантазии подменяют для них реальность. В прошлой жизни Олег Павлович имел уважаемое социальное положение. Сейчас же он стыдится того, что потерял работу и как будто продолжает ездить в университет, на самом же деле подрабатывает грузчиком на станции. Он якобы боится опоздать на заседание ученого совета, повторяет, что на кафедре будут утверждать учебный план, и это не попытки скрыть тот факт, что он больше не работает в университете (это всем давно известно), а желание в первую очередь убедить себя, что все по-прежнему. Герои как бы инсценируют усадебную жизнь. Олег Павлович притворяется, что ездит на работу, Лариса занимается домашними делами. Но так же, как дача – только имитация родового гнезда, герои имитируют уже не существующую жизнь.

Внутренняя ограниченность персонажей распространяется и на пространство дома: он двухэтажный, но зрителю/читателю открыт лишь первый этаж, в определенной степени вписанный во внешнее пространство сада. Второй этаж остается пространством внесценическим и в некотором смысле пограничным. Там находится только Олег Павлович, при этом доподлинно не известно, на самом ли деле он там (сверху доносятся только голоса, при этом не известно, реальный ли это голос или иллюзия). Олег Павлович при этом действует, Лариса – только наблюдает. Так, именно Олег Павлович предлагает разнообразные варианты дальнейшего существования, Лариса же выступает как оценивающий герой; Олег Павлович динамичен, перемещается в пределах дома, выходит за его границы, Лариса всегда находится на сцене; наконец, Олег Павлович раздваивается в сознании Ларисы на мужа и любовника Валеру, она же в этой ситуации остается наблюдателем и может лишь сделать гипотетический выбор в пользу одного или другого. Таким образом, можно предположить, что все происходящее является отражением пространства сознания самой Ларисы. И если события в начале имеют реалистическую мотивировку, то с развитием действия жизнеподобие снимается, уступая место происходящему в пространстве сознания героев. Так реализуется метафора *сад как отражение души*; этим обусловлен тот факт, что действие принципиально не выносится за пределы очень ограниченного пространства, в котором как бы заперта сама Лариса, и перед читателем/зрителем реализуется последовательная проверка Ларисой разных уровней жизни – от проблем большого мира, социальности к личному,

внутреннему. События пьесы начинают моделировать *вглядывание* героини в себя.

2. Сад как природно-телесное пространство

Город тесно связан с социальными отношениями, жизнь вне города на первый план выдвигает естественно-природное, биологическое начало. Если в прошлой, городской, жизни для Олега Павловича и Ларисы главными были социальные отношения, то в настоящем, дачном, существовании от них потребовалось другое – умение вписаться в природную жизнь. Однако идиллии не возникает: природная онтология оказывается им недоступна, на первый план выходят биологические (в том числе возрастные) проблемы.

Действие пьесы разворачивается вокруг сада: в сад герои смотрят, в сад выходят окна их дома, однако то, что происходит внутри сада, остается недоступным или для них (так, Лариса в сад не заходит, лишь наблюдает), или для читателя/зрителя (если Олег Павлович находится в саду, то от воспринимающего сознания пространство сада скрыто). Сад не становится продолжением пространства дома – окультуренным и обжитым. То есть в своей природной ипостаси сад предстает замкнутой, отгороженной от героев структурой, непознаваемый природный мир, существующий отдельно от человека и наполненный биологической жизнью.

Сад, в противоположность героям, витален. Внешняя закрытость от остального мира подчеркивает внутреннюю органичность, жизнеспособность сада. Свою обособленность и недоступность он сохраняет на протяжении всего действия: так, в начале действия «дикий сад весь блестит в горячем солнце» после ночной грозы, в финале же, на следующее утро «сад весь распрямился, недоступный, тугой и гордый» [10, с. 520]. Сад как микрокосмос автономен и изолирован, непознаваем и существует сам по себе. Е. В. Старченко называет сад в пьесе живым персонажем («Так, заброшенный фруктовый сад в „провинциальной“ пьесе „Доктор сада“ не просто место действия пьесы, не только символ потерянного прошлого, унылого настоящего и неопределенного будущего героев, но и еще один живой (!) персонаж, нуждающийся в любви и заботе» [15, с. 293]).

При этом в саду действуют мужчины, или, скорее, те их образы, которые создает Лариса, поэтому для нее сад закрыт.

Герои Садур вступают в неосознанный конфликт с «природной» стороной своего бытия. Эта сфера для них непонятна и всегда была редуцирована: они всю жизнь находились вне ее и не умеют с ней обращаться, т. е. жили в городе,

подчинялись исключительно социальным правилам, не выходя за их рамки. Сейчас же, оказавшись внутри биологической среды, они испытывают противоречия: все вокруг них наполнено жизнью – они же чувствуют недостаток жизненных сил. Состояния болезненности, безжизненности становятся определяющими для жизни супругов и проявляются как метафорически – в духовном разладе, так и буквально: Лариса строго следит за диетой Олега Павловича, якобы страдающего от болей в желудке. Он признает, что уже не молод, остро переживает свое старение и в то же время хочет вернуть молодость и здоровье, страстность в отношениях с Ларисой. Однако его наигранная бодрость и желание стать мо-
ложе не имеют продолжения в поступках.

Лариса, напротив, прямо выражает сожаления о неудавшейся жизни, лишь когда обличает мужа в ревности, доказывая, что любовника нет и на самом деле это он сам, Олег Павлович, страдает раздвоением личности. Она не говорит о себе или своих переживаниях («*Олег Павлович*. Не нужно было тебе выходить за меня замуж. *Лариса*. Не нужно. *Олег Павлович*. Значит, ты жалеешь! Все это время жалела! *Лариса*. Я не жалела. Но не нужно...» [10, с. 520]. При этом героям кажется, что только Олег Павлович подвержен старению, она же остается прежней. В логике драматического действия Лариса сама не стареет, не изменяется, только наблюдает за старением мужа со стороны, что обуславливает особую роль ее сознания для авторского моделирования.

Действие пьесы выстроено таким образом, что центральным персонажем является Олег Павлович: это он разочарован в себе и говорит об этом; он ревнует жену, создавая конфликтные ситуации; наконец, он испытывает проблему понимания и принятия своего я. Однако нам представляется, что Ларисе отведена особая роль. Она чувствует и понимает больше, чем муж. Стоит заметить, что именно женщина часто играет ключевую роль в произведениях Нины Садур: через призму женского сознания ведется повествование в ее прозе, женщина переживает внутренний конфликт. В образе женщины при этом почти всегда проявляется мифологическое начало – мирозидательное, материнское. В одном из интервью Садур говорит: «...каждая баба есть мистик» [16]. Здесь уместно вспомнить об особом отношении Садур к художественному миру Гоголя, источнику многих ее произведений. В этом контексте высказывание концептуально. Женские образы Садур обладают сверхчувствованием, особым взглядом на мир, способностью обращаться к «высшим сферам» (см. пьесу «Летчик»).

Лариса одинока, ее не устраивает состояние ее жизни, с которым приходится мириться. Материнская любовь как сильное и, в случае героинь Садур, болезненное чувство ей также не дана. Нехватка жизни вынуждает ее выстраивать свой мир, в котором недостаток чувств восполняется связью с молодым Валерой. Роль жены ей скучна, роль любовницы вызывает интерес, поскольку в ней есть острота страсти, но социальные нормы заставляют ее сомневаться в выборе. Муж в ее глазах как бы раздваивается: малоинтересный Олег Павлович, о котором нужно заботиться, и молодой Валера. Оба образа недостаточны сами по себе и должны дополнять друг друга: Валера – исключительно телесен, в нем молодость, красота и эротизм, Олег Павлович, напротив, немолодой и нездоровый. Но Олег Павлович обладает интеллектом и способностью к рефлексии, отсутствующей у Валеры. Ни один из них не является достаточным для Ларисы: Олег Павлович недостаточно «жив», а в Валере жизни слишком много, причем только биологической.

Валера появляется как выражение внутреннего разочарования Ларисы в муже: молодой, сильный, красивый. Он представляет собой полную противоположность Олегу Павловичу, но одновременно и сниженно-телесный, стереотипный образ. Валера, чье существование в мире «Доктора сада» до конца не подтверждено («действующих лиц не то два, не то три»), парадоксально является самым живым из персонажей пьесы и как будто выводится в центр природного мира, так как принадлежит саду¹. Это проявляется как в имени (лат. *Valere* – быть сильным, здоровым) и внешности («молодой, сильный, загорелый красавец»), так и в поведении – эксцентричные поступки, сильное проявление чувств. Валера физиологичен, акцентируются только его телесные черты. «Деревенский безработный» (как и Олег Павлович), Валера появляется из сада и исчезает в нем, будто не существуя вне его (Валера. Могу по саду работать. Ветки обрежу, смажу садовым варом, можно зеленкой. От муравьев и тли побрызгаю настоем чеснока или маньчжурского ореха. Химией стараюсь не пользоваться...) [10, с. 512]. Сад ему известен и открыт: он приносит из заросшего сада малину, знает, как нужно обращаться с деревьями.

В ходе развития действия Лариса приказывает Валере убить Олега Павловича, однако все происходит наоборот: Олег Павлович будто бы уби-

вает Валеру и символично закапывает в саду. Реалистически это мотивировано тем, что в заросший сад никто не заглядывает, он надежно скроет все следы; символически – тем, что сад и Валера тесно связаны, поэтому он возвращается туда, откуда пришел². Приказ убить мужа мотивирован для Ларисы выдвижением на первое место природно-телесного: при этом убить должен Валера как более молодой и привлекательный. Однако ситуация разрешается не так, как желала Лариса: «победа» Олега Павловича возвращает действие в начало и показывает некую неотвратимость судьбы: та скучная, непривлекательная жизнь с мужем оказывается единственно реально существующей для Ларисы.

Эта ситуация может быть интерпретирована несколькими способами. Во-первых, убийство (неясно, реальное или вымышленное) рассмотрено в системе биологических норм. Олег Павлович, убив молодого и сильного Валеру – своего конкурента, – возвращается к своей мужской природе. Его поступок обусловлен как самозащитой, так и борьбой за Ларису, т. е. естественно-биологическими причинами. Во-вторых, если Валера – двойник Олега Павловича, то последний окончательно убивает в себе природную витальность и молодость, т. е., с одной стороны, совершает преступление против своей личности, с другой – его поступок обусловлен онтологическим законом, согласно которому невозможно вернуть молодость. В-третьих, убийство Валеры-фантома, существовавшего только в сознании Ларисы и Олега Павловича, может означать освобождение от иллюзий, одолевающих героев.

Сад не случайно отделен от дома: дом воспринимается героями как обжитое и привычное пространство, сад – как непознаваемое, чужеродное, требующее освоения. С появлением Валеры сад вторгается в мир героев, который они старались выстроить как имитацию их прежней жизни. Однако ясно, что прежняя жизнь более недоступна, а к новой герои не приспособлены. Так, для Олега Павловича сад важен как идея: он мечтает о саде и молодости. Лариса противоречива: сад для нее опасен – именно она повторяет слова о необходимости доктора, садовника; в то же время Валера, тесно связанный с садом, одновременно желанен для нее и скучен, пошл. Так реалистический конфликт, связанный с противопоставлением телесного и духовного, старого и

¹ В этом смысле Валеру можно сравнить с теми героями Н. Садур, которые тесно связаны с природным миром и являют собой как бы воплощение не только природного, но первобытного, хтонического, причем Валера появляется не извне, а «изнутри», т. е. порожден сознанием героев.

² Более того, отметим следующее: «В восточнославянских сказках герой попадает через глубокий колодец в чудесный сад, где растут деревья, на которых зреют плоды, дающие силу (моложавые, или молодильные, яблоки). В пермских обмираниях упоминается о больших садах, где побывал странствующий по «тому свету» человек...» [17, с. 530].

молодого, супружеской верности и измены, переносится в план пространства сознания героев.

3. Сад как пространство сознания персонажей

Итак, мир, созданный в пьесе, двоится: размывается граница между внешней реальностью и пространством сознания героев, физически осязаемым и мыслимым. Пространство внешнего действия отражается во внутреннем пространстве персонажей.

Олег Павлович переживает кризис на социальном и природно-биологическом, «возрастном», уровнях. Для него важно «излечиться» от этого, но он замкнут в своем мире, как бы скрывается от реальности. Он внутренне желает проявлять страстную любовь, но вместо этого мучает жену ревностью и мучается сам. Поэтому появляется Валера, который не думает и не сомневается, только действует. Его поведение регулируется инстинктами, природой. На авторском уровне не дается ответа на вопрос о существовании Валеры, в пределах изображаемого мира Лариса доказывает, что Валера и Олег Павлович – один человек («*Лариса*. В том-то и дело, что ни разу. Ты с ним не столкнулся нос к носу! Ни разу! *Олег Павлович*. Он ловчее меня. Он молод, силен, хорош собою... *Лариса*. Откуда ты знаешь, какой он? Ты его никогда не увидишь! Ты никогда с ним не встретишься, не столкнешься. Потому что он – это ты! Олег, у тебя раздвоение личности. Две личности в тебе одном. Валера и ты. Говорят, так бывает...» [10, с. 529]).

Заросший, недоступный сад – это метафора страха героев перед меняющейся жизнью, страх заставляет скрывать от самих себя все нерешенные проблемы. Валера, появляющийся из сада и в нем исчезающий, существует как идея, текстовая структура, порождаемая сознанием и Олега Павловича, и Ларисы. Его образ формируется, с одной стороны, как не проговоренные Ларисой и Олегом Павловичем и скрытые сожаления о прошедшей – даже потраченной – жизни. С другой стороны, Валера представляет собой воплощение новых иллюзий: о другой, «природной» жизни. Однако и на нее герои не способны, поскольку у них нет не только витальных сил, но и возможности приспособиться, отказавшись от прежнего существования. Поэтому возникшее желание новой жизни и новых отношений, построенных на близости к природе – физиологичности, телесности, оборачивается катастрофой. Помещенные в другие условия герои оказываются в сложном положении: прошлые нормы и установки уже сняты, новые не могут сформироваться. Это обусловлено не только «сопротивлением» среды, которая отторгает героев, но и их

ответным сопротивлением: обвиняя в своих бедах внешние обстоятельства (лишение дома и работы, возраст), они подсознательно чувствуют несовершенство и «раздвоение» в себе. Внутренний конфликт Олега Павловича приводит его к душевному расстройству, и две противоположные личности видит в нем и Лариса.

Кульминацией внутреннего конфликта выступает сцена в садовом душе. Лариса, находясь вне сада, наблюдает, как под струями воды поочередно появляются то Валера, то Олег Павлович. Для Ларисы невозможность выбрать, и необходимость подобного выбора является отражением подсознательного желания другой жизни и разочарования в прежней. Для Олега Павловича эта ситуация – своего рода предельная точка его «раздвоения», после которой он меняется. Это изменение в символическом плане обуславливается также и ритуальным смыслом, которым наделяется мытье Олега Павловича: отмечается, что символика омовения связана с физическим и духовным возрождением («В результате культового омовения (как в водоемах, так и в специально приготовленной жидкости, настоянной на травах) происходило физическое и духовное возрождение» [18, с. 249]). В этом случае возрождения не случается: после убийства героя некуда бежать от самого себя. Конфликты в сознании героев, связанные с непониманием и неприятием себя, объясняют их межличностный конфликт: неумение «выстроить» духовное пространство приводит к неустроенности и внешнего, физического мира (заросший сад, которому требуется доктор).

Со второй картины пьесы нарастает количество образов, не мотивированных реалистически, они хаотически совмещаются, создавая не вполне жизнеподобную картину. Это не только образ сада, свободного и своенравного, но и образ воды, предстающий в разных вариациях: это дождь при ночной грозе, вода в садовом душе, причем как чистая, так и грязная, наконец, вода, которой Лариса моет пол в доме.

Во второй картине пьесы Олег Павлович одолевает ревностью, подозревает Ларису. Здесь же происходит его «разоблачение» и как бы снятие иллюзий: Лариса говорит ему то, что знала давно, – он больше не преподаватель, а «деклассированный рабочий». На мгновение они возвращаются в реальность, чтобы далее снова строить иллюзии: вернуть работу в университете и «предмет» Олега Павловича, жить как раньше. Более того, открывается, что Олег Павлович хочет придумать и пересоздать реальность, т. е. живет в вымышленном мире, в пространстве своего сознания («Я сторонился людей, я записывал

пустяки. В алфавитном порядке. Я знал, как они драгоценны! Я знал, время придет, а как восстанавливать? Ты приступишь – где наша жизнь, Олежек? И я дам ее тебе!» [10, с. 522]. Этот разговор приводит к мнимому согласию: герои как будто примиряются, но в финале второй картины Лариса приказывает Валере убить мужа, т. е. окончательно избавиться от прежней жизни. Однако с убийством Валеры исчезают иллюзии по поводу идеальной жизни в саду и возвращения молодости. Олег Павлович отказывается от дачного существования и мечтает поехать на Север, в далекий Нарьян-Мар – малонаселенный город за полярным кругом, чтобы работать в несуществующем местном университете (совсем как чеховские героини, понимавшие неосуществимость своей мечты)¹.

Заключение

Несмотря на то что пьеса по форме представляет собой диалог между двумя персонажами, подлинного диалога не случается – они остаются каждый в своем воображаемом мире, а пространство сада, в котором сплетаются реальная жизнь и подсознательные представления, становится отражением социального и природного конфликта героев пьесы. Кризис, который переживают герои, обусловлен, как им кажется, внешними причинами, однако к финалу открывается, что дело во внутренних проблемах. Они не могут найти решения и, хотя ожидают «доктора сада», не знают, готовы ли к его появлению. Поэтому финал пьесы остается открытым: не известно, что видят Олег Павлович и Лариса, развернув ковер. Однако становится ясно, что увиденное приведет к трагическому перелому. Финальная ремарка «падает тьма» означает разрушение их мира. Однако и здесь однозначная трактовка невозможна: тьма может означать и неизвестность или пустоту, которые ожидают героев. Сад геро-

ев не превращается в райский сад, где они жили бы в гармонии – они, напротив, из сада «изгнаны». В этих условиях им остается придумывать новые несостоятельные мечты.

Наше исходное утверждение об игровом пространстве пьесы подтверждается, таким образом, организацией ее художественного мира. Сад как многослойный образ представляет собой сочетание разнородных уровней, не организованных иерархически, а наслаивающихся друг на друга. Выстраивающаяся таким образом система может быть моделью мира в предельно сжатой форме. В границах этой модели происходят трансформация и проверка межличностных отношений в разных аспектах. Сад как реально существующее пространство «внешнего» действия открывает другой уровень – пространство сознания, которое оказывается даже более важным. Читатель/зритель наблюдает, таким образом, за действием «внутренним», сценой для которого выступает сад.

В пьесе совмещаются реалистическая и модернистская линии действия. С одной стороны, это реалистическая пьеса о двух героях, выброшенных на обочину жизни, их проблемах и путях их решения. С этой точки зрения конфликт в пьесе социально-психологический. С другой стороны, действие в пьесе модернистское в том смысле, что отражает жизнь героев в их сознании, а конфликт в первую очередь внутренний, но не психологический, а связанный с проблемой самосознания. Неомодернистская игра с пространством выстраивает мир, в логике которого внешнее пространство отражает внутреннее. Непроницаемый и хаотично заросший сад отражает хаос в сознании Ларисы, запутавшейся в противоречиях. Финал пьесы намекает на необратимость жизни, при этом не дается ответа на вопрос о том, что нужно Ларисе, какого доктора она ждет и имеет ли смысл его появление вообще.

Список источников

1. Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.: Академия, 1932. Т. 1. С. 135–269.
2. Хачатрян А. Б. Пространственный образ сада как центральный образ пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» // Язык и репрезентация культурных кодов, 2019. Ч. 2. С. 124–126.
3. Лихачев Д. С. Поэзия садов. М.: Согласие, 1998. 472 с.
4. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М., 2019. 288 с.
5. Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–173.
6. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
7. Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.

¹ Исследование чеховского интертекста представляет собой материал для отдельной статьи и потому подробно не раскрывается.

8. Лetyagin L. N. Усадьбный металандшафт России // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. М.: Жираф, 2004. № 10. С. 9–18.
9. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта, 2017. 364 с.
10. Садур Н. Н. Доктор сада // Ехай. М.: Культурная революция, 2014. С. 501–531.
11. Кудрина (Старченко) Е. В. Образ сада в пьесах Нины Садур // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре. М.: ИМЛИ. С. 267–275.
12. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадьбного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 524 с.
13. Синицкая А. В. Ваши шесть соток (Дачная «мифология» в российском культурном контексте) // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 19–20 нояб. 2009): в 2 ч. Самара, 2010. Ч. 2. С. 217–221.
14. Розов В. С. Пьесы Нины Садур // Н. Садур. Чудная баба: пьесы. М.: В/О «Союзтеатр» СТД, СССР, 1989. С. 314–318.
15. Кудрина (Старченко) Е. В. «Магический реализм» драматургии Н. Садур // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам международной научной конференции «XV Виноградовские чтения»: в 3 т. М.: Книгодел, 2019. Т. 2. С. 290–296.
16. Заболотная М. Искусство – дело волчье // Петербургский театальный журнал. 1993. № 3. С. 11–15.
17. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
18. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М., 1996. 415 с.

References

1. Vol'ter. Kandid, ili Optimizm [Candide, or Optimism]. *Filosofskiye povesti i rasskazy, memuary i dialogi. Tom 1* [Philosophical novels and stories, memoirs and dialogues. Volume 1]. Moscow, Akademiya Publ., 1932. Pp. 135–269 (in Russian).
2. Khachatryan A. B. Prostranstvennyy obraz sada kak tsentral'nyy obraz p'yesy A. P. Chekhova "Vishnevyy sad" [The spatial image of the garden as the central image of the play "The Cherry Orchard" by A. P. Chekhov]. *Yazyk i reprezentatsiya kul'turnykh kodov. Chast' 2* [Language and representation of cultural codes. Part 2]. 2019. Pp. 124–126 (in Russian).
3. Likhachev D. S. *Poeziya sadov* [Poetry of the gardens]. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 472 p. (in Russian).
4. Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Manor and dacha in Russian literature of the XX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology]. Moscow, 2019. 288 p. (in Russian).
5. Dmitriyeva E. E. *Russkaya usad'ba: semantika, topos i khronos* [Russian estate: semantics, topos and chronos]. *Imagologiya i komparativistika*, 2019, no. 11, pp. 140–173 (in Russian).
6. Bashlyar G. *Izbrannoye: poetika prostranstva* [Poetics of space]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 376 p. (in Russian).
7. Domanskiy V. A. *Russkaya usad'ba v khudozhestvennoy literature XIX veka: kul'turologicheskiye aspekty izucheniya poetiki* [Russian Estate in the Fiction of the 19th Century: Cultural Aspects of the Study of Poetics]. *Vestnik Toskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Herald*, 2006, no. 291, pp. 56–60 (in Russian).
8. Letyagin L. N. *Usadebnyy metalandschaft Rossii* [Estate metalandscape of Russia]. *Russkaya usad'ba. Sbornik OIRU* [Russian estate. Collection of OIRU]. Moscow, Zhiraf Publ., 2004, no. 10, pp. 9–18 (in Russian).
9. Gromova M. I. *Russkaya dramaturgiya kontsa XX – nachala XXI veka* [Russian drama of the late XX – early XXI century]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 364 p. (in Russian).
10. Sadur N. N. *Doktor sada* [Doctor of the garden]. In: Sadur N. N. *Ekhay* [Drive]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2014. Pp. 501–531 (in Russian).
11. Kudrina E. V. *Obraz sada v p'yesakh Niny Sadur* [The image of the garden in the plays of Nina Sadur]. *Semantika sada i lesa v russkoy literature i fol'klore* [Semantics of garden and forest in Russian literature and folklore]. Moscow, IMLI Publ., pp. 267–275 (in Russian).
12. Dmitriyeva E. E., Kupcova O. N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyy i obretyonnyy ray* [The Life of the Manor myth: paradise lost and found]. Moscow, OGI Publ., 2008. 524 p. (in Russian).
13. Sinitskaya A. V. *Vashi shest' sotok (dachnaya "mifologiya" v rossiyskom kul'turnom kontekste)* [Your six acres (dacha "mythology" in the Russian cultural context)]. *Kody russkoy klassiki: "dom", "domashneye" kak smysl, tsennost' i kod: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Samara, 19–20 noyabrya, 2009)* [Codes of Russian classics: "home", "domestic" as meaning, value and code: materials of the III International. scientific-practical conf. (Samara, November 19–20, 2009): in 2 parts]. Samara, 2010. Pp. 217–221 (in Russian).

14. Rozov V. S. *P'yesy Niny Sadur* [Plays by Nina Sadur]. N. Sadur. Chudnaya baba: p'yesy [N. Sadur. Wonderful Woman: plays]. Moscow, Soyuzteatr STD, SSSR Publ., 1989. Pp. 314–318 (in Russian).
15. Kudrina (Starchenko) E. V. “Magicheskiy realism” dramaturgii N. Sadur [“Magical Realism” of N. Sadur’s dramaturgy]. *Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “XV Vinogradovskie chteniya”* [Text, context, intertext: a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific conference “XV Vinogradov Readings”: in 3 volumes]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, vol. 2, pp. 290–296 (in Russian).
16. Zabolotnyaya M. Iskustvo – delo volch'ye [Art is a wolf’s business]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal*, 1993, no. 3, pp. 11–15 (in Russian).
17. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 656 p. (in Russian).
18. Makovskiy M. M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbols in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, 1996. 415 p. (in Russian).

Информация об авторе

Красноухова Ю. С., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

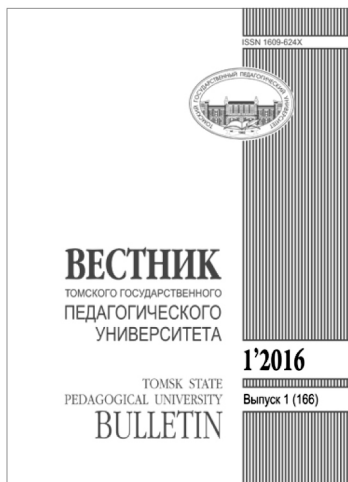
Information about the author

Krasnoukhova Yu. S., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 03.07.2023; accepted for publication 26.09.2023

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вестник Томского государственного педагогического университета. Tomsk State Pedagogical University Bulletin» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базы данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, ERIHPLUS, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk

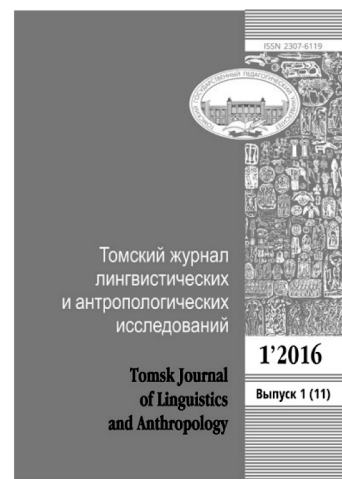
Journal of Linguistics and Anthropology» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г., включено в RSCI на базе Web of Science.

Также журнал состоит в базах данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, ERIHPLUS, EBSCO, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

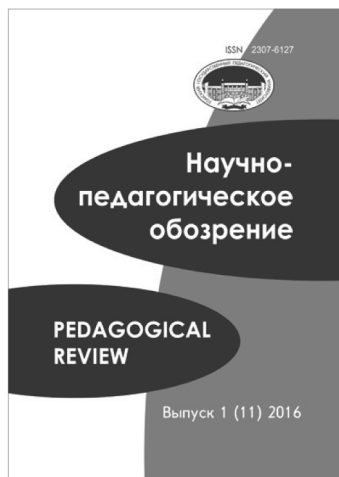

«Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базу данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

E-mail: npo@tspu.edu.ru

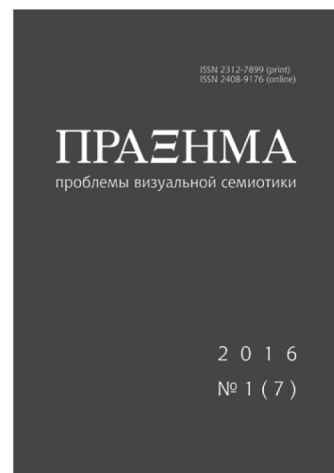

Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базы данных ULRICHSWEB, SJR, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2018 года журнал включён в базу индексируемых периодических изданий Scopus.

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru>

E-mail: inir@tspu.edu.ru

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

